

которые несет *президентализм* демократии. Наиболее важными среди них являются те, которые возникают из-за несовпадения или, наоборот, совпадения политической принадлежности президента (или президента и правительства) и парламентского большинства¹. В первом случае существует опасность возникновения резких разногласий между ветвями власти и неразрешимых конфликтов, которые препятствуют достижению соглашений и могут привести к смене режима на недемократический. Во втором случае появляется возможность поставить парламент под контроль президента и правительства, что ведет к подрыву демократического принципа разделения властей и системы сдержек и противовесов.

Учитывая достоинства и недостатки существующих индексов демократии, индекс институциональных основ демократии составлялся на основе сочетания качественных и количественных переменных.

При составлении индекса мы использовали следующие параметры: возраст непрерывной минимальной электоральной традиции (1945–2005 гг.); характер (уровень) парламентской конкуренции; характер (уровень) конкуренции при формировании исполнительной власти; включенность граждан в избирательный процесс; доля женщин в нижней палате парламента.

Факторы укрепления / ослабления институциональных основ демократии: отсутствие или подрыв конкуренции при формировании исполнительной власти; нахождение во главе исполнительной власти более двух сроков подряд; нарушения конституционного порядка (неконституционные смены власти, перевороты или их попытки, гражданские войны, оккупации и др.); непрерывность демократической традиции после Первой мировой войны; влияние парламента на формирование правительства.

¹ См., напр.: *Linz J.J. The perils of presidentialism // Journal of democracy.* – Wash., 1990. – Vol. 1, N 1. – P. 51–69; *Mainwaring S., Shugart M.S. Conclusion: presidentialism and the party system // Presidentialism and democracy in Latin America / Ed. by Mainwaring S., Shugart V.S.* – Cambridge: Cambridge univ. press, 1997. – P. 394–439.

Я.И. ВАСЛАВСКИЙ

**АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
И КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРОЦЕДУР
ДЛЯ СОСТАВЛЕНИЯ КОМПЛЕКСНЫХ ИНДЕКСОВ
(НА ПРИМЕРЕ ИНДЕКСА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ
ОСНОВ ДЕМОКРАТИИ В ПРОЕКТЕ
«ПОЛИТИЧЕСКИЙ АТЛАС СОВРЕМЕННОСТИ»)**

В проекте «Политический атлас современности» для ранжирования 192 государств мира разработано пять комплексных индексов, отражающих различные стороны политической реальности, – состояние государственности, внутренние и внешние угрозы, потенциал международного влияния, качество жизни и институциональные основы демократии. В процессе сбора данных для индекса институциональных основ демократии авторским коллективом был выявлен ряд особенностей, требующих дополнительной проработки с целью создания единого информационного стандарта проекта. Спецификой индекса институциональных основ демократии является анализ политических процессов, процедур или фактов политических изменений; собранная в результате информация нуждается в обработке и трактовке, приведении к общему «знаменателю» и оформлении в виде качественных и количественных переменных индекса.

**Индекс институциональных основ демократии
как индикатор функционирования конституционных
демократических институтов**

Индекс институциональных основ демократии отличается от других индексов проекта не только акцентом на политические процессы и изменения, своеобразной скрытой квинтэссенцией выступает его связь с деятельностью конституционных демократических институтов. Конституции и те институты, деятельность которых они определяют, уже давно перестали быть редким явлением. Напротив, в наши дни основной закон является таким же неотъемлемым атрибутом суверенного государства, как государственные символы, наличие территории и т.п. Это связано с символической составляющей значения конституционных документов, которую с некоторых позиций можно рассматривать как компоненту суверенитета. Иными словами, конституции сегодня – повседневная практика. Разумеется, у каждого государства имеется собственный, уникальный основной закон, однако все же существуют общие принципы построения конституционных документов в светских государствах, декларирующих свою приверженность идеалам демократии. В данном случае мы говорим не о структуре собственно текстов, хотя и здесь можно найти целый ряд трендов. Речь идет о тех институтах и процедурах, которые благодаря историческому политическому опыту человеческой цивилизации стали, с одной стороны, данью всеобщей «моде», а с другой, если подходить к вопросу научно и критично, – данью системе демократических стандартов. Мы не можем говорить о более или менее четком определении институтов, так как политическая наука выработала множество трактовок. На протяжении последних двух веков в плане изучения конституций и институтов выделялись французские исследователи – представители ведущей страны Европы, где актуальность конституционных проблем всегда была чрезвычайно высока. Одну из фундаментальных идей в данной области высказал еще М. Дюверже, который предложил считать институтами «совокупность идей, верований, обычаев, составляющих упорядоченное

и организованное целое (например, брак, семья, выборы, правительство, собственность и т.д.)»¹.

На сегодняшний день в конституционных документах принято регламентировать деятельность институтов и практик демократического (по крайней мере, декларируемого таковым) правления. Их число может варьироваться от государства к государству, также могут отмечаться особенности у каждого конкретного института или процедуры, однако можно говорить об определенном общем наборе таких компонент, которые позволяют сравнивать политические системы друг с другом как по одномерным, так и по многомерным шкалам. В данном наборе присутствуют декларируемые в конституционных документах неотъемлемые права личности и гражданина, институт выборов в органы законодательной и исполнительной власти (как правило, определяется отдельно для легислатуры и для правительства), порядок деятельности ветвей власти, средства гражданского и парламентского контроля над правителями (петиции, референдум, контроль над распределением министерских постов, вотум недоверия, импичмент и т.п.), различные ограничения (например, право вето или лимит сроков для главы исполнительной власти) и т.д.

В проекте «Политический атлас современности» подбирались такие институты и процедуры, которые позволили бы провести сравнение государств друг с другом, не умаляя при этом масштаба и значения сравниваемых объектов. Набор переменных и их веса в индексе были определены с применением ряда методов многомерного статистического анализа, а также путем опросов коллег в международном научном сообществе для составления обучающей выборки. Всего индекс имеет десять переменных, условно разделенных на две группы – «качественную» и «количественную». Количественные переменные индекса включают: возраст непрерывной минимальной электоральной традиции, характер (уровень) парламентской конкуренции, характер (уровень) конкуренции при формировании исполнительной власти, включенность граждан в избирательный процесс, долю женщин в нижней палате парламента. Среди качественных переменных – отсутствие или подрыв кон-

¹ Дюверже М. Политические институты и конституционное право // Антология мировой политической мысли. В 5 т. – М.: Мысль, 1997. – Т. 2. – С. 644.

курении при формировании исполнительной власти, нахождение во главе исполнительной власти более двух сроков подряд, нарушения конституционного порядка, непрерывность демократической традиции после Первой мировой войны, влияние парламента на формирование правительства.

Если взглянуть на перечисленные показатели, становится очевидной связь переменных как в «качественной», так и в «количественной» группах с конституциями, а также с институтами и практиками демократического правления. Например, электоральная традиция определяется конституционными традициями и обычаями, она вряд ли может систематически соблюдаться гражданами без «конституционного контроля». Данная традиция обусловлена соблюдением права граждан избирать и быть избранными, недопущением узурпации этого права в пользу узкого круга правителей. Этим же обусловлена включенность граждан в избирательный процесс, которая в соответствии с современными демократическими стандартами также предусматривает наличие всеобщего избирательного права. Конкуренция при выборах в органы законодательной и исполнительной власти определяется электоральными процедурами, которые прописываются в основном законе, а также наличием в конституции тезисов о многопартийности. Наличие определенной доли женщин в депутатском корпусе легислатур является вполне естественным следствием соблюдения вышеперечисленных прав граждан. Можно отметить, что конституции ряда государств предусматривают нижний порог участия женщин в деятельности парламента в качестве депутатов, однако по итогам изучения ситуации в странах мира мы можем отметить, что и без данной гарантии эффективно функционирующая демократическая система способна предотвратить гендерную дискриминацию и сохранить «здоровый» баланс в политике.

Качественные переменные отличаются от количественных не только характером составляющих их данных. Как может заметить читатель, при рассмотрении количественных компонент индекса анализ основывается на априори присутствующих характеристиках, требующих соответствующего замера. С качественными переменными мы наблюдаем ситуацию иного рода: наличие необходимых демократических институтов и процедур декларируется всеми странами, которые характеризуют себя как демократические. Ко-

личественные показатели, которые могли бы быть измерены, отсутствуют, а учет только декларируемых составляющих не позволит нам адекватно ранжировать страны даже в два кластера, не говоря уже о большем количестве кластеров (при кластерном анализе), как и разработать рейтинг. Именно поэтому большинство качественных переменных учитывают не наличие соответствующих институтов и практик, а срыв их функционирования. Так, отсутствие или подрыв конкуренции при формировании исполнительной власти позволяет выделить государства, где, несмотря на конституционно предусмотренные – а значит, априори легитимные – органы власти, имело место нарушение конституционного порядка или подрыв действующего режима. Как правило, подобные изменения влекут за собой серьезные последствия для всей политической системы, вплоть до пересмотра конституции или и вовсе ее упразднения с последующим принятием нового основного закона. Нахождение во главе исполнительной власти более двух сроков подряд при установленном лимите – свидетельство нарушений в функционировании демократических институтов государств, где основным закон предусматривает ограничение для главы исполнительной власти в виде максимально допустимого числа сроков пребывания на высшем посту. В данном случае необходимо отметить, что «отрицательный» результат по этому показателю для систем вестминстерского типа не влияет серьезным образом на их положение в наших индексах, так как по прочим параметрам такие системы проявляют себя как исключительно устойчивые. В то же время мы исходим из того, что наличие лимита сроков пребывания у власти является положительной характеристикой любой политической системы, характеризует ее как более зрелую, устойчивую и сбалансированную. Соответственно, соблюдение этого лимита свидетельствует, среди прочего, о нормальном функционировании конституционных демократических институтов. Нарушения конституционного порядка в любой форме сами по себе являются индикаторами «болезней» политических систем. Вместе с двумя вышеперечисленными компонентами данный параметр позволяет оценить функционирование институтов и практик демократического правления и эффективно ранжировать страны в рамках нашего проекта. О таком показателе, как непрерывность демократической традиции после Первой мировой войны, речь пойдет далее в нашей

публикации. Однако, помимо всего прочего, он позволяет выделить государства, где реализация демократических практик, несмотря на потрясения XX столетия, не прерывалась. Влияние парламента на формирование правительства является тем показателем, который свидетельствует о реальном влиянии законодательных органов власти на ход политического процесса, об уровне развития партийной и – косвенно – избирательной систем, о степени ответственности политических деятелей не только перед гражданами, но также, что не менее важно, перед Конституцией как основным законом государства, перед которым равны все без исключения граждане. Кроме того, этот показатель позволяет исследователям рассуждать о качестве конституций государств мира, степени проработанности разделов, описывающих деятельность отдельных ветвей власти, равно как и разделов, характеризующих отношения между ними.

Источники данных для индекса: преимущества и недостатки

Более подробные характеристики индекса и обоснование включения в него тех или иных переменных можно найти в других материалах о проекте¹. Далее в нашей публикации мы рассмотрим подробнее каждый из перечисленных параметров и, используя конкретные примеры, выделим особенности сбора и стандартизации данных.

Очевидная трудность при составлении индекса в целом – недоступность унифицированных, четких и прозрачных данных. Небольшие государства, не имеющие традиции и не ведущие систематизированную практику предоставления международным организациям данных о выборах, а также «непрозрачные» страны по причине действующего в них политического режима требуют повышенного внимания. В целом основными источниками при сборе информации о демократических процедурах – таких, как выборы и референдумы, – выступали энциклопедия «Выборы во всем

¹ См. другие публикации в данном номере журнала «Политическая наука», а также материалы, опубликованные в № 5 журнала «Полис» за 2006 г. Кроме того, тексты, описывающие обоснованность включения тех или иных параметров в индексы, а также структуру данных индексов, содержатся и обновляются на официальном сайте проекта «Политический атлас современности». Режим доступа: <http://www.worldpolitics.org>.

мире»¹, а также специализированные интернет-ресурсы: веб-сайт неправительственной организации «IFES» «Election guide»², информационная база Межпарламентского союза «PARLINE database»³, ресурс «Parties and elections in Europe»⁴. «Election Guide» имеет удобный интерфейс, содержит информацию о выборах и референдумах во многих странах и территориях, однако в качестве недостатков этого ресурса мы бы выделили нехватку данных о небольших или «непрозрачных» государствах, позднее размещение информации, а также эпизодически имеющую место неточность (в сравнении с другими ресурсами, а также – что весьма существенно – при сопоставлении с данными национальных избирательных комиссий). Проект Межпарламентского союза предлагает исчерпывающую информацию о парламентских выборах в странах – членах организации. На данный момент в Союзе состоит 148 национальных государств, что обеспечивает удовлетворительное покрытие для базы данных проекта. Недостающая статистика присутствует на веб-сайте «Election Guide» или – в особо затруднительных случаях – на интернет-ресурсах национальных legislatures или избирательных комиссий. Преимущество сайта Межпарламентского союза состоит не только в том, что он содержит удовлетворительную по качеству статистику набранных партиями (кандидатами) голосов, но также в предоставлении краткой, но в то же время исчерпывающей справки о подготовке к голосованию и ходе выборов, сложившихся партийных альянсах и коалициях. «Региональный» ресурс «Parties and Elections in Europe» содержит даже более подробную, чем у Межпарламентского союза, и регулярно обновляемую информацию о выборах в европейских государствах, сложившихся в legislatures партийных альянсах и коалициях. Преимуществами данного сайта являются точность и своевременное обновление информации благодаря концентрации его создателей на электоральных процессах в отдельно взятом регионе. В целом, если бы подобные ресурсы существовали и для других регионов планеты, все они в совокупности могли бы соста-

¹ Выборы во всем мире. Электоральная свобода и общественный прогресс: Энциклопедический справочник / Сост. Танин-Львов А.А. – М.: РОССПЭН, 2001.

² Сайт «Election Guide». Режим доступа: <http://www.electionguide.org>.

³ Режим доступа: <http://www.ipu.org/parline-e/parlinesearch.asp>.

⁴ Режим доступа: <http://www.parties-and-elections.de>.

вить уверенную конкуренцию международным проектам вроде «Election Guide» или «PARLINE Database», обеспечив отличные покрытия для базы данных любого проекта, связанного с исследованиями электоральных процессов или функционирования демократических институтов в целом.

Основными задачами при сборе данных для индекса стали фиксация наиболее актуальной электоральной статистики, учет последних политических событий, которые могут отразиться на переменных. Сегодня в мире отсутствуют источники, содержащие актуальную информацию по политическим событиям, конкурентным выборам и их результатам одновременно для всех рассматриваемых в проекте стран. Поэтому помимо основных источников использовались также материалы по новой и новейшей истории (в том числе из энциклопедического блока проекта «Политический атлас современности»), сообщения международных информационных агентств и СМИ.

Сбор и обработка данных: основные аспекты и трудности

Теперь перейдем непосредственно к содержащимся в индексе переменным, дадим им краткую характеристику и рассмотрим особенности сбора и обработки информации для каждой из них. Возраст непрерывной минимальной электоральной традиции используется как показатель укорененности в обществе традиции конкурентных выборов. При этом подразумевается, что наличие даже ограниченной конкуренции на выборах способствует укоренению практики конкурентных выборов. Данный показатель исчисляется как количество лет, в течение которых регулярно проводились минимально конкурентные выборы в ныне существующих государствах мира (с 1945 по 2005 г.). В случае возникновения новых государств отсчет ведется с первых минимально конкурентных выборов. Гражданские войны, препятствующие волеизъявлению избирателей, перевороты и т.д. трактуются как нарушения регулярности, подрыв традиции. В этом случае отсчет ведется с момента первых конкурентных выборов после окончания войны или конфликта. Иными словами, если стабильное до недавнего времени государство пережило масштабный кризис, связанный с нарушени-

ем конституционного порядка, оно теряет свою «положительную» электоральную историю.

Для переменной возраста электоральной традиции сложность представляла трактовка конкуренции на выборах. Власти ряда государств предпринимают те или иные действия, препятствующие проведению демократических выборов: подтасовка результатов, выдвижение заведомо лояльных властям кандидатов, угрозы кандидатам от оппозиции и их сторонникам, препятствование свободному волеизъявлению граждан и т.д. Это в значительной степени касается стран третьей «волны» демократизации в Африке, Азии, Латинской Америке. Приведение данных к количественным показателям требовало определения максимально унифицированных стандартов трактовки политических событий и процессов, в результате достаточным условием для признания выборов соревновательными стало наличие минимальной конкуренции. Практика сбора данных продемонстрировала, что действия властей в «проблемных» странах не приводят к завышению их показателей в рамках переменной.

Характер, или уровень, парламентской конкуренции – это параметр, позволяющий судить о справедливости системы представительства, об отсутствии (или присутствии) доминирования отдельных политических сил в законодательных (представительных) органах власти. Данный показатель рассчитывается как процент мест, полученных в результате последних парламентских выборов всеми партиями в нижней палате парламента, за вычетом доли партии-победителя. К партии-победителю в проекте относятся также устойчивые партийные альянсы типа ХДС/ХСС в ФРГ¹. Значение показателя рассчитывается на основе электоральной статистики.

При обработке этой переменной не отмечалось существенных проблем со сбором данных, которые в удовлетворительном объеме содержат наши базовые и дополнительные источники. Вместе с тем при анализе данных по парламентской конкуренции мы столкнулись с рядом особенностей. Во-первых, в отдельных случаях сложно выделить партийные альянсы (например, латентные, не-

¹ Именно как одну партию при учете количества партий предлагает рассматривать подобные альянсы авторитетный политолог Джованни Сартори. Подробнее см.: Sartori G. Parties and party systems: A Framework for analysis. – Cambridge [Eng.]; N.Y.: Cambridge univ. press, 1976.

прочные или основанные исключительно на договоренности лидеров или фракций внутри партий). Кроме того, структура альянса может измениться уже после проведения выборов. В этой связи было принято решение использовать информацию, актуальную на момент подведения итогов голосования. В небольших государствах, расположенных преимущественно в Океании, партийные системы отсутствуют вовсе и в выборах участвуют независимые кандидаты. В таких случаях уровень конкуренции определялся как процентная разность общего числа мест в палате к процентному показателю одного парламентского места. Партийные системы, как известно, также отсутствуют в ряде авторитарных государств, особенно на Ближнем Востоке. В этом случае, как и при наличии однопартийной системы или «назначенной» оппозиции, показатель государства считается равным нулю.

Во многом аналогичным образом производились расчеты для такой переменной, как характер (уровень) конкуренции при формировании исполнительной власти. Ее показатель свидетельствует о возможностях различных политических сил участвовать в формировании исполнительной власти и влиять на определение и осуществление политического курса. Переменная рассчитывается как доля голосов, полученных проигравшими кандидатами в решающем туре президентских выборов (если формирование правительства зависит от президентских выборов), или как доля мест в парламенте партий, не участвующих в формировании правительства (если формирование правительства зависит от парламентских выборов). При условии отсутствия практики формирования правительства в результате выборов показатель считается равным нулю.

Очевидно, что для парламентских режимов этот показатель соответствует результатам расчетов по предыдущей переменной. Определенную сложность в процессе расчета конкуренции при формировании исполнительной власти могут представлять страны, где она (конкуренция) носит «декоративный» характер. Однако в таких государствах, как правило, итоговые результаты так или иначе свидетельствуют о низком уровне конкуренции и не искажают реальное положение страны в индексе (например, Гвинея в 2003 г., Грузия в 2004 г., Туркменистан в 2007 г.). Кроме того, имеются прецеденты повторного проведения голосования после масштабных политических кризисов (например, Украина в 2004 г.). В таких

случаях учитываются данные решающего голосования или, иными словами, такого голосования, по результатам которого была сформирована исполнительная власть.

Показатель включенности граждан в избирательный процесс демонстрирует долю населения, которая имеет право участвовать в выборах. В проекте «Политический атлас современности» показатель включенности граждан в избирательный процесс рассчитывается как соотношение размера избирательного корпуса и общей численности населения, при этом учитываются данные последних (до 2005 г. включительно) парламентских или президентских выборов.

Основными источниками здесь выступают ресурсы «PARLINE database» и «Election guide». Очевидно, что при учете данного показателя в выигрышном положении оказываются страны, практикующие всеобщее избирательное право. Режимы, допускающие какую-либо дискриминацию – по половому, этническому, имущественному или какому-либо другому признаку, – имеют более низкие результаты. Определенную трудность при расчете представляло отсутствие актуальных данных по ряду казусов. Как правило, если необходимая информация была недоступна на международных порталах, при некоторых временных затратах ее можно было найти на веб-сайтах национальных организаций электоральной статистики.

Наименьшие трудности при расчете индекса представлял расчет доли женщин в нижней палате парламента: Межпарламентским союзом наработана солидная статистическая база по странам-членам. В случае, если страна не состоит в данной организации, используются данные национальных органов законодательной власти, упомянутых выше национальных организаций электоральной статистики или авторитетных СМИ. Обычно власти государства указывают уровень представительства женщин в парламенте, так как на сегодняшний день этот показатель признается одним из признаков демократической политической системы.

Наибольший интерес и сложность при расчете индекса представляли собой качественные переменные, характеризующие некоторые политические процессы или прецеденты отклонения от заданных в рамках индекса параметров. После соответствующей обработки переменные фигурируют в базе данных с числовыми значениями – например, «0» при наличии отклонений и «1» при их отсутствии.

Первым из рассматриваемых нами качественных параметров является отсутствие или подрыв конкуренции при формировании исполнительной власти, что подразумевает: отсутствие минимально конкурентных выборов главы исполнительной власти (безальтернативные «выборы» или отсутствие института выборов вообще), проведение референдумов о продлении полномочий действующего главы исполнительной власти или его предшественника, а также изменение конституции (или принятие новой) с целью продления полномочий. Хронологические рамки ограничиваются настоящим главой исполнительной власти и его предшественником.

В целом для расчета достаточно информации основных источников, однако в мире имеются прецеденты изменения конституции парламентом или продления полномочий главы исполнительной власти без процедуры референдума. В таких случаях важно отследить соответствующие политические изменения, для чего мы использовали данные проекта «Polity IV»¹. Впрочем, объем информации на ресурсе «Polity IV» не удовлетворяет в полной мере требованиям нашего проекта. В случае необходимости поиск информации производился с использованием материалов по новой и новейшей истории (в том числе из энциклопедического блока проекта «Политический атлас современности»), сообщений прессы. Очевидно, что при подобном подходе основная трудность – это анализ процессов в небольших, расположенных в труднодоступных районах планеты государствах. Поток информации из которых слабый или крайне слабый. Сам процесс можно охарактеризовать как трудоемкий и требующий существенных временных затрат. В то же время собранные в итоге данные представляют собой прецедент подобных накоплений информации и могут принести пользу как проекту «Политический атлас современности», так и – потенциально – другим исследованиям сходной направленности.

Нахождение главы исполнительной власти (президента, премьер-министра или др. – в зависимости от характера режима) на своем посту более двух сроков подряд свидетельствует об отклонениях от принципа срочности и ответственности полномочий. Дале-

¹ Сайт проекта «Polity IV». Режим доступа: <http://www.cidcm.umd.edu/inscr/polity>. По этой базе отслеживаются периоды нахождения страны в поле автократии, а также периоды внутренних и внешних конфликтов.

ко не во всех странах мира существуют формальные ограничения таких сроков. Кроме того, очевидно, что при наличии развитых механизмов сдержек и противовесов, а также хорошо отлаженной системы юридической ответственности превышение двух сроков не подрывает принципы конкуренции, ответственности и сменяемости (классический пример – системы вестминстерского типа). Тем не менее отсутствие такой нормы потенциально несет в себе угрозу монополизации власти одной группой.

Для сбора информации по данному показателю использовались как указанные выше сайты электоральной статистики, так и специализированные ресурсы, отслеживающие и ведущие историю нахождения политических лидеров у власти. Основным из них является интернет-сайт «Rulers»¹, содержащий обширные данные не только о главах исполнительной власти государств, но также о других лидерах, в том числе с представительскими функциями.

Очевидно, что при учете данной переменной в наиболее уязвимом положении находятся абсолютные монархии, а также государства, где конституционное оформление и развитие институтов демократического правления оказались под угрозой срыва по причине применения упомянутых в предыдущем показателе практик. Кроме того, учитываются показатели даже тех государств, где главы исполнительной власти пребывали у власти вполне легально с точки зрения местных законов: например, по итогам референдума об изменении срока полномочий в ту или иную сторону, когда после конституционной реформы отсчет сроков формально ведется заново. В этом случае «срабатывает» предыдущая переменная, отслеживающая подрыв конкуренции.

Другую возможную форму отклонений в развитии конституционных институтов учитывает такой показатель, как нарушения конституционного порядка. Данный показатель основан на учете неконституционных смен власти (или попыток произвести таковые) в результате переворотов, гражданских войн, оккупаций и др.

Отслеживание соответствующих политических событий ведется по таким источникам, как материалы по новейшей истории с 1974 по 2005 г. (на этот период приходится третья «волна» демократизации), в том числе из энциклопедического блока проекта

¹ Сайт «Rulers». Режим доступа: <http://www.rulers.org>.

«Политический атлас современности», а также сообщения международных информационных агентств и СМИ (для фиксации последних событий).

Особую роль в данном показателе играют военные перевороты. Очевидно, что с наступлением третьей «волны» демократизации они пользуются все меньшей поддержкой населения и все реже заканчиваются свержением правящего режима¹. Военные, совершая переворот, как правило, оправдывают свои действия неудовлетворенностью действиями гражданских властей и чаще всего ставят задачу подготовки страны к демократическим выборам в течение нескольких лет. Примером здесь является военный переворот 2006 г. в Таиланде – стране, где, несмотря на богатую практику переворотов 2006 г. в Таиланде – стране, где, несмотря на богатую практику переворотов не происходили с 1992 г. Аналогичная ситуация наблюдается в случае с Мавританией: с 1992 г. у власти пребывало гражданское правительство, которое в августе 2005 г. было смещено военными. Если в Мавритании первые после переворота выборы уже состоялись, что в Таиланде к таким выборам еще готовятся. Впрочем, даже при «неудаче» попытки переворотов фиксируются и засчитываются при составлении индекса.

В процессе работы с данной переменной также возникает трудность оценки того, что является попыткой нарушения конституционного порядка: в мировой практике имеются прецеденты не поддающихся однозначной трактовке событий. Среди подобных примеров фигурирует, во-первых, политический кризис на Украине в 2004 г., а также события в этой стране весны 2007 г., во-вторых, – события весны 2007 г. в Узбекистане. Авторский коллектив проекта полагает, что если массовые выступления и сопутствующие действия основных политических акторов, при всей напряженности ситуации, не выходят за рамки конституционности и легальности, то нет оснований говорить о попытках нарушения конституционного порядка². В то же время, как и в случае с военными переворотами, наличие попыток неконституционных действий в процессе

¹ См., напр.: Хантингтон С. Третья волна: демократизация в конце XX века. – М.: РОССПЭН, 2003. – С. 254, 310–311.

² Соответственно, отрицательный показатель по данной позиции стране не засчитывается.

политического кризиса даже в успешных некогда государствах отражается на их позициях в индексе.

Показатель непрерывности демократической традиции после Первой мировой войны выделяет страны, которые принадлежат к числу «старых» демократий. Данная переменная позволяет принять во внимание опыт тех стран, которые избежали коллапса демократии как в результате внутренних кризисов, так и в результате оккупации. Анализ выполнялся на основе политической истории стран мира с 1918 г., использовались, в том числе, материалы энциклопедического блока проекта «Политический атлас современности». По сути, в рамках данной переменной сформировался своего рода «закрытый клуб», учитывающий достижения государств, где конституционное оформление демократических институтов и практик долгое время протекает без сбоев и «откатов».

Последний параметр – влияние парламента на формирование правительства – призван учесть реальные возможности легислатуры определять состав кабинета министров.

Главным источником для определения показателей стран в данном случае выступают тексты конституций государств мира. Как правило, положения о характере влияния законодательной власти на формирование правительства отражены в разделах, описывающих принципы формирования, полномочия, деятельность отдельных ветвей власти, либо в разделах, предписывающих порядок их взаимодействия (последний вариант характерен в основном для конституций франкофонных стран, в частности, Франции и ряда африканских государств).

В данном случае важно было зафиксировать, обладает ли легислатура правом выдвижения кандидатур на министерские должности, утверждения кандидатур, предложенных представителями исполнительной власти, либо правом отправить в отставку как кабинет в целом, так и одного министра в отдельности. Сбор информации по данному показателю не представлял существенных методологических сложностей, за исключением необходимости иметь представление об основных возможных параметрах структуры конституционных документов с целью сокращения времени поиска нужной информации.

Кроме того, для систематического сбора данных по таким показателям желательно знание исследователем не только англий-

ского, но также французского, испанского и португальского языков: конституции многих государств мира на официальных интернет-порталах властей могут быть не переведены на английский язык. Существует также ряд международных веб-сайтов, содержащих тексты конституционных документов стран мира, однако эти базы не являются исчерпывающими, например, может отсутствовать информация по небольшим государствам¹. Кроме того, при изучении таких государств возникает проблема актуальности (последней версии) текстов: здесь можно провести четкие параллели с несвоевременным обновлением данных на упомянутых выше международных интернет-ресурсах о выборах.

Итак, в числе основных выводов нашей публикации мы бы отметили наличие у индекса институциональных основ демократии потенциала по оценке как качественной, так и количественной сторон функционирования институтов и практик демократического правления, что позволяет адекватно и эффективно, с применением многомерных шкал, ранжировать страны мира в рамках рассматриваемых показателей композитного индекса. При измерении количественных переменных основные трудности представляют доступ к точной информации и ее сбор при отсутствии мощных международных статистических банков данных и наличии на планете государств, либо попросту не обладающих требуемой статистикой, либо по различным причинам не предоставляющих ее без искажений международному сообществу. При работе с качественными показателями основными проблемами являются адекватная оценка происходящих в государствах политических событий для присвоения им релевантного с научной точки зрения балла, а также сам процесс сбора данных, порой труднодоступных или не переведенных на основные языки мира. Существенными требованиями к исследователю при работе с качественными переменными можно назвать широкий кругозор, эрудированность и знание нескольких иностранных языков – эти качества и навыки не только сокращают время на поиск нужной информации, но также – что гораздо более важно – предотвращают появление значительного числа неточно-

¹ В числе наиболее известных международных веб-сайтов – проект «Международное конституционное право» (режим доступа: <http://www.servat.unibe.ch/law/icl/>), а также ресурс «Конституционное общество» (режим доступа: <http://www.constitution.org/>).

стей, которые могут непосредственным образом отразиться на положении государств в индексе. Кроме того, по обеим группам показателей существует проблема актуальности информации и приведения актуальности к единому для всех стран «знаменателю» для более эффективного ранжирования. Используемые методики имеют потенциал для совершенствования, и конкретные пути их развития стали очевидны авторскому коллективу проекта «Политический атлас современности» в процессе научного анализа.

МАНК Дж., ВЕРКУЙЛЕН Дж.
**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ИЗМЕРЕНИЕ
 ДЕМОКРАТИИ. ОЦЕНКА АЛЬТЕРНАТИВНЫХ
 ИНДЕКСОВ**
 (Реферат)

MUNCK G.L., VERKUILEN J.
Conceptualizing and measurement democracy. Evaluating alternative indices // Comparative political studies. – Beverly hills, 2002. – Vol. 35, N 1. – P. 5–34.

Авторы статьи Дж. Манк и Дж. Веркуйлен предлагают вниманию читателей комплексный подход к анализу параметров демократии и анализируют различные индексы демократического развития, используемые в универсальных сравнениях.

Анализ индексов представлен в таблице.

Таблица

Наборы данных по демократии

Название индекса (его авторы)	Количество анализируемых случаев	Период анализа в индексе
Альварес, Чейбаб, Лимонджи и Пшеворски (Alvarez, Cheibub, Limongi and Przeworski)	141	1950–1990 гг.
Эрат (Arag)	152	1948–1982 гг.
Боллен (Bollen)	113	1960 г.
Индекс полиархии Коппеджа и Рейнике (Coppedge and Reinicke Polyarchy)	170	1985 г.
«Дом свободы» («Freedom House»)	все государства (количество случаев варьируется)	с 1972 г. по настоящее время
Индекс изменений в политическом режиме Гасиоровски (Gasiorowski Political Regime Change)	97	1992 г.
Хадениус (Hadenius)	132	1988 г.
Полити IV (Polity IV)	161	1800–1999 гг.
Ванханен (Vanhanen)	187	1810–1998 гг.

Предлагаемый авторами подход основывается на трех факторах – концептуализации, измерении и агрегировании. По их мнению, данный подход представляет собой существенный вклад в методологию проблемы и весьма плодотворен в изучении демократии.

Проблема концептуализации: показатели и логическая организация. Отправной точкой анализа является вопрос о том, какие показатели необходимо включить в набор параметров демократии. Однако строгих правил отбора данных в рамках той или иной концепции не существует, как и «правильного» определения демократии. Поэтому исследователи сталкиваются с проблемой: как исключить лишние показатели и в то же время сохранить необходимые.

При использовании слишком большого числа показателей возникают следующие последствия. Во-первых, количество казусов, необходимых для сравнения, может просто не найтись. Во-вторых, даже если они найдутся, концепция будет настолько перегружена, что потеряет объяснительную силу.

Если пойти по пути минимизации числа показателей, то задача нахождения эмпирических примеров значительно облегчится и увеличится количество казусов. Однако при таком подходе практически все казусы могут стать примерами для рассмотрения. Кроме того, исследователи могут упустить из виду какой-нибудь важный признак демократии.

При формировании индексов демократии особенно остро стоит проблема определения необходимых показателей. Примером в данном случае может служить такой показатель, как участие, который был включен в анализ только Р. Далем в 1971 г. В более ранних индексах он отсутствовал, что связано с ограничением избирательных прав вплоть до середины XX в.

Кроме проблемы определения показателей исследователи, по мнению авторов статьи, должны рассматривать и вопрос о том, как эти показатели связаны между собой и какова их иерархия. Эта дилемма редко обсуждается, между тем она оказывает существенное влияние на измерение и агрегирование показателей демократии. Проблему можно решить следующим образом.

Во-первых, исследователи должны разделять между собой показатели, компоненты этих показателей, субкомпоненты и т.д.

Во-вторых, задачу агрегирования разнородных данных позволяет решить выделение многосоставных показателей. Таким

образом, агрегирование данных возможно только после этапа измерения, подчиненного двум логическим правилам. С одной стороны, показатели необходимо выстраивать в вертикальной иерархии так, чтобы менее абстрактные показатели конкретизировали более абстрактные. С другой стороны, показатели одного уровня абстракции должны взаимодополнять друг друга в объяснении показателя более высокого уровня абстракции.

Во всех существующих индексах демократии показатели выстроены в соответствии с этими требованиями. Тем не менее эти индексы не избежали базовых проблем концептуальной логики, к которым относятся проблема избыточности и проблема объединения. Под проблемой избыточности авторы статьи понимают тот случай, когда два показателя описывают один и тот же аспект демократии. Эта проблема очевидна в двух индексах: Полити IV (Polity IV) и индексе Лайквайза и Хадениуса (Likewise and Hadenius).

Проблема объединения более распространена. Она означает, что несколько разнонаправленных компонентов объединяются в один общий показатель. Эту ошибку содержат индексы Эрата (Arat), Боллена (Bollen), Лайквайза и Хадениуса (Likewise and Hadenius), а также индекс «Дома свободы» («Freedom House»).

Проблема измерения: индикаторы и уровни измерения. Следующая рассматриваемая авторами проблема касается создания шкал, которые бы связывали концептуальные показатели, идентифицированные и логически организованные на предыдущем этапе исследования. Авторы отмечают, что необходимо создать измерительный инструмент, превращающий ненаблюдаемые скрытые переменные в наблюдаемые или индикаторы. Эта проблема требует комплексного рассмотрения. Во-первых, перед исследователями стоят задачи выбора индикаторов и уровня измерения. Во-вторых, необходимо решить проблему валидности измерения, т.е. определить, на самом ли деле инструмент измеряет то, что он должен измерять.

Выбор индикаторов – одна из самых сложных задач в социальных науках, поскольку здесь не существует жестких и однозначных правил выбора валидных индикаторов. К тому же на этом пути существуют две ловушки. Первая ловушка – это многочисленность эмпирических проявлений концептуального показателя. Наиболее разумным способом повысить валидность индикаторов, по мнению авторов статьи, является выбор многосоставных инди-

каторов и создание их кросс-системной эквивалентности (*cross-system equivalence*).

Вторая ловушка связана с неизбежностью ошибок измерения. Понятно, что на выбор индикаторов влияют их наличие и доступность, что и представляет собой серьезную проблему, поскольку в архивах может просто не оказаться нужных данных, или они будут представлены неверно. Например, разница в данных об уровнях преступности в одной и той же стране за разные периоды может быть связана не с реальным числом преступлений, а с изменением восприятия преступности в культуре и обществе. Дж. Манк и Дж. Веркуйлен приводят и другой пример: увеличение уровня коррупции может быть следствием роста свободы прессы, а не роста реальных фактов коррупции.

Авторы статьи отмечают, что в существующих индексах демократии вопросам построения многосоставных индикаторов и установления их кросс-системной эквивалентности не уделяется одинакового внимания. Так, Алварес (Alvarez) и Хадениус (Hadenius) проводят детальную верификацию своих индикаторов, которые демонстрируют значительную чувствительность к контексту. Однако в других случаях ощущается недостаток такого анализа, что затрудняет понимание того, как эти индикаторы отражают и отражают ли вообще разницу в контексте.

Один из самых проблематичных примеров, касающихся выбора индикаторов, относится к индексу Ванханена (Vanhanen). Проблема заключается в том, что Ванханен преувеличил разницу между субъективными и объективными индикаторами и не уделил достаточного внимания субъективным оценкам, которые формируют выбор «объективных» индикаторов. Поэтому нет ничего удивительного в том, что решение Ванханена измерять показатель «конкуренция» с помощью процента голосов, полученных наиболее крупными партиями, и показатель «участие» с помощью процента явки критиковалось за то, что эти индикаторы создают систематические искажения в процессе измерения.

Далее Дж. Манк и Дж. Веркуйлен рассматривают проблему выбора уровня измерения. В этом случае исследователь должен взвесить все альтернативные мнения и принять разумное решение, которое будет отражать его глубокую осведомленность о рассматриваемых случаях. Дж. Манк и Дж. Веркуйлен полагают, что при вы-

боре уровня измерения среди стандартных шкал – номинальной, порядковой, интервальной или пропорциональной – нельзя руководствоваться какими-то априорными утверждениями. Лучшим способом является более открытая и свободная позиция, предполагающая, что при выборе уровня измерения необходимо: а) руководствоваться целями максимальной гомогенности между шкалами в сочетании с минимальным числом дистанций внутри шкалы; б) помнить, что необходимы как теоретическое оправдание, так и эмпирическая проверка выбранных шкал.

Не менее важным требованием к измерению является способность научного сообщества повторить процесс измерения и получить те же самые данные. Для этого ученые должны описать и сделать публичными: а) свои правила кодировки, включая список всех индикаторов, измерительные шкалы для каждого индикатора; б) процесс кодировки, включая список источников, количество кодировщиков, результаты всех тестов; в) все исходные данные, включенные в индикаторы.

В соответствии с данными требованиями образцами являются индексы, в которых подобная информация присутствует в том или ином виде, – это индексы Алвареса (Alvarez), Хадениуса (Hadenius), Политии IV (Polity IV). Другие индексы не дают такую подробную информацию. А индексы «Дома свободы» («Freedom House») и Гасировски (Gasiorowski) вообще не содержат никакой информации о правилах кодировки.

Проблема агрегирования: уровни и правила агрегирования. Авторы статьи отмечают, что проблема агрегирования данных не получила широкого освещения в методологической литературе, однако важность ее решения не вызывает сомнения.

Первая задача, которую необходимо решить, – это выбор уровня агрегирования. Данная проблема требует деликатного и сбалансированного подхода. С одной стороны, огромное количество показателей, которые характеризуют хорошо проработанную и полную концепцию, делает исследование излишне громоздким. С другой стороны, движение в сторону более агрегированного уровня может привести к потере валидности, поскольку вариации между анализируемыми случаями не будут раскрыты. Поэтому необходимо понимание того, что в этом вопросе нет однозначной позиции.

Несмотря на то что проблема агрегирования касается всех демократических индексов, по мнению Дж. Манк и Дж. Веркуйлен, во многих случаях она решается не совсем адекватно. Создатели индексов практически ничего не делают для того, чтобы предотвратить потерю информации. За одним-единственным исключением исследователями не было предложено ни одного теоретического оправдания выбранного уровня агрегирования, не было сделано ни одной попытки проверить, оправдана ли в исследовании агрегация более высокого уровня. Причиной является желание использовать множественный регрессионный анализ или другие похожие инструменты анализа данных. Однако в этом случае получается, что «статистическая телега» ставится впереди «теоретической лошади».

В качестве исключения авторы приводят пример Коппеджа и Рейника (Coppedge and Reinicke), которые подкрепили процесс агрегирования конструированием шкалы Гутмана. Преимущество этой шкалы заключается в том, что агрегирование может быть проведено без потери информации в процессе движения от более низких к более высоким уровням агрегации и без необходимости приписывания весов каждому компоненту.

Вторая задача, с которой сталкиваются исследователи, — это выбор правил агрегирования. Исследователю необходимо иметь ясное понимание, какие показатели и в каком порядке требуют агрегирования, также необходимо осознавать взаимосвязь между показателями.

Таким образом, процесс агрегирования состоит из двух этапов. Во-первых, исследователь должен создать четкую теорию относительно того, каким образом показатели связаны между собой. Во-вторых, необходимо удостовериться, что эта теория соответствует выбранным правилам агрегирования. Очень важно, чтобы исследователь осознавал, что показатели могут быть по-разному связаны между собой, и не ограничивал себя априорными утверждениями, принятыми «по умолчанию».

Авторы статьи подчеркивают, что выбор правил агрегирования должен осуществляться по результатам тестирования. Это означает, что исследователь должен проанализировать результаты, полученные при применении различных правил агрегирования, и добиться устойчивости данных. Исследователю также необходимо описать и опубликовать правила агрегирования и сами агрегированные данные.

В соответствии с этими задачами, все существующие наборы данных о демократии авторы статьи оценивают как неадекватные. Например, в индексе «Дома свободы» («Freedom House») длинный список показателей выглядит не как перечень связанных между собой компонентов в рамках определенной концепции, а как случайный набор. Кроме того, здесь не представлено теоретического оправдания в пользу выбора данных правил агрегирования.

Немного лучше индексы Ванханена (Vanhanen) и Политии IV (Polity IV). Ванханен предлагает ясное и простое правило агрегирования: совокупные значения являются результатом умножения значений двух показателей. Однако в этом индексе нет теоретического оправдания весов, приписываемых каждому показателю, не протестирована возможность применения разных правил агрегирования.

Индекс Политии IV (Polity IV) основан на хорошо разработанных, но тем не менее на весьма изощренных правилах агрегирования. Так, например, пять показателей индекса взвешены с помощью совершенно различных шкал, и каждому показателю приписано разное количество пунктов шкалы.

Другие показатели демонстрируют более здравые подходы к процессу агрегирования, но и они также не лишены недостатков. Эрат (Arag) предложил комплексное правило. Однако, несмотря на то, что правило агрегирования убедительно, оно не имеет теоретического обоснования. Предложенное правило никогда не тестировалось, и для других исследователей нет никакой возможности провести подобное независимое исследование. Алварес с коллегами (Alvarez) предоставляют всю необходимую информацию для проведения независимого исследования, но они также не проводили никаких тестов. Хадениус (Hadenius) предлагает комплексное правило агрегирования, демонстрирует чувствительность индекса относительно различных правил агрегирования, но тестирует на устойчивость только свое собственное правило.

Выводы: обзор и призыв к переоценке наборов данных.

В заключительной части статьи авторы подводят итоги и приходят к двум ключевым критическим замечаниям в адрес создателей индексов демократии.

Во-первых, исследователи демонстрируют различные уровни мастерства при решении проблем концептуализации, измерения и агрегирования.

Наиболее цельными и обоснованными, по мнению авторов статьи, являются индексы Альвареса (Alvarez), Коппеджа и Рейника (Coppedge and Reinicke), а также Хадениуса (Hadenius). Наиболее проблемными и спорными с методологической точки зрения являются индексы «Дома свободы» («Freedom House»), Гасиоровски (Gasiorowski) и Ванханена (Vanhanen).

Во-вторых, обзор индексов, проведенный авторами, показывает, что ни один из индексов не дает удовлетворительного ответа на вызовы концептуализации, измерения и агрегирования.

В заключении авторы отмечают, что их критическая статья не умаляет заслуги создателей индексов демократии, поскольку наличие даже такого несовершенного инструмента гораздо лучше, нежели его отсутствие. Тем не менее исследователи демократии должны стремиться к усовершенствованию своего аналитического инструмента.

Н.В. Анохина

ГОСУДАРСТВА: НЕСОСТОЯВШИЕСЯ ИЛИ ДРУГИЕ?

(Реферативный обзор)

- BILGIN P., MORTON A.** Historicising representations of «failed states»: beyond the cold-war annexation of the social sciences? // *Third world quarterly*. – L., 2002. – Vol. 23, N 1. – P. 55–80;
- DOORNBOS M.** State collapse and fresh starts: Some critical reflections // *Development and change*. – Oxford, 2002. – Vol. 33, N 5. – P. 797–815;
- MILLIKEN J., KRAUSE K.** State failure, state collapse, and state reconstruction: Concepts, lessons and strategies // *Development and change*. – Oxford, 2002. – Vol. 33, N 5. – P. 753–774;
- SAIKAL A.** Dimensions of state disruption and international responses // *Third world quarterly*. – L., 2000. – Vol. 21, N 3. – P. 39–49.

Изменения геополитической карты мира в XX в., вызванные распадом колониальной системы, периодом «холодной войны», социально-политическими трансформациями в странах бывшего «социалистического лагеря», вызвали к жизни новые формы государств. Зарубежная, преимущественно американская, традиция изучения этого феномена развивается в двух основных направлениях: первое разрабатывает теоретико-методологическую базу и сосредоточено на уточнении содержания концептов и концепций, анализе существующих и выработке новых теорий и матриц для изучения этой проблемы. Второе направление можно условно назвать «рекомендательно-практическим», оно связано с теорией и практикой международных отношений и деятельностью соответствующих международных организаций. В данном случае рассмат-

МАСШТАБЫ И РИТМЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

И.А. Чихарев

Ключевые слова: демократизация, мировая политика, глобальное управление, мирополитический масштаб, хронополитическая перспектива.

Ритмы демократического процесса обычно изучаются на уровне национальных государств. Несмотря на несомненный прогресс в изучении транснациональных и международных условий демократических транзитов, до сих пор демократизация рассматривается главным образом как переход стран современного мира к демократическим режимам. В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть проблемы демократизации в ином масштабе — *мирополитическом*. Здесь демократизация определяется как становление многостороннего подхода к принятию решений на международном уровне, расширение участия в формировании мировой политики, в глобальном управлении.

Этот уровень исследования, безусловно, имеет самостоятельное значение в современной теории демократии. Однако важно установить взаимосвязь между процессами, происходящими на нем, и динамикой демократизации отдельных государств. Базовой концепцией или группой концепций, рассматривающей связь между обозначенными уровнями, является теория демократического мира (ТДМ). В нынешнем виде ТДМ предполагает, что демократический процесс в мирополитическом масштабе обусловлен совокупными характеристиками отдельных демократических режимов. Перенос демократических правил игры из внутриполитической сферы в международную определяет мирный характер взаимодействия между государствами и демократизирует, как считается, мировую политику в целом. Вместе с тем, представляется продуктивным рассмотреть обратную связь — влияние демократизации процесса принятия глобально значимых решений на политическое развитие отдельных государств.

Новые возможности исследования ритмов демократии открываются также при рассмотрении демократизации в *хронополитическом* масштабе. Основываясь на базовых посылах хронополитики, ритмология демократизации может быть рассмотрена в рамках более широкой перспективы. Ритмы представляют собой динамический паттерн процесса, протекающего в рамках системы. Однако с 1970-х годов, когда начался подъем третьей волны демократизации, мировая политическая система претерпела качественные изменения. Даже если исходить из консервативного взгляда на международную динамику, в период с середины 1970-х до начала 2000-х годов пройдена фаза длинного цикла мировой политики.

В статье также проблематизируется трактовка демократизации как линейного тренда. Безусловно, развитие демократии уже почти два десятилетия рассматривается как процесс волновой. Однако волны (циклы демократического процесса) описываются в рамках единой логики. Уменьшение или увеличение количества демократий в мире служит основанием для дискуссий о проблемах и

перспективах очередной волны — не рассматривая возможность качественного изменения характеристик демократической динамики. В *хронополитическом* масштабе этот гомологичный взгляд на политическую динамику является весьма уязвимым: в частности, было бы странно, если бы политологи до сих пор исследовали политические изменения, основываясь на античных представлениях о круговороте форм правления, не учитывая, что политики с тех пор трансформировались принципиально.

Хронополитическая перспектива позволяет изучать ритмологические характеристики любого процесса как “ритмы внутри чего-то большего” (Ф.Бродель). То есть ритмика политического процесса обусловлена характером функционирования политической системы. Если система претерпевает трансформацию, характеристики политической динамики качественно меняются. Учитывая глубину происходящих в мире в последние десятилетия мирополитических трансформаций, очередной “откат” демократической волны можно понимать как *системный кризис*, преодоление которого требует перехода к управляемой демократизации: от стихийных волн — к регулируемым политическим стратегиям демократического развития.

С системной точки зрения можно подвергнуть критике методологические основания концепции волн демократизации. Исходя из позитивистских основ исследования демократических процессов в западной политологии, феномен демократизации рассматривается зачастую индуктивно. Демократический процесс изучается изолированно от общей динамики международной или мировой политической системы. В противовес этому может быть продуктивным исследование ритмов демократизации в рамках циклов мирового политического процесса.

“Управляемая демократизация” — понятие неоднозначное, интеллектуально и политически провокационное. Оно вызывает ассоциации и с “управляемой демократией”, и со сложившейся в последние годы практикой внешнего управления демократическими транзитами. Но именно это внешнее управление, реализуемое США и союзниками — причина многих противоречий современного демократического процесса, и, возможно, одна из детерминант “отката” демократизации. В статье предлагается иной, многосторонний подход к управлению демократическим развитием.

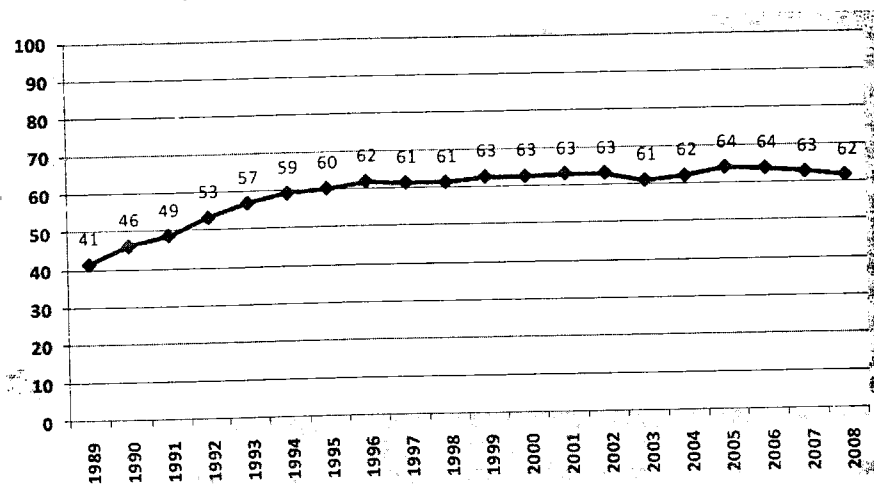
ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ НА НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОМ УРОВНЕ: ТРЕНД И КРИЗИС

Статистическая закономерность роста количества демократий подтверждается данными *Freedom House*. По оценкам этой организации, опубликованным в январе 2009 г., в 2008 г. в мире насчитывалось 89 свободных стран (46% от общего числа). При этом несвободными оказались только 42 страны (22%). С 1970-х годов количество свободных стран увеличилось почти вдвое. Вид демократической волны по оценкам *Freedom House* представлен на рис. 1. Из приведенных данных следует, что демократическая волна достигает своего пика к началу 2000-х годов. Далее наблюдается стагнация мирового демократического развития. Ключевым является вопрос о том, последует ли в обозримом будущем “откат” демократической волны или же рост количества демократий возобновится.

- 1) распространенное в современном мире нормативное отношение к демократии как к декларируемому идеалу и цели общественно-политических преобразований;
- 2) растущая в мировой среде притягательность (за исключением мусульманских стран и коммунистических анклавов) демократических моделей как результат широких культурных влияний западного цивилизационного типа и обусловленная этим делегитимизация авторитаризма как модели национального развития;
- 3) реально происходящее во многих странах расширение прав и свобод, строительство более или менее эффективных демократических институтов;
- 4) четко проявившаяся в 1980-1990-е годы экономическая несостоятельность авторитаризма, особенно как инструмента социально-экономической модернизации;
- 5) образование специфического международного контекста, который благоприятен для стимулирования и поддержки перехода от авторитаризма к более демократическим формам правления.

Рис. 1

Процент электоральных демократий в мире (1989-2008 гг.)

Адаптировано из: Freedom in the world 2009. – http://www.freedomhouse.org/uploads/fiw09/FIW09_Tables&GraphsForWeb.pdf

Вопреки этим условиям, в современном мире все более заметны противоположные тенденции:

- 1) дискредитация либерализма и демократии как основ общественно-политического развития в результате политических и экономических кризисов в транзитных государствах в 1990-е годы;
- 2) обострение межцивилизационных противоречий в 2000-е годы, вызывающее отторжение у незападных цивилизаций основных атрибутов западной цивилизации;

исламский экстремизм, по оценкам *Freedom House*, влияет не только на режимы стран Ближнего Востока и Северной Африки, но и на западные страны, где становится иногда неоправданным поводом для введения чрезвычайного законодательства, пыток и политических репрессий;

4) экономический рост в ряде государств, признаваемых авторитарными (в качестве одного из важнейших трендов, определяющих замедление процессов демократизации, эксперты *Freedom House* называют возрождение прагматичных, рыночно ориентированных и богатых ресурсами “диктатур” – в частности, Китая и России);

5) формирование неблагоприятного международного контекста для развития демократии – односторонней политики США по распространению демократии, неэффективной и вызывающей обратную реакцию, формирование Шанхайской организации сотрудничества, деятельность которой направлена, по сути, против “несуверенной демократизации” Центральной Азии, Китая, России по примеру Грузии и Украины. Так, вводная статья традиционного обзора *Freedom House*, опубликованного в начале нынешнего года, начинается со следующего тезиса: “Снижение уровня свободы связано с мощной реакцией отторжения демократических реформ, международной помощи этим реформам и, в конечном счете, – самой идеи демократии со стороны ряда сильных авторитарных режимов под влиянием цветных революций” [Puddington 2009].

Можно предположить, что названные контртенденции скорее ведут к “откату” демократического процесса. Аналитики *Freedom House* указывают, что 2008 г. отмечен “отступлением свободы”, причем впервые за последние 15 лет снижение уровня свободы в мире наблюдается три года подряд.

Учитывая, что наиболее заметными “отступлениями” является снижение уровня свободы в Афганистане, а также авторитарные тенденции, формирующиеся в качестве ответа на цветные революции, речь может идти не столько об “откате”, сколько о системном кризисе демократического процесса, некоторые причины которого будут рассмотрены далее.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ МИР И ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ МИРОПОРЯДОК

Теория демократического мира (*democratic peace*) утверждает, что демократические режимы на международной арене склонны в большей степени к сотрудничеству, нежели к конфликту. Таким образом, в ней постулируется связь между различными уровнями демократического процесса – демократизация “отдельно взятых” государств способствует тому, что на мировой арене они становятся равноправными партнерами развитых демократий. Тем самым обеспечивается становление демократического мира (*democratic world*), т.е. сообщества демократий, формирующих систему мироуправления на либеральной основе. Это сообщество, в свою очередь, оказывает воздействие на государства недемократические, призывая или заставляя их двигаться по пути демократизации.

ТДМ обнаруживает ряд противоречий, которые ставят под сомнение обозначенную взаимосвязь национально-государственного и мирополитического уровней демократического процесса. Речь идет не столько о “казусной” критике ТДМ,

идентификация демократического сообщества и отдельных включаемых в него государств в качестве демократических.

Вопрос о критериях и основаниях отнесения государства к “демократическому лагерю” адресует к одной из наиболее острых проблем современной демократической теории и политологической науки в целом — проблеме определения и измерения демократии. По этому поводу в политической науке и публицистике ведется обширная дискуссия. Можно выделить несколько основных моментов, ставящих под сомнение современную самоидентификацию демократического лагеря. Прежде всего, это критика демократии в США, которые считаются лидером и идейным вдохновителем демократического мира. Сомнения в демократических качествах президентского правления и противоречивость текущей ситуации в области обеспечения базовых прав и свобод человека в США — наиболее острые критические стрелы.

Другое важное направление критического дискурса — демократический релятивизм, то есть подход, в соответствии с которым демократия не сводима к единому образцу и наполняется в каждой стране специфическим культурно-цивилизационным содержанием. Этот подход достаточно распространен и пользуется популярностью, в частности, в российском интеллектуально-политическом сообществе. Такой взгляд на определение и оценку демократии не лишен оснований, но не может быть исчерпывающим именно с точки зрения динамики демократизации, которая и является предметом рассмотрения в настоящей статье. Он может использоваться в контексте легитимации и консервации недемократических и антидемократических режимов. Более перспективным видится иное направление конструктивной критики демократической теории “основного течения” — рассмотрение еще более “продвинутых” форм демократии.

Тезис Г.О’Доннела и Ф.Шмиттера, прозвучавший в одной из программных транзитологических работ [O’Donnel, Schmitter 1989], о “транзите второго поколения” — переходе к демократии благосостояния, социальной и даже социалистической демократии — родился, конечно, не в самое удачное время. Он был отодвинут на второй план идеологически мотивированным противопоставлением демократии и социализма, которое в конце 1980-х и в 1990-е годы разрешилось “торжеством” либеральной трактовки демократии. Однако уже в 1996 г. в одной из наиболее известных статей по проблемам определения демократии [Collier, Levitsky 1997] можно встретить “максималистскую дефиницию/концепцию” демократии, которая включает в себя социоэкономическое равенство, и/или высокий уровень участия народа в процессах принятия решений на всех политических уровнях. Очевидно, что с точки зрения критериев этой дефиниции демократии иначе выглядят претензии США на лидерство в распространении демократии. Безусловно, радикальный подход, провозглашающий, к примеру, Китай локомотивом социальной демократизации, лишен оснований. Как отмечают О’Доннел и Шмиттер, всегда находятся радикалы, отстаивающие желательность прорыва к социализму “в обход” полиархии, но также и “реакционеры”, утверждающие, что, переходя к политической демократии, общества неизбежно движутся по пути к социальной демократии.

лидерами по индексу полиархии Даля и одновременно наиболее мощными государствами благосостояния. На мирополитическом уровне эти государства часто следуют многосторонним подходам. Во многом определяя внешнеполитические стратегии ЕС, в области распространения демократии они привержены линии долгосрочного выстраивания демократических институтов на основе экономического, социального и человеческого развития в обществах, управляемых авторитарными режимами. Так, в современном Афганистане европейские вооруженные силы функционируют в формате Групп восстановления провинций, т.е. ведут не столько военные действия, сколько реконструируют социально-экономический фундамент политического строительства.

Фундаментальную критику ТДМ с точки зрения обоснованности самопровозглашения демократического лагеря предлагает структурный реализм [Waltz 2000]. Использование теоретического инструментария структурного реализма в рассмотрении взаимосвязи мирополитического и национально-государственного уровней демократического процесса обусловлено тем, что эта концепция акцентирует значение именно системного уровня международных взаимодействий. В рамках системы международной политики, структуры распределения сил между государствами, демократический лагерь представляет собой прежде всего блок союзников. Внутренние характеристики режимов, входящих в этот блок, вторичны. Стремясь к поддержанию своей идентичности, государства блока позиционируют друг друга именно в качестве демократий. Зачастую такая характеристика весьма “натянута”. Аналогичным образом далеко не всегда оправданы характеристики режимов, входящих в альтернативный блок, в качестве автократических. Наиболее разительными современными примерами является признание демократическими режимов прибалтийских государств, а также Грузии и Украины.

Очевидно, что такой способ самоидентификации демократического сообщества не только не благоприятствует распространению демократии, но дискредитирует практику демократизации. Основываясь на концепции, декларирующей, что демократизация “в отдельно взятых” государствах интегрирует их в демократическое мировое сообщество и способствует мирному сотрудничеству в глобальном масштабе, разворачиваются доктрины распространения демократии и “расширения пространства свободы”, не исключающие и применения военных инструментов. Реализация этих доктрин представляет собой наиболее противоречивый момент для ТДМ и либерально-демократической теории в целом.

Прежде всего, “зависимость от внешних властей” — не меньший “грех” политического режима, чем зависимость от военных властей или олигархов. Зависимый режим не может быть демократическим по определению — ему более соответствовали бы характеристики “инодемократия” или “демократия под внешним управлением”. Этот момент учтен в оценках *Freedom House*, но, по всей видимости, его “вес” в общем рейтинге свободы незначителен.

Импликацией доктрин и практик распространения демократии становится еще один парадокс — демократические государства, воюющие за распространение демократии, неизбежно свертывают демократию на внутривнутриполитической ар-

чет за собой ограничение прав и свобод граждан (досмотры, прослушивания, слежка), нарастание автократических и антигуманных тенденций в политике (в качестве примера можно привести вето на закон о запрете пыток в США). Наиболее ярким современным выражением обозначенных противоречий является снижение уровня свободы в Афганистане, отраженное в последнем докладе *Freedom House* — сама практика распространения демократии порождает антидемократические тенденции.

Концептуальным и политическим противовесом ТДМ и практике распространения демократии может быть концепция “демократического миропорядка”. Она предполагает, что развитию демократического процесса в современном мире способствует демократизация процесса принятия решений на международном уровне, многосторонний подход к проблемам политического развития государств, испытывающих политические кризисы и авторитарные репрессии. Демократизация должна осуществляться на основе международной помощи развитию (экономической, гуманитарной, технической), что позволит сделать этот процесс управляемым и устойчивым и преодолеть современный кризис демократизации.

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ В МИРОПОЛИТИЧЕСКОМ МАСШТАБЕ

В мирополитическом масштабе демократия исследовалась рядом известных политологов и международников [Шмиттер 2004; Хабермас 2003; Archibugi 2004]. Сложилась концепция “космополитической демократии”, основные теоретические установки которой таковы [Archibugi 2004: 439]:

- 1) демократия должна пониматься как процесс, а не как набор норм и процедур;
- 2) система вражды государств ограничивает демократию внутри государств;
- 3) демократия внутри государств способствует миру, но не обязательно приводит их к миролюбивой политике;
- 4) глобальная демократия — не просто достижение демократии внутри каждого государства, но демократизация процесса принятия решений на международном уровне;
- 5) глобализация разрушает политическую автономию государств и таким образом свертывает эффективность государственной демократии;
- 6) группы интересов в определенных областях, которых становится все больше, не обязательно совпадают с территориальными границами государств;
- 7) глобализация порождает новые социальные движения, которые занимают вопросы, влияющими на других индивидов и иные сообщества, даже когда последние очень удалены от их собственного политического сообщества.

Первый принцип говорит, прежде всего, о том, что демократизация может иметь различное содержание и направленность на каждом историческом этапе. Он также означает, что демократия должна оцениваться по шкале, соответствующей ее собственной логике развития, а не только в рамках дихотомии *демократия — не демократия* (с учетом демократического опыта данной страны). Эта презумпция космополитической демократии вызывает безусловную поддержку, как и принципы со второго по пятый, фактически обсужденные в предыдущем разделе

Участники исследовательского проекта по изучению МГО [Helmut et al. 2001: 17] определяют его как “сферу идей, ценностей, институтов, организаций, сетей и индивидов, располагающуюся между институтами семьи, государства и рынка, и развертывающуюся над национальным обществом, национальной политической системой, национальной экономикой”. Такая описательная дефиниция дополняется нормативной. Приверженность МГО определенным нормам и составляет, по мнению исследователей, основу его целостности: “Несмотря на крайнюю гетерогенность и фрагментированность, большая часть активности в сфере глобального гражданского общества состоит в том, что Ричард Фолк назвал ‘глобализацией снизу’, в реализации проекта, нормативный потенциал которого — в осознании широко распространенных ценностей мирового порядка: минимизации насилия, максимизации экономического благосостояния, установления социальной и политической справедливости и поддержания качества окружающей среды” [там же].

Надо отметить, что в классической политической науке оппозиция *государство — гражданское общество* является более однозначной. В мировой политике нельзя выделить очевидный противовес МГО. Таким могло бы быть только мировое государство. Однако в реальности МГО противопоставляется самым различным проявлениям глобальной власти и мирорегулирования.

Представляет интерес взаимодействие МГО с “универсальной и уникальной” международной организацией — ООН. В целом такое взаимодействие протекает достаточно конструктивно. Саммит ООН по окружающей среде и развитию в Йоханнесбурге является примером эффективного взаимодействия ООН и МГО. Розенау полагает, что организация саммита в Йоханнесбурге подходит под его модель “многомерного сетевого управления”. Структуры ООН, в частности, ЭКОСОС, широко взаимодействуют с международными неправительственными организациями (МНПО). Согласно ст. 71 Устава ООН, ЭКОСОС может проводить консультации с такими организациями; консультативным статусом при ЭКОСОС обладают на сегодняшний момент свыше 1500 МНПО. В России такой статус имеют лишь несколько десятков НПО, что приводит, по оценкам экспертов, к тому, что голос российских НПО в ООН почти не слышен. Тем не менее, возможности МГО во взаимодействии с ООН весьма значительны. Летом 2005 г. более 100 НПО были приглашены в Нью-Йорк для участия в интерактивном слушании по проектам реформы ООН.

Однако, по мнению многих исследователей и политических деятелей, ООН на сегодняшний момент не является основополагающим элементом архитектуры глобальной власти. Поэтому МГО целесообразно противопоставлять сверхдержаве, т.е. государству, оказывающему наибольшее влияние на мировую политику. Однако на сегодняшний момент МГО в целом не ориентировано на критику политики США. Несмотря на то, что после вторжения в Ирак мировое сообщество достаточно оживленно критикует США, МНПО продолжают заниматься привычными вопросами, критикуя недемократические режимы в отдельных странах и не перенося эти оценки на складывающийся однополярный глобальный режим. Это связано и с финансированием ведущих МНПО. в значи-

гополярного МГО. Российский, китайский, индийский сегменты в современном МГО значительно уступают долям США и Западной Европы, и это способствует формированию “одномерного” МГО.

МГО может противопоставляться понимаемым более широко структурам глобальной власти, институтам глобализации. Здесь МГО тесно смыкается с альтерглобалистским движением. Критика МВФ и МБРР, ВТО, Давоса, Восьмерки, деятельности ТНК — основное содержание деятельности МГО в данном направлении. Однако происходит достаточно опасное сближение транснациональной гражданской активности с экстремизмом и даже террором. Организация саммита G8 в России, в Санкт-Петербурге — достаточно удачный пример того, каким образом можно наладить более конструктивные связи между институтами глобализации и транснациональными активистами — за счет обеспечения порядка и одновременного включения МГО в процесс обсуждения ключевых решений.

Еще один противовес МГО — отдельные государства, подавляющие внутреннее гражданское общество, устанавливающие недемократические режимы. Транснациональные активисты критикуют такие режимы и активно участвуют в политической борьбе с ними. Однако здесь вновь встает проблема однополярности МГО — критика осуществляется с западных позиций. Такого рода деятельность МНПО зачастую соответствует интересам США. Обнаруживается противоречие, фундаментальное для современной теории и практики МГО.

Так, ключевым моментом взаимодействия МГО и современной России является проблематика, связанная с вмешательством внешних сил в политические процессы, происходящие как в нашей стране, так и на постсоветском пространстве. Известны противоречивые оценки того влияния, которое институты МГО оказали на трансформацию политических режимов Грузии, Украины, других бывших советских республик. МНПО здесь действовали зачастую как проводники интересов США и европейских стран, стремящихся расширить сферу своего влияния на пространстве СНГ. При этом очень сложно разделить позитивное влияние МГО на демократизацию и деструктивные эффекты, фактор влияния третьих сил в лице ведущих государств. Поэтому требуется гибкая стратегия, которая не может сводиться к подавлению МНПО на постсоветском пространстве. Требуется взаимодействие с ними российского государства, а также развитие российского сегмента МГО, который может стать частью многомерного гражданского общества.

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ В ХРОНОПОЛИТИЧЕСКОМ МАСШТАБЕ

Попытки рассмотреть проблему ритмов демократизации в хронополитическом масштабе в политической науке пока достаточно редки [Modelski 2005], однако представляют собой весьма перспективное направление разработок. Программа исследований такого рода может включать в себя сопоставление волн демократизации, длинных циклов мирового политического процесса и этапов глобальной политической эволюции (Модельски). В рамках данной статьи рассмотрим “третью волну” и сегодняшнюю динамику демократизации в соотношении с рит-

начало 2000-х годов мировая политическая система проходит фазу делегитимации существующей системы мирового лидерства, т.е. лидерства США. Действительно, к началу 2000-х годов, прежде всего вследствие дискредитации практики насильственного распространения демократии, идеологическое обоснование американского лидерства поставлено под сомнение. В логике длинных циклов за фазой делегитимации следует период деконцентрации мировой политической системы, формирование конкурирующих центров или коалиций. Модельски полагает, что такими конкурирующими коалициями станут “демократическое сообщество” и “международное сообщество” (коалиция, опирающаяся на идею многополярности).

В долгосрочном плане Модельски отдает предпочтение “демократическому сообществу”, которое, как предполагается, к концу XXI столетия сформирует основу глобальной организации, способной осуществлять стабильное мироуправление. Действительно, контуры “лиги демократий” и группы мощных государств, противостоящих этому блоку, на сегодняшний момент обозначились. Более спорным представляется тезис Модельски о том, что сторонники многополярности придерживаются архаичной концепции баланса сил, в стиле конца XIX столетия, а “сообщество демократий” построено не на силовой основе, но на приверженности прогрессивным ценностям сотрудничества.

В противовес этой точке зрения можно утверждать, что именно американский проект “Лиги демократий” опирается на односторонний и силовой подход, а многополярное “мировое сообщество” представляет ему альтернативу. На практике, как говорилось выше, идентичность обоих блоков связана главным образом с силовыми отношениями в международно-политической системе. Новейшие тенденции во внешней политике США при новом президенте заставляют, однако, предположить, что проект “Лиги демократий”, который поддерживал проигравший на выборах кандидат Дж. Маккейн, отодвинут на второй план. У США сохраняются шансы создать демократичную международную коалицию, а не тенденциозный “демократический клуб”.

На сегодняшний момент достаточно успешной альтернативой и многополярному блоку, и “сообществу демократий”, каким оно предстало к середине первого десятилетия нынешнего века, является демократическая мироуправленческая практика Европейского Союза. В ее основе лежит принцип долгосрочного выстраивания демократических институтов — как на европейском уровне, так и за пределами ЕС, где европейская дипломатия в целом следует многостороннему подходу. Безусловно, присоединение к этой принципиальной линии западного и восточного ответвлений европейской цивилизации — США и России — сделает демократизацию на мирополитическом уровне процессом более управляемым и менее противоречивым, открывая перспективу новой волны демократизации.

В основе дальнейшей демократизации могут быть принципиально иные условия:

1) учет культурно-цивилизационной специфики политического развития незападных стран, которая заставляет иначе оценивать состояние демократии в

3) снятие международной напряженности вокруг проблематики демократизации западных стран, отказ от навязывания демократических моделей;

4) демократизация процесса принятия решений на международном уровне, отказ от односторонних действий или подмены решений ООН действиями организаций ограниченного формата (ЕС, НАТО).

Мельвил А.Ю. 2005. Становление транснациональной политической среды и “волны” демократизации. — *Современные международные отношения и мировая политика*. (Отв. ред. Торкунов А.В.) М.: МГИМО.

Хабермас Ю. 2003. Постнациональная констелляция и будущее демократии — *Логос*, № 4-5.

Шмиттер Ф. 2004. Будущее демократии: можно ли рассматривать его через призму масштаба? — *Логос*, № 2.

Archibugi D. 2004. Cosmopolitan Democracy and its Critics: A Review. — *European Journal of International Relations*, vol. 10, № 3, September.

Collier D., Levitsky S. 1997. Democracy with Adjectives: Conceptual Innovation in Comparative Research. — *World Politics*, vol. 49.

Helmut A., Glasius M. and Kaldor M. (eds.). 2001. *Global Civil Society 2001*. Oxford.

Modelski G. 2005. Long-Term Trends in World Politics. — *Journal of World-Systems Research*, vol. XI, № 2, December.

O'Donnel G., Schmitter P. 1989. *Transitions from authoritarian rule. Tentative conclusions about Uncertain Democracies*. Baltimore and L.

Puddington A. 2009. *Freedom in the world 2009: Setbacks and resilience*. — http://www.freedomhouse.org/uploads/fiw09/FIW09_OverviewEssay_Final.pdf

Waltz K. 2000. Structural Realism after the Cold War. — *International Security*, vol. 25, № 1, Summer.

ГРУЗИНО-ЮГООСЕТИНСКИЙ КОНФЛИКТ Размышления конфликтолога

В.А.Светлов

Ключевые слова: конфликтология, логическое моделирование, метаигровые модели, структура конфликта, Южная Осетия, Грузия.

Хроника военных событий на Южном Кавказе с 8 по 12 августа 2008 г. хорошо известна. В ночь с 7 на 8 августа Грузия провела массированный артиллерийский обстрел столицы Южной Осетии — города Цхинвала и прилегающих районов, затем штурмом попыталась захватить его. 8 августа Россия объявила о начале операции “принуждения грузинской стороны к миру” и 12 августа — о ее успешном окончании.

Событиям на Южном Кавказе была посвящена масса журналистских и политологических публикаций и исследований в России и за рубежом. Все они, кроме фактического материала, содержат, как правило, только оценки произошедшего. Цель настоящих размышлений иная: проанализировать объективную логику развития событий, логику поведения главных игроков конфликта — Грузии, Южной Осетии и России (Российской Федерации). С этой целью используется логико-математический аппарат единой теории анализа и разрешения конфликтов [Светлов 2001; 2003; 2004; 2009].

Как известно, конфликт возник после распада Советского Союза из-за отказа Грузии признать итоги референдума 19 января 1992 г. о признании Южной Осетии независимым государством на основании закона СССР 1990 г. о “О порядке разрешения вопросов, связанных с выходом союзной республики из Союза ССР”. Согласно этому закону Южная Осетия имела все права на признание своей независимости.

Антагонистическое решение конфликта между Грузией и Южной Осетией стало неизбежным, когда Россия после неспровоцированного нападения Грузии, убийства российских миротворцев и мирных граждан Южной Осетии оказала последней по ее просьбе военную помощь и признала ее независимость.

Приведенный на рис.1(а) граф обозначает структуру конфликта между Грузией и Южной Осетией до начала военных действий, т.е. до 8 августа (сплошная линия обозначает позитивное отношение, прерывистая линия — негативное отношение). Антагонистическое решение этого конфликта с участием России указано на рис. 1(б).

Мы попытаемся ответить на три взаимосвязанных вопроса. Во-первых, почему Грузия предпочла военное решение конфликта мирным вариантам (иными словами, почему реализовалось антагонистическое, а не синергетическое решение грузино-югосетинского конфликта)? Во-вторых, почему Россия вмешалась в военные действия? В-третьих, насколько устойчиво достигнутое после вмешательства России *status quo*, т.е. можно ли считать антагонистическое решение рассматри-

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АТЛАС – 2: МИРОВОЙ КРИЗИС, МЕГАТRENДЫ И АНАЛИЗ НЕЛИНЕЙНОЙ ДИНАМИКИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

А. Мельвиль, М. Ильин, Е. Мелешкина,
М. Миرونюк, В. Сергеев, И. Тимофеев

Ключевые слова: политический атлас, современность, мегатренды, нелинейная динамика, компаративистика, мировой кризис.

ОБЩИЕ КОНТУРЫ ПРОЕКТА

Начиная с 2005 г. МГИМО – Университет МИД России совместно с Институтом общественного проектирования работает над инновационным исследовательским проектом “Политический атлас современности”¹. Основная цель проекта – осуществить комплексный сравнительный анализ политических систем всех стран мира (почти двухсот!), разработать их многомерную классификацию, проанализировать динамику структур мировой политики и индивидуальных траекторий развития стран мира.

Мы хотим понять структуру современной мировой политики, то положение, которое занимают в ней конкретные государства и их группировки, их динамику – и разобраться во всем этом сквозь призму различных методологических подходов (компаративистских, многомерно-статистических и др.). Среди наших предшественников – разнообразные по направленности и методологии исследовательские проекты ПРООН, *Polity*, Т. Ванханена, Академии наук СССР (Л. Гордона, В. Тягуненко и Л. Фридмана), А.Т. Кернея и журнала *Foreign Policy*, фонда Бартельсмана, Института Катона, Transparency International, Freedom House, Reporters without Borders и др. У них свои достоинства и недостатки, но каждый из них сосредотачивается на каком-либо одном измерении сравнительного анализа. Мы учитываем разработки наших предшественников, но стремимся к многомерному подходу, чтобы постараться понять структуру мировой политики и динамику развития отдельных государств и их образований.

Это беспрецедентная по масштабу и сложности научно-исследовательская задача. Проект носит междисциплинарный характер – в нем, наряду с методами политической компаративистики, используются различные методы многомерного статистического анализа (регрессионный, дискриминантный, кластерный, метод главных

¹ Состав основной рабочей группы авторского коллектива проекта – МЕЛЬВИЛЬ Андрей Юрьевич, проректор МГИМО(У) МИД России, профессор; ИЛЬИН Михаил Васильевич, зав. кафедрой сравнительной политологии МГИМО(У) МИД России, доктор политических наук, профессор; МЕЛЕШКИНА Елена Юрьевна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО(У) МИД России; МИРОНЮК Михаил Григорьевич, кандидат политических наук, зам. декана факультета политологии МГИМО(У) МИД России; СЕРГЕЕВ Виктор Сергеевич, доктор исто-

компонент и др.). У проекта солидная эмпирическая основа – создана уникальная база данных (около 40 переменных) по всем странам мира за период с 1989 по 2007 гг.

В течение 2005–2007 гг. в рамках проекта было проведено уникальное сравнительное исследование политических систем современных государств мира с использованием методов многомерного статистического анализа. В результате разработки пяти принципиально новых сравнительных индексов (государственности, внешних и внутренних угроз, потенциала международного влияния, качества жизни и институциональных основ демократии) были созданы соответствующие рейтинги всех 192 стран мира (членов ООН). Полученные результаты были затем подвергнуты факторному и кластерному анализу, и в итоге была получена достаточно устойчивая картина “мировой структуры” (или структуры современной мировой политики). Полученные результаты нашли выражение, в частности, в монографии “Политический атлас современности. Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств” [см. Политический атлас современности 2007; Мельвиль 2006; Мельвиль, Ильин, Мелешкина и др. 2006; Миرونюк и др. 2006; Мельвиль, Ильин, Мелешкина и др. 2008].

На этом этапе проекта был получен “слепок” политических систем современных государств и их взаимосвязей на период 2005 г. Это, условно говоря, проект “Политический атлас – 1”, результаты которого, безусловно, еще ждут своего более глубокого осмысления (прежде всего, в части интерпретации результатов проведенного кластерного анализа)².

На следующем этапе проекта в 2007–2009 гг. (проект “Политический атлас – 2”) решаются еще более масштабные задачи. Во-первых, исследование приобретает динамический характер – изучается не аналитический “слепок” текущей ситуации, а временные ряды с 1989 по 2007 гг. (т.е. не статика, а динамика); во-вторых, идет разработка принципиально новых методов сравнительного и математического анализа применительно к поставленным задачам; в-третьих, создается “Энциклопедия политических систем современных государств”, включающая подробные аналитические описания разновидностей государственного устройства, политических институтов и процессов во всех странах мира в широком историческом, экономическом, социальном контексте; в-четвертых, разрабатывается методологическое обеспечение для внедрения результатов проекта в учебный процесс.

Анализ динамики мировой системы и эволюционных траекторий развития конкретных стран и государственных образований, с методологической точки зрения (с эвристической точки зрения) методология анализа мирового “слепок” взаимоотношений стран оказалась малоприменимой при анализе динамических процессов. В частности, такой важный элемент дискриминантного анализа, как определение “обучающей выборки”, практически невозможен при анализе исторических данных³. Этот метод хорош для расчета индексов в логике момен-

² Сознвая условность самой методологической процедуры кластеризации (в частности, выбора ее масштаба), мы, тем не менее, еще должны разработать хотя бы контуры теоретической гипотезы, которая объяснила бы такие эмпирически фиксируемые обстоятельства, как, например, устойчивую кластерную смычку Казахстана и Савдовской Аравии, совершенно четкое выделение США, Китая

175

тального снимка. Вполне возможно, мы будем применять его и далее, для обновления индексов, скажем, с трех-пятилетним интервалом. Однако в любом случае, на выходе мы получим серию “моментальных снимков”, которые будут давать нам лишь самые общие представления о характере динамики. Методология “Политического атласа – 1” оставляет значительные лакуны в отношении изучения динамических рядов. Новая база данных (1989-2005-2007 гг.) потребовала иных подходов к ее анализу.

АНАЛИЗ ВРЕМЕННЫХ РЯДОВ

Одним из направлений дальнейшего развития проекта стало тестирование различных нелинейных моделей, которые используются на междисциплинарной основе для изучения самого широкого круга явлений и процессов. В ситуации глобального кризиса (финансово-экономического, социального – но также кризиса глобальных и национальных политических институтов и практик, как и устоявшихся мыслительных моделей) особое значение приобретает анализ именно нелинейных траекторий развития. Тестирование этих моделей проводилось одновременно с созданием новых баз данных, поэтому изначально мы проводили апробацию на основе данных Индекса человеческого развития ПРООН, значения которого доступны за период с 1975 г. с пятилетними интервалами. При этом модели тестировались не столько ради самих моделей, но для решения конкретных научных проблем “Атласа”.

Используя базовую модель процессов Ферхюльста, мы попытались выявить фундаментальные отличия динамики качества жизни стран, принадлежащих к различным кластерам, определенным на первом этапе проекта. Мы обнаружили не только существенные отличия между различными кластерами, но и принципиальные несовпадения типов динамики внутри кластеров. Оказалось, например, что внешне благополучные Бельгия и Швеция сталкиваются с исчерпанностью существующих ресурсов и технологий роста качества жизни. Причем перед Бельгией эта проблема стоит острее. Применяемая методология позволяет формализовать эти тонкие отличия, а значит – обеспечить более фундированную типологию изучаемых случаев.

Еще одним направлением использования этой модели на данных ИЧР ПРООН стал анализ расхождения и сближения траекторий различных стран мира. Нас, конечно, в первую очередь интересовали республики бывшего СССР. Мы получили способ не только констатировать их расхождение, но и определять степень подобного расхождения⁴.

Мы попробовали также использовать базовую модель процессов Ферхюльста и применительно к анализу отдельных переменных. Наш интерес вызывала, в частности, динамика военных расходов современных государств. Напомним, что в Индексе потенциала международного влияния именно эта переменная имела наибольший вес. Здесь мы сузили набор изучаемых случаев, ограничив его исключительно великими державами. Однако мы рискнули выйти и за пределы установленных границ базы 1989-2007 гг., охватив большую часть XX в. Первые результаты этого исследования представлены в настоящем и ближайшем номерах

Отметим, что полученные нами результаты успешно конвертируются в учебные материалы. Мы считаем этот процесс крайне важным – студенты получают знания непосредственно из научных разработок своих преподавателей, а не только из учебников и зарубежной литературы. В частности, подготовлены УМК “Нелинейные политические процессы”, “Современная демократия: универсальное и специфическое” и др.

ЭВОЛЮЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВ И МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ СИСТЕМ

В содержательном и методологическом отношении еще одно новое направление нашего проекта “Политический атлас – 2” – анализ эволюционного развития государств и межгосударственных систем. Моментальный снимок политической системы стран мира, полученный нами в проекте “Политический атлас – 1”, является отправной точкой для еще одного масштабного исследовательского направления в рамках проекта “Политический атлас – 2”. Его участники поставили задачу выяснить, как формировались и трансформировались конфигурации межгосударственных систем на протяжении пяти с лишним столетий. В рамках этого исследования было прослежено, как взаимодействие внешних и внутренних факторов развития привело к образованию череды все более масштабных и сложных международных систем, которые включали все более разнообразные виды и разновидности территориальных единиц этих систем или государств. Полученные данные позволили поставить вопрос о построении генеалогии разных типов государств, возникающих в сменяющихся друг друга международных системах.

В рамках субпроекта по эволюционному развитию государств и межгосударственных систем было разработано несколько альтернативных и взаимно дополняющих друг друга моделей исторического и эволюционного возникновения различных типов и разновидностей государств. Проблема заключалась в том, как совместить подобные модели или сделать их хотя бы относительно сопоставимыми, чтобы иметь возможность получить общую картину генеалогии видов и разновидностей современных государств.

Выходом стало создание широкой эмпирической рамки для описания и тем самым для моделирования процессов развертывания международных систем и входящих в них государств с помощью концептуального картирования. Подобный подход позволил свести воедино и обобщить результаты анализа политических размежеваний на разных уровнях от локального до глобального, трансформации центр-периферийной полярности и т.п. Разумеется, работа эта далеко не закончена. Выявлены пока еще лишь общие контуры эволюции форм государственности. Однако намеченное направление исследований уже сейчас обогащает наше понимание эволюционно-морфологических особенностей различных типов и разновидностей современных государств.

СТРУКТУРЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Еще одно новое направление исследований в рамках проекта “Политический атлас – 2” – изучение структуры основных международных организаций и их финансирования странами-участниками для выяснения того, изменилась ли структура мировой политики, если смотреть на нее сквозь призму поддержки националь-

В данном разделе проекта решается задача использования данных о структуре ключевых современных международных организаций (семейство ООН, интеграционные группировки, военно-политические союзы и др.) и их финансировании странами-членами для выявления значимых особенностей пространства мировой политики. Речь идет о близости по политическим позициям, уровню развития, характеру экономической политики, типу политической системы и т.д. Участие или неучастие той или иной страны в определенной международной организации в имплицитной и агрегированной форме содержит в себе данные такого рода. Был получен целый ряд интересных выводов. Сопоставление данных 2000 и 2006 гг. показывает, что вопреки мнениям многих экспертов, структура взаимоотношений между национальными и международными организациями оказалась практически не затронутой “войной с террором” и событиями 11 сентября 2001 г.

В то же время отчетливо проявляется новая группировка в мировой политике — БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай). При этом взгляд на мировую политику с учетом этих международных организаций и новых идентификаций с подобными “неформальными” группировками, не зафиксированными никакими соглашениями, более эффективен, чем попытки формального сопоставления событийного ряда и политических курсов.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ

Наконец, в рамках нашего проекта завершается создание Энциклопедии политических систем современных государств. Являясь неотъемлемой частью проекта “Политический атлас современности”, подготовка Энциклопедии преследует ряд целей, которые в том числе являются реакцией на трансформацию ресурсов систематизированной информации в связи с быстрым распространением Интернета и изменением формата интеллектуальной работы. Очевидно, что благодаря Интернету резко повысилась доступность страновой информации, как в англоязычном, так и русскоязычном сегментах. Если сегодня нужно быстро найти или проверить какие-то факты, зачастую весьма экзотичные, большинство исследователей используют Интернет или, если речь идет о корпоративных пользователях, специальные базы данных в открытом или закрытом режимах доступа. Сейчас относительно несложно узнать, что происходит в других странах или регионах собственной страны, обратившись к веб-сайтам информационных агентств или СМИ, электронным блогам; можно связаться с коллегами в этих странах или регионах посредством электронной почты. Налицо снижение затрат и усилий на получение информации, а также времени для ее обработки. Обратная сторона такой “легкости” — “замусоривание” информационного пространства, которое насыщается не только качественно, но и количественно (второе встречается гораздо чаще). В целом аналогичная картина наблюдается и на рынке профессиональной качественной литературы в традиционном “бумажном” формате — начиная от академических журналов, монографий и заканчивая разнообразными словарями, справочниками, энциклопедиями и т.п. В целях борьбы с падением качества информации и квалификации тех, кто с ней работает, необходимо...

Энциклопедия политических систем современных государств изначально ориентирована и на традиционный “бумажный”, и на электронный формат, а также на институционализацию деятельности по постоянному обновлению созданных в рамках проекта продуктов. На первых порах работы над страновыми описаниями мы столкнулись с жесткой реальностью: некогда лучшие или одни из лучших в мире регионоведческие институты РАН за период 1990-х годов оказались в сложной ситуации, из которой вышли с потерями разной степени тяжести. Уменьшилось число публикуемых ими работ (монографий, справочников, энциклопедий), а значит, замедлился процесс обновления и распространения страновых знаний. Иными словами, публиковались великолепные работы, которые устаревали на этапе сдачи в типографию. Оптимальный выход из такой ситуации — использование возможностей сети Интернет для сбора информации, ее обработки усилиями рабочих коллективов, находящихся в разных частях страны и мира, и публикации результатов. О потенциале возможностей, предоставляемых исследователям и пользователям сети Интернет, говорит, например, электронная энциклопедия “Wikipedia”, хотя ее наполнение зачастую весьма несовершенно, а представители академического и университетского сообщества и в России, и за рубежом публично заявляют о недопустимости ее использования в образовательном и исследовательском процессах (впрочем, без конструктивных предложений; мы неоднократно наблюдали, как принципиальные критики сами использовали “Wikipedia” или даже начинали писать для нее).

После ознакомления с рядом справочников и энциклопедий на разных языках и оценки их достоинств и недостатков нами была разработана интегрированная “матрица” (схема) описания и сравнения современных государств, их политических систем и политических режимов, определен в результате поиска и проверки круг источников для обработки информации и заполнения “матрицы”, которые практически не использовались нашими коллегами. Работоспособность первого варианта “матрицы” была проверена посредством подготовки ее разработчиками нескольких страновых описаний (в числе описываемых на этом этапе были страны из разных регионов). В дальнейшем “матрица” описаний еще более радикально дорабатывалась и видоизменялась. Первый опыт подготовки страновых описаний был предпринят еще на первом этапе осуществления проекта (2005–2007 гг.), но даже его промежуточные результаты нас не удовлетворили — задача оказалась очень сложной. Поэтому на втором этапе (2007–2008 гг.) в эту работу активно включился Институт общественного проектирования, сотрудники ряда институтов РАН. По ее результатам схема описания приобрела окончательный вид и включает следующие разделы: “Общие параметры”, “Исторический очерк политических традиций”, “Общие контуры политической системы”, “Особенности политических процессов”, “Положение в мировой экономике и политике”, “Вызовы и угрозы безопасности”. Выбранные нами параметры описания политических систем современных государств взаимосвязаны: внешние вызовы и угрозы задают набор обязательных ответов, которые политические системы должны дать в своем развитии. Однако и сами внутренние процессы оказывают обратное влияние на внешнюю среду. Данная гипотеза получила четкое подтверждение в процессе создания Энциклопедии

актуализации. Решением этой задачи является публикация описаний стран в сети Интернет на портале “*worldpolities.org*”. Готовые описания тем самым попадают на суд более широкого круга экспертов и в них вносятся оправданные изменения. Мы намереваемся превратить данный портал в постоянно действующий механизм мониторинга мировых процессов. Со страновыми описаниями можно ассоциировать (“прикреплять”) дополнительные материалы экспертов. Тем самым, страновое описание превращается в своего рода “ядро”, вокруг которого размещаются дополнительные материалы, в том числе по проблемам, которые не были рассмотрены ранее. Более того, такие описания являются, по сути, эмпирически материалом для теоретических обобщений регионального или глобального характера. Это особенно актуально в эпоху кризиса — мир меняется, меняются правила игры, меняются государства и общества, и Энциклопедия, особенно в ее электронной форме, призвана облегчить получение эмпирически обоснованного диагноза происходящего.

* * *

Итак, проект “Политический атлас современности” продолжается, в нем открываются новые исследовательские грани и проблемные поля. “Полис” будет и впредь знакомить своих читателей с результатами исследований.

Мельвиль А.Ю. 2006. “Политический атлас современности”: замысел и общие теоретико-методологические контуры проекта. — *Полис*, № 5.

Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Миронюк М.Г., Полунин Ю.А., Тимофеев И.Н. 2006. Опыт классификации стран. — *Полис*, № 5.

Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю. и др. 2008. *Как измерять и сравнивать уровни демократического развития в разных странах?* (По материалам исследовательского проекта “Политический атлас современности”). Научно-координационный совет по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России. М.: МГИМО — Университет.

Миронюк М.Г., Тимофеев И.Н., Ваславский Я.И. 2006. Универсальные сравнения с использованием количественных методов анализа (Обзор прецедентов). — *Полис*, № 5.

Политический атлас современности. Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. 2007. М.: МГИМО.

ДИНАМИЧЕСКИЙ ПОДХОД К МАТЕМАТИЧЕСКОМУ МОДЕЛИРОВАНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

А.С. Ахременко

Ключевые слова: математическое моделирование, политическая стабильность, системно-динамический подход.

С точки зрения методологии моделирования политической стабильности на самом общем уровне выделяются два основных подхода — “статический” и “динамический”¹. Первый предполагает количественную индексацию уровня стабильности и трактует стабильность как функцию от нескольких признаков, измеренных в один и тот же момент времени. В зависимости от выбранной теоретической парадигмы компонентами индекса могут быть такие переменные, как внутреннее единство правительственного корпуса, поддержка власти со стороны населения и т.д. На данном принципе основано большинство моделей оценки политических рисков, например, International Country Risk Guide (ICRG) или Business Environment Risk Intelligence (BERI) [Claude et al. 1996; 1997; International 2001]. Достоинство такого подхода состоит в том, что он обеспечивает сопоставимость большого числа объектов (стран) с точки зрения уровня политической стабильности, что особенно важно при составлении рейтингов. Полученные результаты наглядны и легко визуализируются, например, с помощью цветных карт. В то же время, рассмотрение стабильности как “механической суммы” отдельных показателей, как правило, не дает возможности оценить глубинные тренды развития и скрытые факторы дестабилизации, приводит к довольно поверхностным и тривиальным оценкам.

Динамический подход рассматривает стабильность и кризис как *процесс*. Все используемые в модели показатели — функции времени. Такой анализ и технически, и содержательно сложнее: акцент делается не на некотором “окончательном” показателе стабильности, но на *структурных характеристиках изменения системы во времени*. Система понимается как совокупность элементов, претерпевающих непрерывные изменения и формирующих единое целое, отношения между элементами образуют структуру, управляющую поведением системы. В англоязычной литературе используется понятие *generic structure* (порождающая структура), которая не зависит от внешних воздействий. Здесь заложен один очень важный принцип динамического подхода: *реакция системы на внешние воздействия рассматривается как функция от ее внутренних (эндогенных) свойств*.

Возьмем очень простую физическую аналогию. Пружинный маятник (система) реагирует на внешний импульс совершенно определенным образом (начинает колебаться) не в силу одного только внешнего воздействия, а в силу того, что по своей внутренней структуре данная система совершает периодические колебания в ответ на внешний импульс. Внутреннюю структуру данной системы определя-

АХРЕМЕНКО Андрей Сергеевич, доктор политических наук, зав. лабораторией математических методов политического анализа и прогнозирования факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова

**Московский государственный институт международных отношений
(Университет)
Министерства иностранных дел России**

Ю.А. Полунин

И.Н. Тимофеев

«Нелинейные политические процессы»

Под редакцией Ю.А.Полунина

Москва – 2009

Настоящее учебное пособие представляет собой уникальную разработку, в которой применение инновационных математических моделей сочетается с их использованием применительно к политической и международной проблематике.

Авторы видят свою цель в формировании уникального специалиста, конкурентное преимущество которого заключалось бы во владении междисциплинарным аналитическим аппаратом. Этот аппарат позволяет изучать сложные политические и международные процессы посредством встраивания их нелинейных моделей в «мейнстрим» современных политических теорий.

В работе раскрываются основные методологические приемы анализа политических процессов с использованием различных нелинейных моделей. Возможности этих моделей иллюстрируются конкретными примерами и кейсами.

Учебник предназначен для студентов магистратуры гуманитарных ВУЗов, аспирантов, преподавателей, специализирующихся в области политических и социальных наук.

Содержание

Предисловие	
Тема 1. Введение в нелинейные процессы.	
§1. Изучение политических процессов: выбор «аналитических линз».	
§2. Линейная и нелинейная парадигмы.	
§3. Моделирование политических процессов.	
Тема 2. Введение в теорию динамических систем.	
§1. Виды динамических систем.	
§2. Типы аттракторов и устойчивость процессов.	
§3. Неравновесность политических процессов.	
Тема 3. Анализ развития политического процесса в условиях ограниченной ресурсной ниши.	
§1. Политические процессы и ограничения.	
§2. Модель динамики политического процесса в условиях ограниченной ниши.	
§3. Моделирование динамики политических процессов в отображениях.	
Тема 4. Нелинейный политический процесс различной интенсивности.	
§ 1. Динамика процесса слабой интенсивности. Точечный аттрактор.	
§2. Динамика процесса средней интенсивности. Циклический аттрактор.	
§3. Динамика процесса высокой интенсивности. Странный аттрактор.	
Тема 5. Сценарии возможной динамики политических процессов.	
§1. Сценарий Фейгенбаума как распространенный сценарий перехода к хаосу.	
§2. Законы перехода к хаосу.	
§3. Закономерности детерминированного хаоса.	
Тема 6. Реакция нелинейных систем на воздействия.	
§1. Флуктуации и динамика нелинейной системы.	
§2. Политический прогноз в зависимости от сценария динамики.	
§3. Горизонт прогноза хаотического процесса.	
Тема 7. Бифуркации и описание динамики политического процесса.	
§1. Бифуркации и изменение устойчивости политического процесса.	
§2. Проблема флуктуаций и осознанного выбора варианта развития политического процесса.	
§3. Сценарии прохождения точки бифуркации политическим процессом.	
Тема 8. Политический процесс с лагом расходования ресурсов.	
§1. Модель расходования ресурсов двумя поколениями.	
§2. Возможные сценарии.	
§3. Топология фазового пространства.	
Тема 9. Политический процесс с преобразованием ресурсов.	
§1. Множество Мандельброта, как модель процесса с преобразованием ресурсов.	
§2. Возможные сценарии.	
§3. Бассейны аттракторов.	
§4. Фракталы.	
Тема 10. Конкурирующие политические процессы.	
§1. Конкуренция политических процессов.	
§2. Сценарии формирования общественного мнения в условиях конкуренции двух идей.	
§3. Смена политических элит как пример конкурирующих процессов.	
Тема 11. Динамика политических процессов при изменении границ и интенсивности.	
§1. Динамика нелинейных политических процессов при изменении границ ниши.	
§2. Динамика нелинейных политических процессов при изменении интенсивности.	

Тема 12. Нелинейные подходы и формализация сложных политических процессов.	
§1. Модели трудноформализуемых процессов.	
§2. Модель гонки вооружений между двумя странами.	
Кейс-стади 1. Риск вооруженного конфликта между великими державами в XX и XXI вв.	
Постановка проблемы	
Теория	
Рабочая гипотеза	
Метод	
Уточнение гипотезы	
Операционализация, статистические данные и временные ряды	
Великие державы накануне Первой мировой войны (1900-1914 гг.)	
Великие державы накануне Второй мировой войны (1928-1939-1941 гг.)	
Супер-державы в период «холодной войны» (1946-1988)	
Великие державы после окончания «холодной войны» (1989-2007 гг.)	
Заключение	
Приложение	
Кейс-стади 2. Глобальная динамика качества жизни. 1975-2005 гг.	
Постановка проблемы и рабочая гипотеза	
Динамика ИЧР стран «всеобщего благоденствия»	
Скандинавские страны: Швеция, Норвегия, Финляндия, Дания	
Бенилюкс	
Экономические лидеры ЕС: Германия, Франция, Италия	
Страны посткоммунистического транзита	
Прибалтийские страны: Латвия, Эстония, Литва	
«Славянские» республики бывшего СССР: Россия, Белоруссия, Украина	
Транзитные страны юго-восточной Европы: Болгария, Румыния	
Экономические лидеры АТР: Япония, Китай, Южная Корея	
Экономические лидеры Латинской Америки: Бразилия, Аргентина, Венесуэла	
Кризисные страны Африки южнее Сахары: Конго, Руанда, Бурунди	
Заключение	

Предисловие

В настоящее время понятие «нелинейности» все чаще встречается в обсуждении политических проблем. Сегодня можно говорить едва ли не о моде на нелинейность. Зачастую, этот термин используется тогда, когда эксперты сталкиваются с процессами, динамика которых трудно объяснима существующими методами и подходами. В результате с нелинейностью нередко отождествляются многие явления, которые эксперты затрудняются объяснить или предсказать. Нелинейный – значит сложный, трудно предсказуемый, слабо доступный для анализа. В такой трактовке нелинейность превращается в крайне аморфное и размытое понятие. Получается, что нелинейным можно назвать практически любой политический процесс, причем констатация этого факта несколько не приближает нас к адекватному пониманию его динамики.

Цель и миссия нашей книги идет вразрез с этими веяниями. Опираясь на достижения различных дисциплин, мы полагаем, что исследование нелинейности может выступать самостоятельным направлением работы политологов и международных и должно быть обеспечено фундированным методологическим аппаратом. Конечно, анализ нелинейных явлений вполне может давать парадоксальные результаты, равно как и генерировать нетривиальные гипотезы. Однако подобная нетривиальность должна быть проверяема прозрачными аналитическими процедурами, которые позволяли бы подтверждать, равно как и опровергать выдвинутые положения. Знакомство читателя с подобными приемами анализа мы ставим во главу угла этого издания.

Что же такое нелинейность? Почему мы обращаемся к этой аналитической проекции? Чем нас не устраивает линейная парадигма?

Начнем с последней, и сразу же отметим, что с линейным взглядом на мир связаны колоссальные прорывы во многих областях человеческой жизнедеятельности. Философия и дух эпохи Просвещения, по сути, являются линейными. Основной нормативной характеристикой линейности здесь, конечно, выступает вера в безграничные возможности человеческого разума, в принципиальную познаваемость мира и поступательный прогресс. Ключевые политические идеологии эпохи Современности – либерализм и социализм – пропитаны именно этим духом. Примечательна, например, их убежденность в возможности достижения наивысшей точки прогресса, в которой снимаются ключевые противоречия общества, достигается идеал, который снимет необходимость дальнейшего движения вверх. Сама возможность «конца истории», будь то бесклассовое общество или же общество победившей демократии и рынка, выступает своеобразным лейтмотивом линейности в нормативных политических и социальных теориях.

С этим политико-философским идеалом тесно связаны представления о должном институциональном устройстве и практика создания подобных институтов. Рациональный контроль экономической деятельности дал основу для бурного развития промышленности, менеджмента, радикального роста производительности труда, вовлечения в промышленность широких масс. Различные варианты рациональной бюрократии позволили максимизировать охват и эффективность политической власти и надзора. Придание рациональных организационных форм научному знанию создало основы для его воспроизводства и развития в невиданных ранее масштабах. Индустриализация войны повлекла за собой прорыв в военном деле, наглядно фиксируемый числом жертв военных конфликтов в XX в. (Эти и другие институциональные трансформации хорошо известны и описаны в литературе).¹

Модернизация и вестернизация, как движение к этому институциональному инварианту, сами по себе превратились в значимый нормативный императив. Его обсуждение заняло, в частности, одно из центральных мест в отечественной политико-философской мысли, изначально, в виде дискуссии западников и почвенников, затем в форме постулирования собственной версии движения к «концу истории» в рамках социалистического проекта, затем в контексте транзитологической проблематики. Соответствие собственных институтов западным образцам до сих пор обсуждается у нас в стране и во многих других обществах. Не менее серьезно вопрос обсуждается и на Западе, институциональная форма которого считается наиболее близкой идеалам Модерна и даже вышедшей за его пределы.

Итак, на уровне нормативной теории (политической философии), а также на уровне политических идеологий и доктрин, линейность подразумевает, грубо говоря, апологетику некоего ценностного и институционального инварианта, подход к истории как к движению в сторону подобного инварианта и классификацию «своих» и «чужих» сквозь призму соответствия этому инварианту. Кстати, из крупных политических теорий в наименьшей степени линейными являются консервативные теории, с их скепсисом относительно возможностей человеческого разума, в отличие от уже упомянутых либеральных и социалистических теорий и доктрин. В нормативной теории МО это отличие хорошо видно на уровне конкуренции реализма и либерализма, которые существенно расходятся в трактовке возможностей контроля международной среды и ее рациональной организации.

Нет нужды говорить о том, что «линейные» политические проекты и доктрины, равно как и институциональная форма эпохи Модерна, подвергаются серьезной критике. Причем речь здесь идет не столько о способности достичь «конца истории», сколько

¹ См., например, Giddens, Anthony. *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity, 1990.

справиться с нарастающими рисками и угрозами, порождаемыми самим Модерном. Попытка линейного движения к прогрессу парадоксальным образом порождает нелинейность – явно непредвиденные, а иногда и противоположные результаты «рациональных» действий.

В эмпирической политической теории линейность имеет несколько иной смысл. Здесь она связана, главным образом, с расцветом позитивизма и позитивистской методологии. Настоящим прорывом стало использование статистических методов, поиск устойчивых вероятностных взаимосвязей между политическими явлениями. Теория рационального выбора, использование теории игр для моделирования поведения политических акторов, наконец, использование достижений экономической науки в политологии (новый институционализм и его разновидности) стали наиболее заметными вехами. Вплоть до настоящего времени позитивистская логика доминирует в американской эмпирической политологии. Кстати, именно в США накоплен наиболее богатый опыт верификации гипотез о взаимосвязи между переменными линейными статистическими методами. Очень распространено, в частности, применение регрессионного анализа. Линейность означает поиск наиболее значимых, сильных факторов, тогда как слабые факторы в основном исключаются из анализа или рассматриваются как флуктуации. Отсюда – принцип «результат пропорционален усилиям», а также – допущение того, что однотипные процессы под воздействием сходных факторов будут вести себя одинаково.

Приведем пример. Допустим, у нас есть база данных о частоте военных конфликтов между государствами, а также – об уровне их экономической взаимозависимости, типе политического режима и, скажем, их цивилизационной принадлежности. Чисто гипотетически допустим, что методом регрессионного анализа мы выявляем, что за последние сто лет экономическая взаимозависимость и тип режима в значительной степени влияли на международные конфликты, тогда как цивилизационная принадлежность страны такой значимости не имеет. В этой логике, увеличение экономической взаимозависимости и изменение типа режима снизят вероятность конфликта, тогда как случаи конфликтов на цивилизационной почве будут рассматриваться как случайности.

Подчеркнем, что такой подход к анализу политических и социальных процессов дал огромный исследовательский материал и позволил сделать крайне интересные эмпирические обобщения. Однако ему присущи ограничения, которые и заставляют нас обратиться к иным аналитическим проекциям, в том числе – к нелинейной парадигме.

Прежде всего, подобный подход не учитывает меру необходимого изменения сильного фактора. До каких пределов вообще может вырасти экономическая взаимозависимость, каковы возможные ограничения этого процесса? Как будет влиять этот фактор на поведение государств тогда, когда он достигнет возможных ограничений или даже выйдет за их пределы? Или еще более простой вопрос – будет ли сохраняться значимость фактора экономической взаимозависимости по мере ее роста? Может ли оказаться так, что в экономически взаимозависимом мире вдруг резко возрастет роль цивилизационного фактора и почему, в каких условиях это может произойти?

Далее, используя линейную логику, мы вряд ли поймем, как влияет на отношение зависимых и независимых переменных тип динамики, в которой развивается их взаимодействие. Скажем, роль цивилизационного фактора может действительно быть ничтожно малой в условиях стабильности международной системы. Но как поведет себя этот фактор, если система накопила значительные противоречия и находится в так называемой точке бифуркации, в условиях кризиса? Не станет ли именно этот фактор той «малой» причиной, которая может вывести системные противоречия наружу, приведя к «большим» катастрофическим последствиям?

Наконец, линейный взгляд ограничивает нас в понимании того, в какой степени система «помнит» свое прошлое, насколько быстро устаревают его значимость для развития в текущий момент? Скажем, насколько значима вчерашняя экономическая взаимозависимость между страной А и Б в условиях сегодняшней кардинальной смены экономического уклада?

Восприятие политических процессов как нелинейных и использование соответствующих методов их анализа может приблизить нас к ответу на вопросы подобного рода. Ниже мы обозначим те исследовательские направления, которые мы будем связывать с нелинейной парадигмой. Конечно, спектр ее приложения значительно шире. Но как раз в силу подобной широты мы считаем необходимым задать конкретные рамки, актуальные для данной книги.

➤ Во-первых, мы постараемся показать, что один и тот же процесс может развиваться по принципиально разным траекториям в зависимости от типа динамики («аттрактора»), которым описывается этот процесс в данный отрезок времени. Нелинейность проявляется в том, что сменив аттрактор, процесс начнет развиваться по иным закономерностям. Пример: чтобы победить в гонке вооружений, требуется наращивать потенциал мощи. Здравый смысл подсказывает – чем больше, тем лучше. Однако переход определенного предела в этих усилиях может привести к иным последствиям

– скажем, надрыву экономики и проигрышу гонки. Воздействие одного и того же фактора дает разные последствия.

- Во-вторых, мы попробуем определить влияние ресурсных ограничений на развитие процесса. Степень таких ограничений может внести существенные отличия в развитие процессов. Изменение границ ниши, равно как и само ее наличие, делает процесс нелинейным. Пример: страна с более высоким темпом прироста качества жизни, на первый взгляд, должна иметь и более благоприятные перспективы для дальнейшего развития. На деле, такие темпы могут обернуться исчерпанностью ниши и последующей стагнацией (мы увидим это в наших кейсах).
- В-третьих, мы продемонстрируем различную роль влияния предыдущего пути развития процесса на его текущую траекторию. Мы покажем, в каких случаях политический процесс подвержен влиянию прошлого, а в каких предыдущие состояния теряют свою актуальность для целей прогноза. Нелинейность политических процессов непосредственно отражается на горизонте прогноза.
- В-четвертых, мы определим роль и место «малых факторов» и условия, когда их воздействие может привести к «большим последствиям» и вызвать значительный резонанс. Нелинейность здесь связывается с нарушением принципа «результат пропорционален усилиям».

Исследование этих четырех составляющих политических процессов мы будем проводить с помощью нескольких нелинейных математических моделей, среди которых основное место будет занимать базовая модель процесса Ферхюльста. Эти модели являются достаточно простыми для восприятия и практического использования. Ими, конечно, далеко не исчерпывается спектр инструментов изучения нелинейности, однако даже их применение дает возможность получать оригинальные эмпирические результаты.

Подчеркнем, что обращаясь к проблемам нелинейности, мы ни в коем случае не отрицаем достижения линейной парадигмы и ее потенциал в решении огромного спектра исследовательских задач. С большой осторожностью мы относимся и к критике соответствующих нормативных теорий: аргументация политико-философских позиций требует большой исследовательской программы в изучении нелинейности, которую еще только предстоит реализовать. Для этого необходимо освоение междисциплинарного понятийного аппарата, методологии и шире – языка общения, который позволял бы политологам и математикам использовать взаимные достижения в данной области. Мы надеемся, что эта книга является шагом в сторону формирования подобного языка.

Ю.А.Полунин, И.Н.Тимофеев

Москва, апрель 2009.

Тема 1. Введение в нелинейные процессы.

§1. Изучение политических процессов: выбор «аналитических линз».

В настоящем учебнике, объектом нашего интереса выступает политическая динамика во всем многообразии ее проявлений. Речь может идти о постепенных эволюционных изменениях, о переходах из одного качественного состояния в другое, о циклах и волнах развития, наконец, о революционных изменениях, когда политическая система переживает внезапные и глубокие потрясения своих базовых элементов. Иными словами, в центре нашего внимания будут лежать политические процессы различного типа.

Существует достаточно большое число определений политического процесса. Однако в политической науке мы вряд ли найдем понятие, которое имело бы строгое определение, и в котором был бы отражен некий конечный набор характеристик и свойств, отражаемых этим понятием. Поэтому для целей настоящего курса, мы ограничимся рабочим определением политического процесса, которое задаст основные смысловые черты этого понятия.

Определение.

Под процессом мы будем понимать, прежде всего, динамическую характеристику изучаемого объекта или системы, а также - вид движения, трансформации или эволюции в течение определенного времени, модификацию количественных или качественных характеристик объекта. Политический процесс можно определить как динамическое свойство политических явлений, отражающих последовательную смену состояний и этапов их развития.

Задавая более узкие границы понятия, отметим, что в контексте настоящего учебника, мы будем рассматривать процесс преимущественно с точки зрения интеракции тех или иных игроков (акторов) в условиях ограниченных ресурсов. К числу акторов могут принадлежать государства, политические партии, международные институты и т.п. Сами игроки рассматриваться нами как сложноорганизованные системы, взаимодействующие в рамках более широких систем (например, системы международных отношений). Наше рабочее определение, таким образом, корреспондирует категориям системного анализа.

Важной исходной посылкой для нас выступает тезис о том, что политические процессы часто разворачиваются в условиях ограниченной ресурсной ниши, в которой игроки стремятся занять наиболее выгодное положение, в том числе – путем вытеснения и поглощения своих конкурентов или путем расширения самой ниши. При этом под

ресурсами можно понимать самый широкий спектр благ. Начиная от экономических ресурсов (средства производства, финансовый капитал, рынки сбыта и т.п.) и заканчивая ресурсами «символическими» - поддержки той или иной идеи, бренда, точки зрения и т.п. Соответственно мы имеем ввиду и самое широкое приложение взаимодействия игроков – начиная от мирной конкуренции, скажем, за рыночную нишу, и заканчивая открытым военным столкновением за спорные территории, ресурсы и т.п.

Следуя этой логике, мы изначально ограничиваем предмет нашего анализа. Политические процессы нас интересуют, во-первых, применительно к единичному игроку, в контексте его действий по освоению той или иной ресурсной ниши. Во-вторых, политические процессы интересуют нас с точки зрения интеракции или взаимодействия двух и более игроков в свете, например, их конкуренции за ограниченные ресурсы и за место в ограниченной нише. Наконец, в-третьих, политические процессы интересны нам с точки зрения внутренних и внешних факторов, которые определяют динамику взаимодействия акторов.

Очевидно, что подобный акцент страдает некоторым редукционизмом и не учитывает множество других аспектов, связанными с политическими процессами. Однако определенное нами поле, само по себе является достаточно широким, и его освоение представляется весьма трудоемкой работой. С другой стороны, мы в известном смысле, стараемся сосредоточиться на качестве и глубине проработки узкого предмета в ущерб «распыления» на широкий круг вопросов.

На политические процессы действуют многие факторы разной силы. При этом мы не можем учесть все факторы одновременно – на это не способен ни самый талантливый исследователь, ни самый мощный компьютер. Поэтому в начале исследования любого процесса, перед нами встает задача вычленения наиболее значимых факторов. Дальнейшее описание, объяснение и прогнозирование политических процессов, проводятся именно исходя из них.

Обратите внимание.

Иными словами, речь идет о формулировании исходных гипотез. Гипотезы могут быть сущностными, то есть отвечать на вопрос «что», «как» и т.п. В этом случае наше исследование носит описательный характер. В нем изучаются особенности процессов, их типы, базовые черты и т.п. С другой стороны, гипотезы могут быть каузальными. Такие гипотезы направлены на объяснение причин и причинно-следственных связей. В их основе – вопрос «почему», стремление выявить базовые факторы, влияющие на процесс или же на объяснение связей между явлениями в рамках того или иного процесса. Не умаляя ценности гипотез первого вида, мы считаем, что именно каузальные гипотезы

дают основную «добавленную стоимость» знания о динамике политических явлений. Поэтому в нашей работе мы будем ориентироваться на объяснение и понимание, а не только на описание процессов.²

Как сделать подобный выбор? Что поможет его «легитимации»? Здесь незаменимую помощь нам окажут теории и парадигмы – исходные концептуальные схемы постановки исследовательских проблем и их решения. Парадигмами могут выступать, с одной стороны, базовые политические теории. В случае международных отношений – реализм, либерализм и др. В случае эмпирической политической теории – системный подход, теория рационального выбора, классический институционализм, новый институционализм, бихейвиорализм и др. В случае нормативной политической теории – либерализм, консерватизм и др.

Цитата.

«То, что каждый исследователь видит и считает важным, является производным не только от сведений о событии, но и от “концептуальных линз”, через которые он их рассматривает. ...

Исследователи осмысливают проблемы внешней и военной политики большей частью с позиций молчаливо принятых концептуальных моделей, важных для определения сути их представлений. ... группы подобных взаимосвязанных исходных позиций образуют основные рамки исследования, или концептуальные модели, при помощи которых исследователи как ставят вопросы, так и отвечают на них: что произошло? почему случилось данное событие? что произойдет в будущем? Такие исходные позиции очень важны для выработки объяснений и прогнозов, поскольку, пытаясь объяснить конкретное событие, исследователь не может просто описывать всю обстановку в мире, приведшую к данному событию. Логика объяснения требует, чтобы он выделил относящиеся к делу, важные факторы, обуславливающие событие. Кроме того, логика прогнозирования придает большое значение тому, *чтобы* исследователь суммировал различные факторы в зависимости от их влияния на рассматриваемое событие. Концептуальные модели помогают исследователю определить размер ячеек сети, через которую он пропускает материал, чтобы объяснить конкретное действие или решение, а также подсказывают ему, в какой пруд и на какую глубину забросить сеть, чтобы поймать нужную рыбу».³

Грэм Аллисон.

² Эту типологию предложил, в частности, Александр Вендт. Wendt, Alexander. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – P. 373.

³ Аллисон Г. *Концептуальные модели и кубинский ракетный кризис. // Теория международных отношений*. Москва: Гардарики, 2002.

Назначение теории состоит в том, что она дает нам исходный набор предположений о природе процесса, о факторах, которые на него влияют. Как правило, теория или парадигма опирается на значительный корпус научной литературы, которая формирует прецедентный фундамент нашего исследования. Отметим, однако, что его результаты вовсе не обязательно должны подтвердить исходные постулаты теории: в идеале они могут быть столь нетривиальными и провокативными, что их будет достаточно для «научной революции» или появления новой парадигмы.

В качестве примера рассмотрим либеральную теорию МО. Ученых-международников долгое время волновал вопрос о причинах, которые приводят к вооруженным конфликтам между государствами. В качестве политического процесса в исследованиях приверженцев этой теории выступает, во-первых, взаимоотношение сторон до военного конфликта, и, во-вторых, динамика самого конфликта, в том случае, если его начало стало неизбежным. Одним из существенных факторов, влияющих на конфликтный потенциал, представители этого подхода считают тип политического режима. В самом упрощенном виде – демократии не склонны воевать друг с другом, так как их политические лидеры более ответственны перед гражданским обществом, которое, как правило, заинтересовано в мире, а не в войне. И наоборот, автократии более склонны к войнам, в том числе, к агрессии против демократий, так как их элиты неподконтрольны обществу. Другой важный фактор, выделяемый либералами, состоит в уровне взаимозависимости государств – чем в большей степени страны связаны экономически, тем меньше вероятность войны. Даже в том случае, если эти страны воюют друг с другом, процесс конфронтации по своей продолжительности отличается от сходного процесса в случае стран, слабо связанных экономически. Этот гипотетический блок формирует теоретическое ядро огромного числа исследований международников,⁴ которые, кстати,

⁴ См., например, Russett, Bruce; Oneal, John. *Triangulating Peace: Democracy, Interdependence, and International Organizations*. New York: W.W. Norton, 2001. Danilovic, Vesna and Clare, Joe. *The Kantian Liberal Peace (Revisited)*. // *American Journal of Political Science*, Vol. 51, No 2, April 2007. – P. 397-414. Ward, Michael; Siverson, Randolph; Cao, Xun. *Disputes, Democracies, and Dependencies: A Reexamination of the Kantian Peace*. // *American Journal of Political Science*, Vol. 51, No 3, July 2007. – P. 583-601. Mansfield, Edward; Snyder, Jack. *Democratization and War*. // *Foreign Affairs*, Vol. 74, No 3, May/June 1995. – P. 79-97. Min Kim, Hyuang; Rousseau David. *The Classical Liberals Were Half Right (Or Half Wrong): New Tests of the “Liberal Peace”, 1960-1988*. // *Journal of Peace Research*, Vol. 42, No 5, 2005. – P. 523-543. Souva, Mark; Prins, Brandon. *The Liberal Peace Revisited: The Role of Democracy, Dependence, and Development in Militarized Interstate Dispute Initiation, 1950-1999*. // *International Interactions*, Vol. 32, No 2, July 2006. – P. 183-200. Oneal, John; Russett Bruce. *Assessing the Liberal Peace with Alternative Specifications: Trade Still Reduces Conflict*. // *Journal of Peace Research*, Vol. 36, No 4, 1999. – P. 423-442. Gartzke, Erik. *The Capitalist Peace*. // *American Journal of Political Science*, Vol. 51, No 1, January 2007. – P. 166-191. Krustev, Valentin. *Interdependence and the Duration of Militarized Conflict*. // *Journal of Peace Research*, Vol. 43, No 3, 2006. – P. 243-260. И др.

носят и нормативный характер. Если мы докажем, что демократии не воюют, значит такая форма политического режима является большим благом, нежели автократия.

Однако в гуманитарных науках мы не встретим теорий, которые могут дать исчерпывающие объяснения происходящим процессам. В отличие от естественных наук, здесь речь идет о постоянной конкуренции теоретических и концептуальных схем, которые могут рассматривать изучаемые процессы в разных проекциях и под различными углами зрения. Если теория не фальсифицируема, то есть не опровержима, то она не может рассматриваться в качестве надежного объяснительного инструмента. В случае международных отношений, речь идет, например, о давней конкуренции уже упомянутого нами либерализма с реалистической теорией. Обе теории пытаются дать ответы на сходный круг вопросов, однако выбирают для своего анализа разные критерии и объяснительные факторы. Если либералы склонны искать причины международной динамики внутри государств, то реалисты, наоборот, исходят из того, что внешняя политика является автономной сферой, а значит, речь должна идти о специфическом наборе именно внешних факторов – балансе сил, уровне внешних угроз и т.п.⁵

В этой связи, мы должны понимать, что исследуя политические процессы, мы не должны пытаться произвольно смешивать аналитические проекции для получения якобы «конечной» или «интегрированной» картины происходящего. Суть наших исследований – в постоянной конкуренции, а использование математического аппарата, предлагаемого в данной книге, может применяться для верификации как разделяемой нами теории, так и для проверки положений наших оппонентов.

§2. Линейная и нелинейная парадигмы.

Наряду с эмпирическими и нормативными политическими теориями, в качестве концептуальных платформ могут выступать и метапарадигмы – то есть такие теоретические и методологические платформы, которые являются во многом универсальными для широкого круга дисциплин – как гуманитарных, так и естественных. В контексте нашего курса, речь пойдет о линейной и нелинейной парадигмах, которые в значительной степени задают методологические особенности анализа и носят междисциплинарный характер.

Линейная парадигма вплоть до настоящего времени выступает одной из основополагающих аналитических схем в системе научного знания. Ее фундаментальное допущение предполагает, что влияние факторов на процесс прямо пропорционально их

⁵ Об онтологическом споре либералов и реалистов смотрите классическую работу Ганса Моргентау. Morgenthau H.J. *Scientific Man vs. Power Politics*. Chicago: The University of Chicago Press, 1946.

силе, то есть «результат пропорционален усилиям». Соответственно, для описания и анализа политического процесса надо учитывать только сильные факторы. Другим следствием является утверждение, что два однотипных политических процесса при близких начальных условиях ведут себя приблизительно одинаково. Кроме того, процессы в развитии стремятся к положению равновесия, либо выведены из него под воздействием слабых факторов (флуктуаций).

При использовании парадигмы линейности фактически речь идет о механистической картине мира и механицизме как методе, подходящем к миру как гигантскому механизму, а к отдельным объектам и процессам как деталям этого механизма.

Парадигма линейности приводит к философскому выводу, который сделал Лаплас, о полной детерминированности мира. Буквальное же распространение лапласовского детерминизма на социальные явления приводит к выводу о полной предопределенности происходящих явлений. Социология, с позиций детерминизма суть «социальная физика», сквозь призму которой политические процессы носят строго предопределенный, равновесный характер. В гуманитарных науках подобный детерминизм во многом реализовался в позитивистском взгляде на социальные явления и наложил существенный отпечаток на многие политические концепции и проекты.

Цитата

«Именно механистическое мировоззрение лежит в основе знаменитого изречения Лапласа о том, что существо, способное охватить всю совокупность данных о состоянии Вселенной в любой момент времени, могло бы не только предсказать будущее, но и до мельчайших подробностей восстановить прошлое. Представление о простой и однородной механистической вселенной не только оказало решающее воздействие на ход развития науки, но и оставило заметный отпечаток на других областях человеческой деятельности. Оно явно довлело над умами творцов американской конституции, разработавших структуру государственной машины, все звенья которой должны были действовать с безотказностью и точностью часового механизма. Меттерних, настойчиво проводивший в жизнь свой план достижения политического равновесия в Европе, отправляясь в очередной дипломатический вояж, неизменно брал с собой в дорогу сочинения Лапласа. Необычайно быстрое развитие фабричной цивилизации с ее огромными грохочущими машинами, блестящими достижениями инженерной мысли, строительством железных дорог, созданием новых отраслей промышленности - все это, казалось бы, лишь

подтверждало правильность представления о Вселенной как о гигантской заводной игрушке».⁶

Элвин Тоффлер.

Как первую попытку отказаться от жесткого детерминизма в описании мира, не отказываясь от парадигмы линейности, следует рассматривать введение понятия «случайность». Оно узаконило игру случая в окружающем мире и породило науки для описания и измерения воздействий случайностей – теорию вероятностей и математическую статистику. Появилась возможность описывать мир как детерминированную систему, на которую воздействуют случайные величины. Так к понятию «детерминированный процесс» добавилось понятие «стохастического процесса», как процесса, развивающегося под воздействием случайностей. Появилась новая возможность разделить в ходе анализа процессов факторы на сильные и слабые. Сильные факторы учитывались непосредственно, а влияние слабых факторов дополнительно учитывалось как сумма воздействий случайных величин. Слабые, случайные факторы, воздействующие на процесс, получили название «флуктуации». Поскольку в рамках парадигмы линейности (результат пропорционален усилиям), их воздействие примерно равно, то для описания их суммарного воздействия можно использовать нормальный закон распределения случайных величин, широко применяемый в теории вероятностей и математической статистике. Так что нелинейная колокообразная кривая закона нормального распределения Гаусса несет в себе парадигму линейности.

XX век принес открытия, благодаря которым универсальность парадигмы линейности как методологического подхода была поставлена под сомнение. Этому способствовало значительное разочарование в возможностях компьютерной техники в моделировании тех или иных процессов. Начало использования компьютеров связывалось с надеждами на то, что именно они смогут помочь ученым получать идеальный лапласовский инструмент познания. Однако компьютеры показали, что окружающая нас действительность приводит многочисленные примеры явно нелинейных явлений. В последнее время все больше оказывается востребована парадигма нелинейности.

Цитата:

«Прогнозирование погоды стало отправной точкой, с которой началось использование компьютеров для моделирования сложных систем. ... С ее помощью ученые пытались

⁶ Пригожин И., Стингерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. Москва: Прогресс, 1986. Предисловие Э. Тоффлера.

предугадать буквально всё, начиная с динамики маломасштабных жидкостных потоков, изучаемых конструкторами двигателей, и заканчивая циркуляцией финансов. ... Модели, представлявшие собой запутанную, до некоторой степени произвольную паутину уравнений, преобразовывали известные начальные условия — будь то атмосферное давление или денежный запас — в будущие тенденции. Но лишь немногим было понятно, сколь ненадежен сам процесс компьютерного моделирования — даже в тех случаях, когда исходным данным вполне можно доверять, а законы заимствованы из физики, как в случае с предсказанием погоды. ...

Стоит возникнуть небольшому и кратковременному погодному явлению — а для глобального прогноза таковыми могут считаться и грозовые штормы, и снежные бури, — как предсказание утрачивает свою актуальность. Погрешности и случайности множатся, каскадом накладываясь на турбулентные зоны атмосферы, начиная от пылевых вихрей и заканчивая воздушными токами в масштабах целого материка, отслеживать которые удастся лишь из космоса».⁷

Джеймс Глейк.

Под нелинейностью понимается свойство процесса или системы иметь в своей структуре различные стационарные состояния, соответствующие различным допустимым законам поведения. Всякий раз, когда поведение таких объектов удается выразить системой уравнений, эти уравнения оказываются нелинейными в математическом смысле. Нелинейные уравнения содержат нелинейные функции. Простейшими примерами нелинейных функций, изучаемых в школе, являются квадратичная функция (ее график парабола), или функция более высокой степени, а также тригонометрические функции. Математическим объектам с таким свойством соответствует возникновение спектра решений вместо одного единственного решения системы уравнений, описывающих поведение системы. В таком случае надо полагать, что в нелинейной системе есть и спектр потенциальных возможностей развития и неединственное стационарное состояние. Простейший пример неединственного решения известен нам из школы. У нелинейного квадратного уравнения всегда два решения - решения уравнения как раз и являются стационарными состояниями. Каждое решение из этого спектра характеризует возможный способ поведения системы.

⁷ Глейк Дж. Памяти Эдварда Нортона Лоренца: «Эффект бабочки». / Глейк Дж. Хаос: создание новой науки. Москва: Амфора, 2001.

В отличие от линейных систем, элементы которых слабо взаимодействуют между собой и практически независимо входят в систему (целая система сводима к сумме ее составляющих), поведение каждой подсистемы в нелинейной системе определяется в зависимости от характера взаимодействия с другими. В нелинейной системе в разное время, при разных внешних воздействиях ее поведение определяется различными законами, то есть, процессы, описывающие поведение такой системы при разных воздействиях принципиально отличаются. Это создает феномен сложного и разнообразного поведения, не укладывающегося в единственную аналитическую схему. Эволюция нелинейной системы и ее развитие сложны и неоднозначны, потому что внешние или внутренние воздействия могут вызвать отклонения такой системы от ее стационарного состояния в любом направлении. Кроме того, одно и то же стационарное состояние такой системы при одних условиях устойчиво (процесс попадает в точку равновесия), а при других – неустойчиво (процесс неравновесен). Для нелинейных процессов возможен переход в другое стационарное состояние.

Выше уже говорилось, что есть детерминированные (строго определенные) и стохастические (случайные) процессы. До середины 60-х годов двадцатого века считалось, что других типов процессов нет: либо есть четкая предсказуемость детерминированного процесса, поддающаяся точному аналитическому описанию, либо процесс несет в себе хаотическую игру случайности, точное аналитическое описание которых невозможно, как невозможно и точное предсказание значений процесса. И вдруг обнаружилось, что в нелинейных процессах, даже при строгом и четком описании (детерминированности процесса) есть режимы, когда точное предсказание значений процесса невозможно. В таком режиме детерминированные нелинейные процессы ведут себя хаотически – значения процесса никогда не повторяются и принимают любые значения из определенной области. Такие режимы называют «детерминированным хаосом» или «динамическим хаосом». На высоком уровне абстракции именно возможность хаотического поведения системы нередко связывается с понятием нелинейности.

Нелинейность также рассматривается как необычная реакция на внешние воздействия, когда малое воздействие оказывает большее влияние на процесс эволюции системы, чем воздействие более сильное, но неадекватное тенденциям эволюции. В качестве примера таких реакций можно привести резонанс – согласованные с поведением системы малые усилия вызывают сильный отклик, несогласованные сильные воздействия могут оказаться малозначимыми. Оказывается, что система, находящаяся в неравновесном состоянии, чутка к воздействиям, согласованным с ее собственными свойствами. Поэтому

флуктуации, воздействующие на политический процесс изнутри или во внешней среде, оказываются не «шумом», а фактором генерации новых структур. Нелинейные системы демонстрируют неожиданно сильные ответные реакции на релевантные их внутренней организации, резонансные возмущения.

Следует отметить, что и по сей день классический линейный подход к анализу и управлению сложноорганизованных систем продолжает оказывать весьма значительное влияние. И далеко не всегда это ошибочно, хотя ограниченность этого подхода все острее и настойчивее проявляет себя, особенно в нашем политически очень быстро меняющемся мире. Резкое ускорение многих политических процессов, как глобальных, так и локальных, отмечается повсеместно и трактуется как проявление все большей нелинейности свойственной нашему времени. Прогресс в области науки и технологий парадоксальным образом сопровождался повышением непредсказуемости социальных и политических процессов. Их возрастающая сложность и динамизм делают их все менее доступными для анализа в логике линейной парадигмы.

Что касается политических процессов, то их даже самый поверхностный анализ дает аргументы в пользу встречающейся в них нелинейности. Прежде всего, в политических процессах нельзя механически применять масштабирование: совсем не очевидно, что политический процесс, скажем, в отдельном регионе может рассматриваться как уменьшенная копия политических процессов в масштабах всей страны. Так, особенности региональных политических процессов в современной России могут не отражать тенденций, общих для страны. А Европейский Союз качественно другое образование, чем сумма стран его образующих.

Далее, именно в политических процессах наиболее заметно нарушается линейный принцип пропорциональности результата усилиям. Так, например, следуя линейной логике, если в политический процесс вовлечены миллионы людей, то усилия одного человека по изменению такого процесса не должны сказываться на результате. Однако у историков накоплены обширные данные, когда отдельные личности коренным образом меняли ход политического процесса, особенно в периоды кризисов или масштабных изменений, когда роль отдельно взятого индивида, или еще уже, отдельного решения или события, оказывала определяющее влияние на дальнейшее развитие.

Это актуально и для системы международных отношений, устойчивость которой может нарушаться на первый взгляд периферийными факторами.

Обратите внимание. Весьма иллюстративен, например, маньчжурский инцидент, когда действия игроков на
--

периферии международной системы положили начало тектонических сдвигов в международной системе. В сентябре 1931 г. японские войска начали военную операцию в Маньчжурии, а в 1932 г. взяли ее под полный контроль. Проигнорировав реакцию Лиги Наций и выйдя из нее, Япония, по сути, положила начало распаду Версальской системы международных отношений.

Можно привести достаточно большое число других проявлений нелинейности в политических процессах. К их числу принадлежит и распад СССР – страны, устоявшей под сильным агрессивным воздействием гитлеровской Германии, но распавшейся под воздействием гораздо меньших факторов иной природы. В этом же контексте - пример России в постсоветский период, которая в конце 1990-х гг. многими классифицировалась как государство-неудачник, *failed state*, но в течение короткого времени вернула себе статус великой державы. Уместным примером будет также опыт войны США в Ираке и СССР в Афганистане, когда сильнейшие армии в мире несли серьезные потери от нерегулярных вооруженных группировок.

Причины роста нелинейности политических процессов заключаются и в воздействии многих ограничений, в которых развиваются современные политические процессы. К таким ограничениям относятся как ограничения по ресурсам (материальным, людским, финансовым), так и временные ограничения. Многие политические решения принимаются в условиях дефицита времени – необходимо своевременно реагировать на быстроменяющееся развитие ситуации. Рост нелинейности можно рассматривать и в терминах растущих рисков – техногенных, политических, гуманитарных и т.п. По мере развития современного общества, все больше усложняется возможность адекватной экспертной оценки происходящих процессов, а следовательно, возрастает и вероятность ошибки при принятии политических решений. Тезис о том, что прогресс институтов современного общества пропорционален росту его неуправляемости, весьма часто встречается в политико-философских работах в контексте проблематики «общества риска».

Это интересно.

Понятие линейности близко по своему философскому смыслу идеям Просвещения и духу эпохи современности (модерна) с ее верой в безграничные возможности рационального разума в преобразовании природы и общества, а также – управления ими. Однако XX век оказался эпохой, показавшей не только прогресс, но и принципиальную уязвимость общества перед рядом его достижений. Войны, гуманитарные и техногенные катастрофы, внезапные политические кризисы и прочие явления, не только не исчезли, но стали менее

предсказуемыми, и по ряду параметров, более острыми. Именно это дало повод крупным политическим теоретикам охарактеризовать современное общество как «общество риска» - беспрецедентно динамичный и все менее управляемый мир, в котором повышается как вероятность, так и цена экспертной ошибки.⁸

Цитата:

«Оборотной стороной модернити — и этого фактически никто не способен не сознавать — может быть не что иное, как «республика трав и насекомых» или группа разрушенных и травмированных человеческих сообществ. Никакие провиденциальные силы не вмешаются ради нашего спасения, и никакая историческая телеология не гарантирует, что эта вторая версия постмодернити не вытеснит первую. Апокалипсис стал тривиальностью, он знаком как контрфактическая ситуация повседневной жизни, и, как и все параметры риска, он может стать реальностью».⁹

Энтони Гидденс.

§3. Моделирование политических процессов.

Почему для анализа любого процесса или системы необходимо моделирование? Отметим, прежде всего, что человеческое мышление, по своей сути, во многом является модельным. Основной предпосылкой для существования модельного уровня в сознании людей является тот факт, что человек не способен одновременно удерживать в голове более 5-7 факторов, влияющих на анализируемую ситуацию.

Обратите внимание.

Многие категории восприятия окружающей действительности базируются на одновременном удержании не более 7 факторов: дни недели, ноты и т.п. В социальной психологии это число с небольшими отклонениями в большую или меньшую сторону является одним из критериев определения малой группы – числа людей, с которыми мы можем одновременно поддерживать непосредственный контакт.

Даже если мы представим себе супераналитика, удерживающего в голове одновременно десять факторов, то он не сможет донести до других людей результаты своего анализа – обычный человек не сможет отследить ход мыслей, использующих

⁸ См. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. Москва: Прогресс-Традиция, 2000.

⁹ Гидденс Э. Последствия модернити. // Новая постиндустриальная волна на Западе. Под ред. Л. Иноземцева. Москва: Academia, 1999.

ДИЛЕММА БЕЗОПАСНОСТИ. РИСК ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА МЕЖДУ ВЕЛИКИМИ ДЕРЖАВАМИ

И. Н. Тимофеев

Ключевые слова: международные отношения, моделирование конфликтов, дилемма безопасности, военные расходы, великие державы.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Начавшийся мировой финансовый и экономический кризис ставит большое число вопросов относительно его политических последствий. Одним из них является риск глобального или крупного регионального военного конфликта. Нельзя сказать, что эта тема доминирует в “околокризисных” дискуссиях. Но ее обсуждение, так или иначе, напрашивается в связи с несколькими гипотетическими соображениями и историческими аналогиями. К числу первых относится допущение о том, что в кризисных условиях ведущие экономики мира ищут новые источники роста. Военная сфера потенциально может рассматриваться в качестве одной из таких точек. Военные разработки нередко стимулировали экономический рост и приводили к технологическим прорывам, которые в дальнейшем выступали локомотивом роста (авиастроение, компьютеры и вычислительная техника, атомная энергетика, интернет, космические технологии и др.). Наиболее яркой исторической аналогией здесь является Вторая мировая война, подготовка к которой способствовала преодолению рядом стран последствий Великой депрессии, а некоторые изначально военные технологии — послевоенному росту хозяйства. Очевидно, что выбор в пользу подобного сценария чреват значительными жертвами, что не означает того, что такой выбор не может быть сделан.

Даже если отвлечься от “кризисной” тематики, происходящие в начале XXI в. процессы все равно делают вопрос о возможности крупного конфликта далеко не праздным. В частности, в последнее десятилетие мы можем наблюдать усиление военных потенциалов ряда держав, рост интенсивности локальных конфликтов, эрозию режимов безопасности, сформировавшихся после окончания “холодной войны”. Эти процессы повышают уровень *неопределенности* в отношениях между ключевыми игроками, потенциально обостряя дилемму безопасности в отношениях между ними. Согласно классическим дефинициям, дилемма безопасности предполагает стратегический выбор государства между сотрудничеством и соперничеством. Выбор осуществляется в условиях неопределенности, которая в пределе чревата тем, что, не имея полной информации о намерениях противоположной стороны, конкурирующие стороны делают выбор в пользу “худшего сценария”, наращивая свои потенциалы или вступая в конфронтацию [Booth, Wheeler 2008: 1-18; см. также Алексеева 1993].

Кризисные явления в мировой экономике и ситуация на международной арене определяют постановку проблемных вопросов данной статьи: какие последствия для ключевых игроков может иметь наращивание военных потенциалов?

Каковы особенности этого процесса в настоящее время? В чем отличия этого процесса от исторических прецедентов кануна Первой и Второй мировых войн, а также — “холодной войны”? Наконец, способствует ли наблюдаемый в настоящее время процесс конфронтационному сценарию? Мы попробуем ответить на эти вопросы, используя подходы и данные, которые применяются в рамках новых направлений проекта “Политический атлас современности”¹. Однако обращение к эмпирическим данным и формулирование исходной гипотезы требует уточнения нашей теоретической платформы.

ТЕОРИЯ

В качестве подобной платформы мы попробуем использовать реалистическую теорию международных отношений. В ее основе лежат следующие допущения. Для защиты и продвижения национальных интересов государства склонны к максимизации своего экономического и военного потенциала (мощи). Зачастую они не в состоянии в одиночку защитить свои интересы, что толкает их на создание коалиций с другими государствами. Равновесие международной системы определяется *балансом сил*, нарушение которого или достижение критического предела в накоплении мощи выливается в дестабилизацию системы и конфронтацию между ключевыми игроками.

Эти положения реализма подвергались серьезной критике со стороны либеральной и неолиберальной теории МО, а также конструктивистских подходов. Я писал об этом в одной из своих недавних статей, в которой освещалась лишь небольшая часть корпуса литературы по этой дискуссии [Тимофеев 2008]. Поэтому здесь отмечу лишь то, что выбор в пользу реализма имеет как сильные, так и слабые стороны.

Сильная сторона видится в том, что военно-экономические потенциалы великих держав — это реально существующие рычаги влияния, поддающиеся квантификации. Кроме того, военные потенциалы принимаются во внимание “априори” — часто, это первичный фактор выбора государства в дилемме безопасности, особенно если политические режимы и идентичности стран, вовлеченных в подобный выбор, не совпадают, а уровень экономической взаимозависимости невелик. В рамках реалистической повестки был разработан целый ряд оригинальных эмпирических моделей решения дилеммы безопасности [Anderton 1989; Colaresi, Thompson 2005; Colaresi, Rasler, Thompson 2007; Fordham 2004; Goldsmith 2003; Lichbach 1989; McGinnis 1991; Simon 2004].

Слабой стороной реализма, несомненно, является то, что он не учитывает влияние внутренних факторов в т.ч. — влияние институтов на принятие решений — разные правила игры дают разные политические решения [Ward, Siverson, Cao 2007]. Далее, реализм страдает недостатком внимания к международным институтам и сообществам, членство в которых влияет на выбор в дилемме безопасности: принадлежность к общим институтам, сообществам и международным режимам

¹ Речь идет, в том числе, о сборе эмпирических количественных данных для длительных временных рядов. Изначально, база данных “Атласа...” была актуальна лишь для периода 2005 г. Затем она была расширена до статьи 1989-2006 гг. Для нужд данной статьи был расширен и этот временной зазор

может снизить неопределенность, а значит – вероятность “худшего сценария” [Russet, Oneal 2001]. Реалисты рассматривают международные отношения в категориях анархии, где каждое государство играет само за себя. К числу слабых сторон их позиции можно отнести игнорирование экономической взаимозависимости, того, что страны, связанные торгово-экономическими узами, могут вести себя более сдержанно в выборе конфронтационного сценария [Min Kim, Rousseau 2005; Oneal, Russet 1999; Gartzke 2007]. Наконец, еще одна их слабая сторона состоит в недостатке внимания к субъективному восприятию странами изменений потенциалов других государств [Wendt 1992]. Очевидно, например, что США по-разному будут реагировать на изменение потенциалов Канады и Китая. Реалисты обходят стороной и цивилизационный фактор, анализ которого был особенно моден после публикации известной работы С.Хантингтона [Huntington 1993].

Учитывая эти слабости, мы все-таки сделаем акцент на использовании реалистических “линз”. Несмотря на то, что реализм игнорирует многие новые явления международной политики, он, тем не менее, акцентирует весьма существенный их срез, а именно – конкуренцию национальных интересов, подкрепленных потенциалами мощи. Симптоматично, что, выступая объектом критики, реалистическая проблематика, так или иначе, остается в поле зрения своих конкурентов. Экономическая взаимозависимость, принадлежность к общим международным институтам, сходство идентичности и другие факторы могут *смягчить* дилемму безопасности для ряда государств, не снимая ее наличие в международной политике как таковой². Скажем, Франция и Германия, будучи соединенными многими институциональными и экономическими узами, не испытывают остроты дилеммы безопасности во взаимных отношениях. Но подобные узы связывают далеко не все страны и державы, а значит, факторы потенциала мощи все еще сохраняют свою актуальность³.

РАБОЧАЯ ГИПОТЕЗА

Выбор теоретической платформы определяет исследовательскую гипотезу. Она состоит в том, что открытая конфронтация между государствами определяется сочетанием их взаимозависимости и неопределенности во взаимных отношениях. Речь, конечно, идет не о торгово-экономической взаимозависимости, которую ставят

² С этим соображением хорошо соотносится тезис Т.А.Алексеевой о том, что “В американской и евро-союзской политико-дипломатической элите немало тех, кто ратует за возврат к ‘реализму’. Распространение демократии, по их мнению, должно занять место ‘за спиной’ таких целей, как обеспечение доступа к энергетическим ресурсам, создание военных союзов, борьба с терроризмом и поддержка стабильности” [Алексеева 2008].

³ Привлекательность реализма определяется еще одной причиной. Его нормативная матрица содержит в себе существенную нелинейную составляющую (в последнее время модно говорить о нелинейности политических процессов, что почти не сопровождается глубокой теоретической рефлексией этого понятия, его соотношением с существующими политико-философскими традициями). В отличие от своих интеллектуальных соперников либералов, которые в самом общем виде рассматривают международную динамику как линейное движение “к вечному миру”, реалисты делают упор на ограниченности разума в понимании международных процессов. А значит, их анализ, да и сама внешняя политика, не могут рассматриваться как рационально организованный механизм.

во главу угла представители либеральной теории. Мы говорим о взаимозависимости в терминах реагирования стран на взаимное изменение параметров мощи. Изменение потенциала одних держав и их коалиций потенциально провоцирует реакцию других. Если такие реакции приобретают “цепной” характер и характеризуются резкими, интенсивными изменениями потенциалов, вероятность конфронтации существенно возрастает. Иными словами, явным симптомом возможной эволюции конкуренции в конфронтацию является *одновременное и интенсивное* наращивание силы великими державами.

На первый взгляд, подобная гипотеза не является чем-то новым для науки международных отношений. Ограниченным может показаться и ее объяснительный потенциал. Ведь история знает множество примеров, когда государства наращивали свою мощь, что не приводило к конфронтации. Гипотеза требует неких принципиальных уточнений. Эти уточнение мы попробуем найти в категориях нелинейных моделей политических процессов, а именно – базовой модели процесса Ферхюльста.

МЕТОД

В последнее время в гуманитарных науках все более модным становится понятие нелинейности. Под нелинейностью в самом общем виде понимается, во-первых, зависимость процесса от свойств, которые он демонстрировал на прошлых стадиях или циклах (то, что происходит сегодня, зависит от того, что было вчера). Во-вторых, наличие более чем одного положения равновесия. Наконец, чувствительная зависимость от начальных условий – результат непропорционален усилиям (малые импульсы в определенных обстоятельствах могут приводить к “большим” последствиям) [об этом см. Питерс 2000: 23–25]. Несмотря на рост интереса к нелинейной проблематике, данный подход все еще остается в стадии разработки⁴. Попытка адаптации одной из нелинейных моделей к международной тематике является, наряду с решением поставленной исследовательской проблемы, целью данной статьи.

Речь идет об использовании базовой модели в виде процесса Ферхюльста. Ю.А.Полунин, в одной из работ, выражает ее следующим образом [Полунин 2007: 221–222]:

$$X_{n+1} = X_n + A X_n (K - X_n),$$

где X_{n+1} представляет собой значение процесса на определенном цикле (скажем, военные расходы интересующего нас государства в 2005 г.).

X_n – значение процесса на предыдущем цикле (если циклом для нас является год, то речь пойдет о военных расходах 2004 г.).

A – интенсивность процесса (в нашем случае – темп изменения военных расходов).

K – коэффициент ограничений или ресурсной ниши (военные расходы, которые, условно говоря, может позволить себе государство в настоящее время, исходя из значений процесса в ходе трех последних циклов).

⁴ Среди зарубежных работ примечательны, в частности, следующие публикации: [Brown 1995; Brunk 2000]. Из российских выделим: [Малинецкий, Курдюмов 2001; ...]

Для расчетов коэффициентов “А” и “К” требуются значения как минимум для трех циклов (скажем, 2003, 2004, 2005 гг.). Умножение “А” на “К” дает нормированный коэффициент интенсивности “а”.

Нормированный коэффициент “а”, в свою очередь, определяет тип процесса, или так наз. аттрактор процесса⁵: процессы Ферхюльста⁶ развиваются по сценарию Фейгенбаума⁷. Выделяются три типа аттрактора — точечный, циклический и странный. Я дам лишь самые необходимые уточнения этим понятиям и указанным коэффициентам. Более подробно их можно рассмотреть в соответствующей литературе [см. напр. Пайтген, Рихтер 1993: 39-42; Питерс 2000: 147-156; применительно к политическим процессам: Громов, Гурова, Полунин 2006].

Точечный аттрактор представляет собой процесс слабой интенсивности. Его динамика отличается отсутствием колебаний. Это означает, что процесс изменяется плавно, хотя он не является линейным и может быть представлен в виде логистической s-образной кривой. В нашем случае, точечному аттрактору соответствуют значения нормированного коэффициента “а” в промежутке от 0 до 1. Если интенсивность процесса увеличивается, меняется и качество процесса — в нем появляются колебания. Значение нормированного коэффициента “а” от 1 до 2 соответствует точечному аттрактору с затухающими колебаниями.

Дальнейшее увеличение интенсивности приводит к новому изменению качества процесса — появляется иной тип аттрактора — циклический. Он характеризуется устойчивыми колебаниями в определенной области. Ему соответствует значение нормированного коэффициента “а” от 2 до 2,57.

12 Если интенсивность процесса будет еще большей, мы получим другой тип аттрактора — странный. Он описывается в терминах так наз. динамического хаоса — ему свойственна значительная волатильность, а последующие значения никогда не повторяют предыдущих. Значение характеризующего его нормированного коэффициента “а” — от 2,57 и выше.

Итак, ключевыми понятием (равно как и показателем) этой модели являются понятие усилий изменений процесса или интенсивности процесса. В рамках нашей теоретической платформы эти понятия могут быть интерпретированы следующим образом.

Усилия изменения процесса — это не что иное, как политические действия национального правительства, направленные на максимизацию или же оптимизацию государственной мощи (измеряемой теми или иными показателями).

⁵ Понятие аттрактора, конечно, более глубоко. Оно используется в теориях динамических систем и в самом общем виде означает траекторию в пространстве состояний системы, к которой притягиваются все остальные траектории. В категориях гуманитарных наук аттрактор — доминирующая траектория состояний социальной системы, парадигма развития и т.п. [см. напр. Калица, Курдюмов, Малинецкий 1997].

⁶ Ферхюльст Пьер Франсуа (1804-1849) — бельгийский математик, разработавший оригинальный подход к анализу процессов изменений популяций различного типа. Понятие ограничений роста является принципиальным для данного подхода. Модель процесса Ферхюльста находит

Напомним, что параметр усилий непосредственно определяет характер динамики государства как системы. Чем больше усилия по наращиванию мощи, тем более неустойчивым, колебательным, а возможно и хаотичным будет процесс.

Важное значение имеют также ограничения процесса — это те границы мощи, которые присущи государству на определенном временном отрезке. Иными словами, в существующих условиях государство имеет определенные ограничения в наращивании своих потенциалов — оно вынуждено функционировать в определенной ресурсной нише (ресурсы ограничены). Существенной оговоркой здесь является то, что границы ниши в рассматриваемой нами модели являются “мягкими” — государство может выходить за пределы ресурсных ограничений, как бы “прыгать выше головы”. Могут внедряться новые технологии, меняться политический порядок, проводиться мобилизация и т.п. В этом случае мы можем наблюдать изменение процесса с выходом за пределы ниши. В рамках этой работы локализация процесса в пределах ниши или выход за пределы ограничений оцениваются так наз. нормированным значением процесса “ ω ” — показателем (скажем, военные расходы в 2005 г.), деленным на значение емкости ниши (ограничений процесса). Нормированное значение процесса до 1 означает, что процесс развивается в пределах ресурсной ниши, выше 1 — процесс развивается за пределами ограничений.

Здесь важно еще одно уточнение. Выше мы дали характеристики типов аттракторов в зависимости от значения нормированного коэффициента “а”. При этом рассматриваемое значения “а” всегда было больше 0. В ряде случаев, мы будем сталкиваться и с отрицательным значением “а”. Здесь мы встретим еще два типа процессов. Отрицательное значение “а” при нормированном значении процесса меньше 1 демонстрирует s-образное снижение показателя. Чем выше “а”, тем более резко идет процесс снижения. Отрицательное значение “а” при нормированном значении процесса больше 1, наоборот, показывает так наз. рост без ограничений — процесс выходит за пределы ниши. При этом его интенсивность определяется не только значением “а”, но и нормированным значением процесса — интенсивность тем больше, чем больше нормированное значение превышает единицу, т.е. чем дальше процесс вышел за пределы ниши. Данный тип динамики лежит вне сценария Фейгенбаума.

Этот последний тип процесса является *чрезвычайно важным для нас*. Он говорит о том, что государство, наращивая свой потенциал, стремится “прыгнуть выше головы”. Это важный признак максимизации мощи.

Уточнение гипотезы

Исходя из обозначенных составляющих модели, мы можем скорректировать нашу гипотезу следующим образом. Конфронтации или выбору государствами “худшего сценария” предшествует далеко не всякое наращивание мощи. Оно должно носить весьма специфический характер.

Если такое наращивание имеет место в пределах имеющихся ресурсных ограничений (или емкости ниши), то оно, скорее всего, может не расцениваться другими в качестве угрозы. Напротив, в качестве угрозы может расцениваться такое

циклах они расширяют пределы ограничений своей мощи, получая преимущество над соседями и заставляя их действовать аналогичным образом.

Восприятие угрозы может быть еще более острым в том случае, если “прыжок выше головы”, который совершила страна-конкурент, является процессом высокой интенсивности, иными словами, если страна не просто вышла за пределы ограничений, но сделала это весьма резко. В нашем дальнейшем анализе особое внимание будут привлекать те шиклы, в которых показатели мощи той или иной страны интенсивно растут без ограничений, либо наращиваются хаотично — в терминах странного аттрактора.

ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ, СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ И ВРЕМЕННЫЕ РЯДЫ

Для верификации этой гипотезы понятие мощи будет операционализировано в виде расходов на оборону изучаемых государств. Конечно, этот показатель является далеко не единственным индикатором мощи — вопрос об операционализации и “формуле влияния” до сих пор является предметом дискуссий. Помимо указанного показателя, оно может включать в себя численность войск, наличие современных вооружений, экономические показатели (ВВП, экспорт, импорт, выплавка стали, производство электроэнергии и др.), показатели “гуманитарной” мощи (такие как численность и качество населения), различные составляющие “мягкой” мощи и т.п.⁸

Аргументы в пользу показателя ежегодных расходов страны на оборону состоят в следующем. Этот показатель отражает как количественную, так и качественную сторону (в отличие, например, от численности войск). Он в значительно большей степени является результатом текущих политических решений, а не объективных обстоятельств (по сравнению, скажем, с численностью населения). Как правило, он хорошо коррелирован с другими показателями мощи — ВВП, объемом промышленного производства, инвестициями в НИОКР и т.п. Опыт многомерного статистического анализа в рамках проекта “Политический атлас современности” подтверждает это предположение. В индексе потенциала международного влияния “Атласа” именно военные расходы имеют наибольший вес. Конечно, это не значит, что данный показатель является универсальным и в полной мере отражает мощь рассматриваемых стран. Однако для первого подхода к тестированию гипотезы и модели он представляется вполне достаточным.

В качестве временных отрезков мы рассмотрим следующие периоды. Во-первых, период с 1900 по 1914 гг. — т.е. канун Первой мировой войны. Во-вторых, период с 1928 по 1941 гг. — время подготовки и начала Второй мировой войны. В-третьих, период “холодной войны” — с 1946 по 1988 гг. Наконец, период с 1989 по 2007 гг. — отрезок с момента начала распада “биполярного мира” и по настоящее время (с учетом двухлетнего отставания статистических данных).

Источником данных для первых трех отрезков является база данных проекта “Индикаторы войны” (*Correlates of War*) — военные расходы являются компонентом Композитного индекса национальной мощи (*Composite Indicator of*

National Capabilities — CINC). Источником для последнего отрезка являются данные СИПРИ⁹.

В качестве страновых случаев выбраны Германия, Австро-Венгрия, Россия, Франция, Великобритания, США (в канун Первой мировой войны), Германия, Япония, СССР, США, Великобритания (в канун Второй мировой войны), СССР и США (в период “холодной войны”), США, Россия, Китай, Индия, Франция, Великобритания, Германия и Япония (в настоящее время)¹⁰.

ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1900-1914 гг.)

В канун Первой мировой войны большая часть великих держав наращивает свои военные расходы с выходом за пределы ограничений. Можно выделить “государство-хищника” (им является Германия), которое бросает вызов своим потенциальным конкурентам. Последние, в свою очередь, реагируют сходным образом, хотя их действия являются скорее реактивными (ситуативными).

Первый скачок военных расходов Германии с выходом за пределы ограничений мы можем наблюдать в 1905 г. (см. табл. 1). Причем наблюдаемый рост носит интенсивный характер. Нормированный коэффициент “а” равен $-22,774$ при нормированном значении процесса $1,093$. В следующем цикле процесс переходит в точечный аттрактор — страна осваивает открывшуюся нишу. Но уже в 1907 и 1908 гг. мы снова наблюдаем рост с выходом за пределы ресурсных ограничений. Тот факт, что его интенсивность меньше по сравнению с 1905 г., не должен вводить в заблуждение. Темпы прироста военных расходов с 1907 по 1908 гг. в реальных цифрах выше темпов прироста с 1904 по 1905 гг. Тем не менее, более высокую интенсивность процесса мы наблюдаем именно с 1904 по 1905 гг. В этот период система перешла в новое качество — высокие темпы роста военных расходов являются для нее своеобразным шоком, тогда как в последующий период (1907-1908 гг.) быстрый рост расходов является для нее уже нормальным состоянием. В 1910 г. мы снова наблюдаем выход за пределы ограничений — Германия наращивает свои военные расходы, расширяя на следующем цикле (1911 г.) свою ресурсную нишу.

Еще более примечательны предвоенные 1912 и 1913 гг. В 1912 г. происходит очередной “прыжок выше головы”, хотя интенсивность процесса достаточно невелика (“а” = $-0,782$ при “ ω ” = $1,086$). А вот в 1913 г. Германия не только демонстрирует рост без ограничений, но осуществляет его в чрезвычайно резком, интенсивном режиме (“а” = $-9,35$). Учитывая то, что нормированное значение процесса составляет $1,440$, этот скачек значительно более резкий по сравнению со скачком 1905 г. Стремительность роста военных расходов видна невооруженным глазом

⁹ Именно на этой основе заполнялась база данных “Политического атласа” по указанной переменной. Данные СИПРИ выбраны в силу наличия более полной статистики для 2000-х годов. Следует отметить, что оценки СИПРИ [СИПРИ б.г.а] и данные *Correlates of War* [*Correlates of War* б.г.б] отличаются друг от друга. Однако их совместное использование представляется вполне допустимым. Во-первых, нас интересуют прежде всего не сами показатели (объемы расходов), а характер динамики (т.е. то, как они изменяются). Во-вторых, все четыре отрезка могут рассматриваться независимо друг от друга. В-третьих, параметры используемой нами модели рассчитываются на основе анализа процесса в трех циклах по принципу “скользящего окна” — коэффициенты модели в каждом конкретном цикле определяются только соответствующими значениями двух предыдущих циклов.

¹⁰ В настоящее время к ним добавляются, в частности, Франция, Турция и другие

на рис. 1 и в табл. 1. Запредельный рост военных расходов в 1914 г. (“а” = -48,7 при “ ω ” = 28,143) связан с началом войны и не нуждается в комментариях.

Континентальные соперники Германии также наращивают свои военные расходы, однако их усилия в целом выглядят менее интенсивными. Кроме того, их расходы растут без ограничений, либо в хаотичном режиме, на меньшем числе циклов. Если в случае Германии можно отметить шесть таких циклов (1905, 1907, 1908, 1910, 1912 и 1913 гг.), то в случае Франции — четыре цикла (1905, 1906, 1909, 1911 гг.). Франция демонстрирует хаотичный рост расходов на оборону в 1905 г. — качественное изменение тенденции происходит синхронно с Германией (см. табл. 2) — “а” = 6,080. Однако впоследствии рост военных расходов ни разу не переходит в процесс с высокой интенсивностью. В 1906, 1909 и 1911 гг. мы наблюдаем рост с выходом за пределы ограничений. Франция пытается удерживать паритет в гонке вооружений. Вместе с тем, ее возможности в наращивании потенциалов явно не сопоставимы с германскими. В частности, непосредственно перед войной Франция не осуществляет интенсивного рывка в росте военных расходов по образцу Германии, а делает это лишь в 1914 г. уже в условиях военного времени (“а” = -200,22 при “ ω ” = 20,134).

Опыт России также интересен (табл. 3). Рост с выходами за пределы ограничений в 1902 и 1903 гг. и крайне интенсивные изменения военных расходов в 1905 г. (“а” = -56,31 при “ ω ” = 3,522) связаны с подготовкой и участием в русско-японской войне. В 1906 г. мы наблюдаем хаотичное снижение военных расходов (“а” = 3,57). Процесс снижения продолжается до 1908 г. Лишь в 1909 г. расходы снова начинают расти, а в 1910 г. они растут уже с выходом за пределы ниши, т.е. начинают демонстрировать ту же логику, что и процессы в Германии и Франции. В 1912 г. процесс становится еще более выраженным — военные расходы России вновь растут без ограничений, при этом рост носит более резкий, интенсивный характер в сравнении с 1910 г. (“а” = -3,028 при “ ω ” = 1,198). Рост без ограничений происходит и в 1913 г., а в 1914 г. военные расходы резко растут с выходом за пределы ограничений уже в связи с началом войны (“а” = -54,758 при “ ω ” = 11,692).

Интересную динамику демонстрирует Австро-Венгрия (табл. 4). Рост военных расходов с выходом за пределы ограничений здесь начинается раньше Германии (в 1903 и 1904 гг.), хотя в отличие от последней он значительно менее интенсивен. Однако дальнейшая динамика показывает, что действия Австро-Венгрии носят скорее реактивный характер — изменения показателя с 1905 по 1907 гг. нестабильны. Резкий рост военных расходов с выходом за пределы ниши происходит в 1908 г. (“а” = -43,322 при “ ω ” = 1,101); за ним следует менее интенсивный скачок за пределы ограничений 1909 г. Но его следует связывать скорее с аннексией Боснии и Герцеговины, а не с подготовкой к “большой войне”. В 1910 и 1911 гг. военные расходы даже немного снижаются. А вот хаотичный рост 1912 г. (“а” = 6,438) и рост без ограничений 1913 г. (“а” = -0,367 при “ ω ” = 2,754) уже вполне вписывается в логику предвоенного поведения остальных держав. Резкий рост расходов в 1914 г. не требует объяснений.

Примечательно предвоенное поведение морских держав. Процесс изменения

связывается странным аттрактором (“а” = 4,355). Далее военные расходы растут, но ни разу вплоть до 1913 г. они не выходят за рамки ограничений: на всех циклах процесс имеет слабую интенсивность. Однако к 1913 г. Англия практически достигает пределов ниши (нормированное значение процесса очень близко к 1), что говорит об исчерпанности ресурсной базы и необходимости расширять ее пределы. Начало войны снимает этот вопрос с повестки дня — перестройка на военные рельсы становится объективной необходимостью.

Иной характер динамики показывают США (табл. 6). В 1907 г. они совершают рывок в наращивании своих военных расходов, который носит резкий, хаотичный характер (“а” = 11,423), хотя в последующие годы после рывка следует некоторое снижение. В 1911 г. происходит новый хаотичный рывок, а в 1912 и 1913 гг. американские военные расходы растут без ограничений в режиме, сходном с процессами континентальных держав. В 1914 г. США демонстрируют резкий рост расходов (“а” = -45,573 при “ ω ” = 4,298). Хотя сами вступают в войну лишь в 1917 г.

Прецедент Первой мировой войны, таким образом, подтверждает выдвинутую гипотезу. Выбору великих держав в дилемме безопасности в пользу “худшего сценария” предшествовало интенсивное наращивание военных потенциалов с выходами за пределы ограничений. Этот процесс был присущ практически всем державам, принявшим участие в войне, особенно за два-три года до ее начала.

ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1928-1939-1941 гг.)

В случае Второй мировой войны наблюдаются сходные закономерности (см. рис. 2). “Государство-хищник” делает резкий рывок в наращивании вооружений с выходом за пределы ограничений. Уже в следующем цикле практически все великие державы предпринимают сходные шаги. Период 1933-1934 гг. является рубежным — именно на этом этапе меняется логика трат на военные нужды — их темпы резко возрастают. После 1934 г. подобная ситуация становится нормальным режимом функционирования государств. Рассмотрим конкретные примеры.

В 1933 г. военные расходы Германии (табл. 7) увеличиваются в три раза по сравнению с предшествующим периодом. Процесс носит крайне интенсивный характер (“а” = -108,71 при “ ω ” = 3,08). Расходы растут с выходом за пределы ограничений — процесс качественно меняется. В следующем 1934 г. расходы снова существенно возрастают. Этот рост описывается странным аттрактором (“а” = 2,743). В последующие годы (1935-1938 гг.) мы наблюдаем динамичный рост военных расходов, в том числе, с выходом за пределы ограничений. В 1935 г. они изменяются весьма интенсивно — нормированное значение “а” составило -0,662 при нормированном значении процесса 6,604. В 1938 г. процесс роста без ограничений еще более интенсивен — (“а” = -1,599 при “ ω ” = 4,002). Самым интересным является то, что начало войны в 1939 г. вообще не описывается коэффициентами как экстраординарное событие (в отличие от 1914 г.). Нет ни хаоса, ни выхода с пределы ограничений — страна давно подготовилась к войне и, судя по показателям, живет в режиме военного времени еще до ее начала.

Советский Союз демонстрирует свою специфику (табл. 8). В 1934 г. его расходы интенсивно растут с выходом за пределы ограничений — процесс поменял

рактор (“а” = 2,385). Тем не менее, на следующих циклах расходы снова растут. В 1937 г. — в логике точечного аттрактора, в 1938 г. — с выходом за пределы ограничений, с достаточно высокой интенсивностью (“а” = -2,12 при “ ω ” = 2,003). Траты на вооруженные силы продолжают расти в 1939 и 1940 гг., хотя темпы их прироста замедляются. Видимо, СССР испытывает инфраструктурные ограничения. Показательно, что в 1940 г. процесс можно описывать как “кризис роста” — он очень близок к границам ниши (“ ω ” = 0,994). Для сравнения — Германия не сталкивается с подобными проблемами. В 1941 г. мы закономерно наблюдаем процесс высокой интенсивности — расходы резко растут в связи с началом войны. Однако по сравнению с 1914 г. шок от начала войны в терминах изменения военных расходов значительно меньший (ср. “а” = -3,440 при “ ω ” = 1,159 в 1941 г. и “а” = -54,75 при “ ω ” = 11,692 в 1914 г.). Иными словами, советские расходы на оборону к началу Великой Отечественной в гораздо большей степени близки режиму военного времени по сравнению с кануном Первой мировой войны.

Динамика Великобритании в чем-то сходна с предыдущими случаями (табл. 9). В 1934 г. наблюдается интенсивный рост с выходом за пределы ограничений. Нормированный коэффициент “а” составляет -29,567 при “ ω ” = 1,654. Также как и в случае Германии и Советского Союза, страна радикально меняет характер своих военных расходов. Вплоть до 1938 г. мы наблюдаем динамичный рост, в том числе — рост без ограничений. Он характеризуется невысокой интенсивностью, но это свидетельствует лишь о том, что быстрое увеличение военных расходов стало нормальным состоянием для системы. В 1939 г. мы наблюдаем резкий рост без ограничений в связи с началом войны, хотя его интенсивность опять же гораздо менее существенна по сравнению с 1914 г. (“а” = -5,021 при “ ω ” = 6,966 в 1939 г. и “а” = 7249,48, странный аттрактор, в 1914 г.).

Интересная, хотя и не уникальная в сравнении с другими державами, динамика наблюдается в случае двух соперников в АТР — Японии и США (табл. 10, 11). Американские расходы резко увеличиваются в 1934 г. (“а” = 4,565). Интенсивный рост без ограничений происходит в 1936 г. (“а” = -37,082 при “ ω ” = 1,161). В 1937 и 1938 г. США заполняют открывшуюся нишу военных расходов. В 1939 г. они несколько сокращаются, демонстрируя циклический аттрактор, но в 1940 г. — снова хаотично растут. В год начала войны мы также видим рост без ограничений с высокой интенсивностью “а” = -2,366 при “ ω ” = 8,307.

Японская динамика несколько отличается от американской. В 1934 г. мы наблюдаем рост военных расходов с выходом за пределы ниши, но изменения не носят чрезвычайно интенсивного характера, как в случае описанных выше стран. Хаос мы наблюдаем в 1937 г. (“а” = 46,54) — видимо, Япония резко наращивает свои расходы в ответ на американские усилия 1936 г. Дальнейшая динамика отличается высокой интенсивностью. Япония испытывает серьезные ограничения роста, что хорошо видно в табл. 10. 1939 г. вообще показывает кризис роста японских расходов (нормированное значение процесса практически равно 1)¹¹. Из-за ограничений, с 1938 по 1941 гг. включительно, японские расходы растут с большим нормированным показателем усилий. На 1940 г. приходится цикл, для которого характерна наибольшая интенсивность. Несмотря на то, что в 1941 г. мы так-

же видим процесс высокой интенсивности, характер изменений процесса не сопоставим с 1940 г. (“а” = -213,655 при “ ω ” = 1,097 в 1940 г. и “а” = -4,867 при “ ω ” = 1,758 в 1941 г.). Еще до начала войны характер изменения расходов на оборону Японии, по сути, начинает соответствовать требованиям военного времени.

Таким образом, динамика военных расходов в канун Второй мировой войны также подтверждает нашу гипотезу. Взаимное интенсивное наращивание вооружений с выходом за пределы ограничений здесь просматривается еще более выпукло. Начало войны не является шоком для большинства держав — их военные расходы начинают приводиться в режим военного времени еще до начала военных действий.

СУПЕРДЕРЖАВЫ В ПЕРИОД “ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ” (1946-1988 гг.)

Динамика военных расходов супердержав в период “холодной войны” отличается от кануна Первой и Второй мировой войны. Прежде всего, в гонке вооружений участвовало всего два ключевых игрока, что, по всей видимости, делало их отношения более предсказуемыми. Еще более важным фактором стало появление ядерного оружия и возможности взаимного уничтожения — даже если бы в период “холодной войны” СССР и США вели себя по сценариям, предвещающим две мировые войны, фактор ядерного оружия существенно затруднял бы выбор в пользу “худшего сценария”. Однако особенностью этого этапа было и то, что динамика взаимных военных расходов отличалась от динамики, предшествовавшей двум мировым войнам.

Коренное отличие состоит в практически полном отсутствии прецедентов *взаимного* наращивания вооружений в хаотичном режиме или в режиме высокой интенсивности. Рис. 3 показывает, что военные расходы обеих держав постоянно росли. Однако на всем протяжении советско-американского противостояния наблюдался лишь один прецедент *одновременного* резкого скачка в наращивании вооружений. Он отмечается на цикле 1966 г. и, скорее всего, связан с войной во Вьетнаме.

СССР за весь период с 1946 по 1988 гг. практически ни разу не наращивал свои военные расходы в хаотичном режиме (табл. 12). Часто они росли с выходом за пределы ограничений. Но интенсивность роста была невысокой. Нет ни одного скачка, сходного с резкими изменениями кануна Первой и Второй мировой войны. Даже афганская кампания не привела к хаотичным или резким рывкам военных расходов. Исключением является 1966 г., когда значение нормированного коэффициента “а” составило 3,022.

В случае США подобные рывки наблюдаются на ряде циклов (табл. 13). Но они привязаны, главным образом, к локальным конфликтам, в которых участвовали американские войска. Так, например, резкий рост с выходом за пределы ограничений мы наблюдаем в 1951 г., в связи с войной в Корее (“а” = -15,46 при “ ω ” = 2,486), а уже в 1954 г. военные расходы хаотично снижаются — эти два отрезка показывают нам трансформации военных расходов во время и после войны. Резкий скачек с выходом за пределы ниши мы видим и в 1966 г. в связи с войной во Вьетнаме (“а” = -24,32 при “ ω ” = 1,320). В случае этих скачков важным явля-

по обновлению вооружений (планы Шлезингера). Принципиальный момент состоит в том, что СССР не реагировал на скачкообразный рост американских расходов динамикой сходной интенсивности. Более того, планы Шлезингера были серьезно нивелированы дипломатическими усилиями — переговорами между Советским Союзом и США в области разоружения и ограничения вооружений. Вплоть до конца “холодной войны” американские военные расходы ни разу не росли в хаотичном или чрезвычайно интенсивном режиме. Этот процесс не наблюдается даже на фоне военных программ Рейгана в начале 1980-х годов.

Период “холодной войны” демонстрирует парадоксальную ситуацию. Военные расходы двух супердержав постоянно растут. Но их наращивание практически не подвержено *взаимным резким скачкам*. Наряду с другими факторами (например, с наличием ядерных вооружений), это сказывается на выборе в дилемме безопасности не в пользу “худшего сценария”.

ВЕЛИКИЕ ДЕРЖАВЫ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ “ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ” (1989-2007 гг.)

Динамика военных расходов после окончания “холодной войны” приобрела иное качество. В многополярном мире¹² великие державы демонстрируют разные образцы изменения военных потенциалов. С одной стороны, некоторые страны воспроизводят образцы роста потенциалов. С другой — выделяется ряд стран, которые не вовлекаются в процесс интенсивного наращивания мощи.

Рассмотрим динамику военных расходов США и России — ключевых наследников “холодной войны”. После ее окончания наблюдался достаточно резкий спад военных расходов как в США, так и в России. Этот процесс продолжался вплоть до 1998 г.

В США он шел поступательно, без хаотичных и резких скачков (табл. 14). Исключение составляет 1992 г., когда военные расходы выросли по сравнению с предыдущим годом. Но затем их снижение продолжилось, причем этот процесс протекал без резких колебаний или шоков, которые могли бы описываться странным аттрактором. В 1999 г. динамика разворачивается в обратную сторону. А в 2000 г. мы наблюдаем изменение процесса с выходом за пределы ограничений (“ a ” = -14,701 при “ ω ” = 1,041). Военные расходы США начинают расти. Обращает на себя внимание то, что этот скачек происходит до 11 сентября 2001 г.

Последующая динамика вполне отражает реакцию США на теракты. Достаточно резкий по сравнению с 2000 г. скачок с выходом за пределы ограничений происходит уже в 2002 г. (“ a ” = -14,221 при “ ω ” = 1,113). Рост без ограничений продолжается и в 2003 г. Результатом становится значительное расширение ниши военных расходов, которая осваивается на протяжении трех последующих циклов (2004, 2005 и 2006 гг.). В 2007 г. мы наблюдаем новый интенсивный рост с выходом за пределы границ ниши (“ a ” = -4,353 при “ ω ” = 1,087). Иными словами, только за семь лет военные расходы США трижды интенсивно изменялись в сторону повышения с выходом за пределы ограничений.

¹² Следует отметить, что вопрос о многополярности сам по себе является предметом дискуссии. В частности, тезис о переходе к многополярному миру аргументируется в одной из работ Б.М. Переломова, А.П. Бондаренко и др.

Теперь обратимся к опыту России. Также как и в США окончание “холодной войны” было связано с сокращением военных расходов. Но в нашей стране этот процесс носил более интенсивный, иногда хаотичный характер (табл. 15). В 1992 г. военные расходы упали втрое по сравнению с 1991 г. (!). Как и в США, снижение продолжается до 1998 г., причем на этом цикле динамика показывает странный аттрактор. В 1999 г. происходит разворот тенденции, а в 2000 г. Россия демонстрирует уже резкий рост военных расходов (“ a ” = -11,35 при “ ω ” = 1,408). Напомним, этот процесс происходит синхронно со сходным процессом в США. На последующих циклах Россия показывает поступательный рост, а в 2005 и в 2007 гг. она выходит за рамки ресурсных ограничений и этот рост достаточно интенсивен (“ a ” = -1,261 при “ ω ” = 1,171 и “ a ” = -0,329 при “ ω ” = 1,598 соответственно).

Иную динамику демонстрирует Китай. После окончания “холодной войны” эта страна существенно увеличила свои расходы на оборону. К 2007 г. они превысили расходы многих великих держав. По оценкам СИПРИ в 2007 г. китайский военный бюджет лишь немного уступал британскому. США пока лидируют с большим отрывом. Их военные расходы превосходят китайские почти в 10 раз (рис. 4). Тем не менее, рывок Китая весьма примечателен (рис. 5). Рассмотрим характеристики этого процесса.

В отличие от России и США, которые в 1990-х годах снижали свои военные бюджеты, Китай последовательно увеличивал свои показатели (табл. 16). С 1989 по 1998 г. Китай трижды совершал скачки своих военных расходов с выходом за пределы ограничений. Это происходит на цикле 1992 г. (“ a ” = -4,35 при “ ω ” = 1,261), 1996 г. (“ a ” = -2,86 при “ ω ” = 1,148) и на цикле 1998 г. (“ a ” = -11,33 при “ ω ” = 1,164). Впоследствии темпы расходов сохраняют свой динамичный характер, который становится “нормальным” для системы — он уже не описывается моделью в качестве рывка, т.е. нормированный коэффициент “ a ” достаточно невысок. Дальнейший рост характеризуется тем, что Китай периодически расширяет имеющиеся ресурсные ниши, и последовательно осваивает их. На циклах 1999 и 2000 гг. мы видим рост, который сопровождается расширением ниши. Далее в 2001 и 2002 гг. — рост с выходом за пределы ограничений, за которым следует ее расширение. В 2006 — новый выход за пределы ниши, а в 2007 г. — ее освоение. Итак, принципиальное отличие Китая от США состоит в том, что он последовательно наращивал свои расходы, причем интенсивные скачки происходят до 1998 г. включительно, — т.е. в тот период, когда расходы США снижались. В 2000-х годах, когда США стали интенсивно наращивать свои расходы, Китай, напротив, демонстрировал невысокую интенсивность — динамичный рост показателя военных расходов превратился в “норму” для Китая.

Динамика военных расходов Индии после “холодной войны” отчасти сходна с китайской. После некоторого снижения вплоть до 1992 г., страна динамично наращивает свои расходы (табл. 17). До 1999 г. включительно, она четыре раза делает рывки, описываемые либо странным аттрактором, либо ростом без ограничений. В 1993 г. (a = 3,87), когда мы видим странный аттрактор; а также в 1995 г. (“ a ” = -5,72 при “ ω ” = 1,035), в 1997 г. (“ a ” = -4,67 при “ ω ” = 1,128) и в 1999 г. (“ a ” = -2,434 при “ ω ” = 1,240), когда наблюдается рост без ограничений. В 2001 г.

В последующие три года страна пытается преодолеть ресурсные ограничения — интенсивность процесса возрастает. В 2003 г. мы наблюдаем странный аттрактор, в 2004 г. — рост без ограничений, в 2005 г. — значительно более резкий рост без ограничений. Эти усилия увенчались успехом. В 2006 и 2007 гг. можно наблюдать существенное увеличение ресурсной ниши и ее освоение, что сопровождается ростом расходов на оборону.

Военные расходы Великобритании имеют свою специфику (табл. 18). До 1999 г. они в целом снижались. Исключением стал 1991 г., когда этот показатель превысил даже результаты 1989 г. Затем происходит резкое снижение. В 1992 г. процесс описывается странным аттрактором ($"a" = 3,259$). Далее он идет с разной степенью интенсивности. В 1997 г., например, она была весьма высока ($"a" = -7,588$ при $"\omega" = \text{меньше } 1$). Ситуация меняется в 2000 г., а в 2001 г. можно наблюдать рост с выходом за пределы ограничений, связанный, по всей видимости, с началом активной борьбы с международным терроризмом ($"a" = -2,918$ при $"\omega" = 1,028$). Последующие два цикла также показывают рост с выходом за пределы ограничений, причем интенсивность на этих циклах возрастает. В 2005 г. рост достигает своего предела. Судя по нормированному значению процесса, которое очень близко к единице, Великобритания испытывает “кризис роста” военных расходов. В 2006 г. показатель снижается. В 2007 — снова растет, однако “кризис роста” опять же вполне определенно выявляется нормированным значением процесса. Динамика военных расходов Великобритании, гипотетически, могла бы напоминать динамику ее союзника — США, однако ресурсная ниша Соединенного Королевства, по всей видимости, меньше, что не позволяет ему показывать динамику американского образца.

Во Франции процесс сокращения военных расходов после “холодной войны” затянулся дольше, чем в Великобритании (табл. 19). В целом он продолжался до 2001 г. включительно. Реакция Франции на международный терроризм и иные внешние угрозы оказалась значительно более сдержанной. Лишь в 2002 г. мы можем наблюдать изменение тенденции, которое описывается странным аттрактором ($"a" = 7,088$). В следующем 2003 г. французский показатель растет с выходом за пределы ограничений, но интенсивность роста невелика; в 2004 г. открывается значительная ресурсная ниша. Но в 2005 г. расходы вновь снижаются (точечный аттрактор с колебаниями: $"a" = 1,806$). В 2006 г. показатель увеличивается, хотя трудности роста налицо — значение нормированного процесса практически равно 1. Ответом на эти трудности становится выход за пределы ниши и рост без ограничений, хотя его интенсивность очень невысока ($"a" = -0,335$ при $"\omega" = 1,029$).

Еще более индифферентное отношение к борьбе с международным терроризмом демонстрируют военные расходы Германии (табл. 20). Они сокращаются вплоть до 1998 г. включительно. В 1999 г. происходит разворот, характеризуемый интенсивным ростом без ограничений ($"a" = -7,891$ при $"\omega" = 1,023$). Но уже в следующем году мы видим новое падение, которое продолжается до 2007 г.

Специфичен процесс изменения военных расходов Японии (табл. 21). В отличие от США и их западноевропейских союзников, японские расходы после окончания “холодной войны” растут. Хотя процессу и не свойственна высокая

“кризис роста”, наблюдающийся в течение трех последующих лет. В 2000 и 2001 гг. этот кризис разрешается новым ростом расходов с выходом за пределы ограничений, хотя его интенсивность невелика. Но в 2003 г. японские военные расходы вновь испытывают “кризис роста”. На этот раз за ним следует их снижение, начало которого в 2004 г. описывается странным аттрактором ($"a" = 4,826$). Эта тенденция продолжается до 2007 г. уже с меньшей интенсивностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Современные великие державы можно условно разделить на три группы. Первая группа представлена странами, которые до конца 1990-х годов снижали свои военные расходы, однако впоследствии приступили к их интенсивному наращиванию. Наиболее яркий представитель этой группы — США, чьи военные расходы интенсивно растут после 2000 г. С некоторыми оговорками к этой группе относится и Россия. Ей также присуще наращивание военных расходов, которое в ряду циклов характеризуется выходом за пределы ограничений. В русле американской внешней политики можно было бы рассматривать и расходы Великобритании — ключевого союзника США, но Соединенное Королевство сталкивается с ресурсными ограничениями. США и Россия в первом приближении таких проблем не испытывают.

Следующая группа представлена Китаем и Индией. Эти страны активно наращивали свои потенциалы в 1990-е годы, в то время как участники “холодной войны” сокращали их. Процесс характеризовался выходом за пределы ограничений в 1990-е годы. Обе страны продолжают увеличивать свои показатели, однако в Китае процесс идет более “ровно” (точечный аттрактор), а в Индии — с большей интенсивностью и в условиях серьезных ресурсных ограничений.

Наконец, третья группа представлена странами, которые в целом не стремятся к росту своих военных расходов или испытывают ресурсные ограничения. В Германии, Японии и Франции рост начала 2000-х годов сменился последующим сокращением. Во Франции сокращение вновь сменилось ростом, но его интенсивность невелика. В случае Великобритании видны существенные ограничения роста.

В свете исторического опыта, факт наличия этих трех групп должен внушать оптимизм. Прежде всего, мы не наблюдаем синхронного и резкого наращивания военных расходов с выходом за пределы ограничений всеми державами. Третья группа не склонна демонстрировать своей заинтересованности в гонке военных расходов, что превращает ее в важный элемент стабильности. Однако на будущую динамику может оказывать поведение второй группы, особенно если возможные интенсивные скачки военных расходов других держав будут расцениваться ими в качестве угрозы.

Поводом для умеренного оптимизма может служить и то, что интенсивный рост военных расходов в США и отчасти в России связан с локальными конфликтами, а не замыкается исключительно на взаимную конкуренцию. Именно на настоящем этапе усилия дипломатов должны быть направлены на обеспечение пред-

ДИСКУССИЯ

Теоретическая платформа, гипотеза, метод и анализ временных рядов, проведенный в статье, могут и должны быть объектом критики. В теоретическом плане необходимо более подробное обсуждение исходных допущений реалистической теории МО, их сильных и слабых сторон. Гипотеза требует дальнейших концептуальных уточнений, особенно применительно к таким понятиям как угроза, восприятие угрозы, мощь и т.п. Еще более пристальное внимание необходимо уделить дискуссии относительно методологии исследования и интерпретации страновой динамики, ответу на вопрос “почему мы наблюдаем именно такой тип процесса” в терминах качественной, а не количественной фактуры.

Наиболее же существенным представляется вопрос о временных рядах. В заключении статьи мы позволили выразить умеренный оптимизм относительно наблюдаемых процессов. Однако уже сейчас очевидно, что динамика 2008 и 2009 гг. может иметь качественно иной характер по сравнению с тем, что мы наблюдали до 2007 г. (мы вынуждены работать в условиях запаздывания статистики на 1–2 года). О таких качественных изменениях говорит доступная экономическая статистика — индексы промышленного производства, индексы фондовых рынков и др. Эти изменения могут коснуться и параметров мощи. Кризисные явления в мировой экономике существенно повышают неопределенность будущей динамики, обостряя связанные с ней риски, требуя их междисциплинарной экспертной рефлексии.

Алексеева Т.А. 1993. Дилеммы безопасности: американский вариант. — *Полис*, № 6.
Алексеева Т.А. 2008. Насилие и демократия в политике США. — *Международные процессы*, № 2 (17).

Бернштейн П. 2006. *Против богов. Укрощение риска*. М.: ЗАО “Олимп-Бизнес”.
Богатуров А.Д. 2006. Лидерство и децентрализация в международной системе. — *Международные процессы*, № 3 (12).

Бородкин Л. 2005. Методология анализа неустойчивых состояний в политико-исторических процессах. — *Международные процессы*, № 1(7), январь-апрель.

Громов А., Гурова Т. Полунин Ю. 2006. Механика хаоса. — *Эксперт*, № 38 (532), 16.10.
Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. 1997. *Синергетика и прогнозы будущего*. М.: Наука.

Коротаев А.В., Малков, А.С. Халтурина Д.А. 2007. *Законы истории. Математическое моделирование развития мир-системы*. М.: КомКнига.

Малинецкий Г.Г., Курдюмов С.П. 2001. Нелинейная динамика и проблемы прогноза. — *Вестник РАН*, т. 71, № 3.

Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Полунин Ю.А., Миронюк М.Г., Мелешкина Е.Ю., Тимофеев И.Н. 2007. *Политический атлас современности*. М.: РОССПЭН.

Пайтген Х.-О., Рихтер П.Х. 1993. *Красота фракталов. Образы комплексных динамических систем*. М.: Мир.

Питерс Э. 2000. *Хаос и порядок на рынках капитала. Новый аналитический взгляд на циклы, цены и изменчивость рынка*. М.: Мир.

Полунин Ю.А. 2007. Анализ политических и экономических процессов с использованием базовых нелинейных моделей. — *Математическое моделирование социальной и экономической динамики. Материалы международной конференции*. М.: РУДН.

Примаков Е.М. 1996. Международные отношения накануне XXI века: проблемы и перспективы. — *Международная жизнь*, № 10.

СИПРИ б.г.а http://www.sipri.org/contents/milan/milex/mex_database1.html

Хаас Р. 2008. Эпоха беспоплярного мира. — *Россия в глобальной политике*, № 4.
Anderton C. 1989. Arms Race Modeling: Problems and Prospects. — *Journal of Conflict Resolution*, vol. 33, № 2.

Booth, Ken; Wheeler, Nicholas. 2008. *The Security Dilemma: Fear, Cooperation and Trust in World Politics*. N.Y.: Palgrave MacMillan.

Brown C. 1995. *Serpents in the Sand. Essays on the Nonlinear Nature of Politics and Human Destiny*. An Arbor: The University of Michigan Press.

Brunk G. 2002. Why Do Societies Collapse? A Theory Based on Self-Organized Criticality. — *Journal of Theoretical Politics*, № 14 (2).

Caro J.Y. 2000. Les Schèmes de Perception de la Puissance. — *Les Champs de Mars. Deuxième Semestre*.

Colaresi M., Thompson W. 2005. Alliances, Arms Buildups and Recurrent Conflicts: Testing a Step-to-War model. — *The Journal of Politics*, vol. 67, № 2, May.

Colaresi M., Rasler K., Thompson W. 2007. *Strategic Rivalries in World Politics. Position, Space and Conflict Escalation*. Cambridge: Cambridge University Press.

Correlates of War. 6.г.6 <http://www.eugenesoftware.org/>

Font J. P. 2006. *Plaza i; Dandoy, Regis. Chaos Theory and its Application in Political Science*. IPSA-AISP Congress Working Papers, Fukuoka, 9–13 July.

Fordham B. 2004. A Very Sharp Sword: The Influence of Military Capabilities on American Decisions to Use Force. — *Journal of Conflict Resolution*, vol. 48, № 5, October.

Gartzke E. 2007. The Capitalist Peace. — *American Journal of Political Science*, vol. 51, № 1, January.

Goldsmith B. 2003. Bearing the Defense Burden, 1886–1989: Why Spend More? — *Journal of Conflict Resolution*, vol. 47, № 5, October.

Huntington S. 1993. The Clash of Civilizations? — *Foreign Affairs*, Summer.
Morgenthau H.J. 1946. *Scientific Man vs. Power Politics*. Chicago: University of Chicago Press.

Hwang K. 2008. New Thinking in Measuring National Power. — *WISC Second Global International Conference Working Papers*. Ljubljana: University of Ljubljana.

Kadera K., Sorokin G. 2004. Measuring National Power. — *International Interactions*, № 30.

Lichbach M. 1989. Stability in Richardson’s Arms Races and Cooperation in Prisoner’s Dilemma Arms Rivalries. — *American Journal of Political Science*, vol. 33, № 4, November.

McGinnis M. 1991. Richardson, Rationality, and Restrictive Model of Arms Races. — *Journal of Conflict Resolution*, vol. 35, № 3, September.

Min Kim H., Rousseau D. 2005. The Classical Liberals Were Half Right (Or Half Wrong): New Tests of the “Liberal Peace”, 1960–1988. — *Journal of Peace Research*, vol. 42, № 5.

Oneal J., Russett B. 1999. Assessing the Liberal Peace with Alternative Specifications: Trade Still Reduces Conflict. — *Journal of Peace Research*, vol. 36, № 4.

Organski A.F.K., Kugler J. 1980. *The War Ledger*. Chicago: The University of Chicago Press.

Russett B., Oneal J. 2001. *Triangulating Peace: Democracy, Interdependence, and International Organizations*. N.Y.: W.W. Norton.

Rychards D. (ed). 2003. *Political Complexity. Nonlinear Models of Politics*. Ann Arbor: The University of Michigan Press.

Simon M. 2004. Asymmetric Proliferation and Nuclear War: The Limited Usefulness of an Experimental Test. — *International Interactions*, vol. 30.

Ward M., Siverson R., Cao X. 2007. Disputes, Democracies, and Dependencies: A Reexamination of the Kantian Peace. — *American Journal of Political Science*, vol. 51, № 3, July.

Wendt A. 1992. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics. — *International Organization*, vol. 46, № 2, Spring.

Приложение

Военные расходы приведены в тысячах долларов США;
 значение "а" – нормированное усилие;
 значение "ω" – нормированное значение процесса.

Рисунок 1

Военные расходы великих держав накануне Первой мировой войны (1900-1913 гг.)

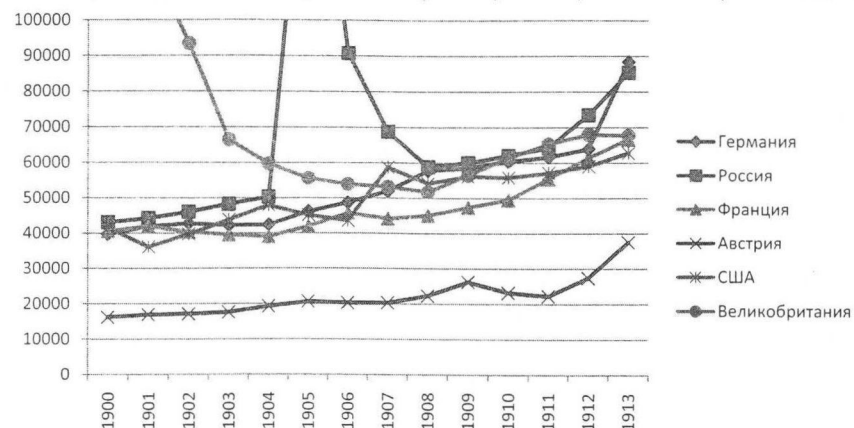

Рисунок 2

Военные расходы великих держав накануне Второй мировой войны (1929-1941 гг.)

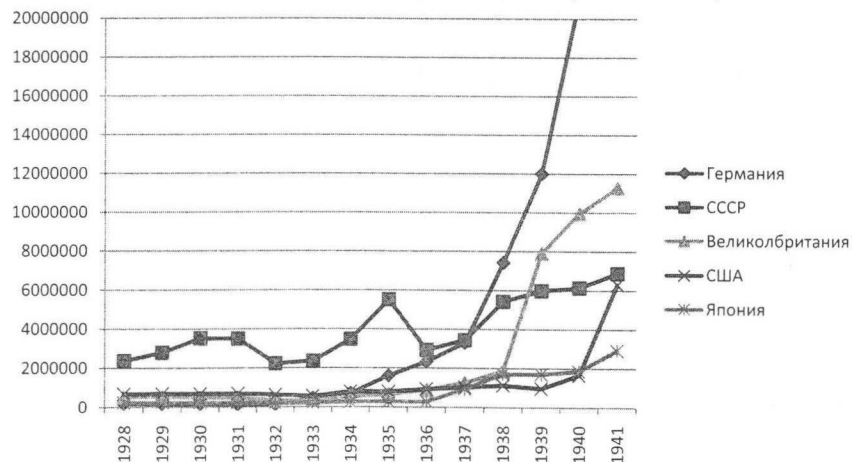

Рисунок 3

Военные расходы СССР и США в период "холодной войны" (1946-1988 гг.)

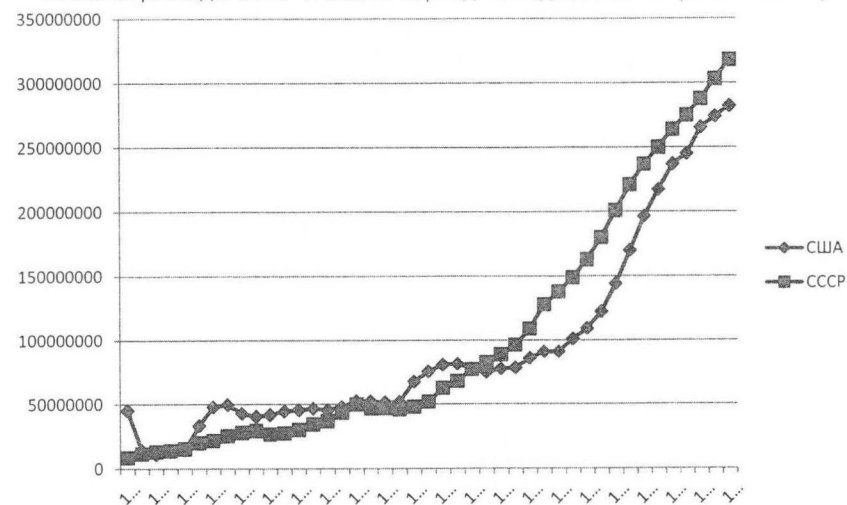

Рисунок 4

Военные расходы США и остальных великих держав (1992-2007 гг.)

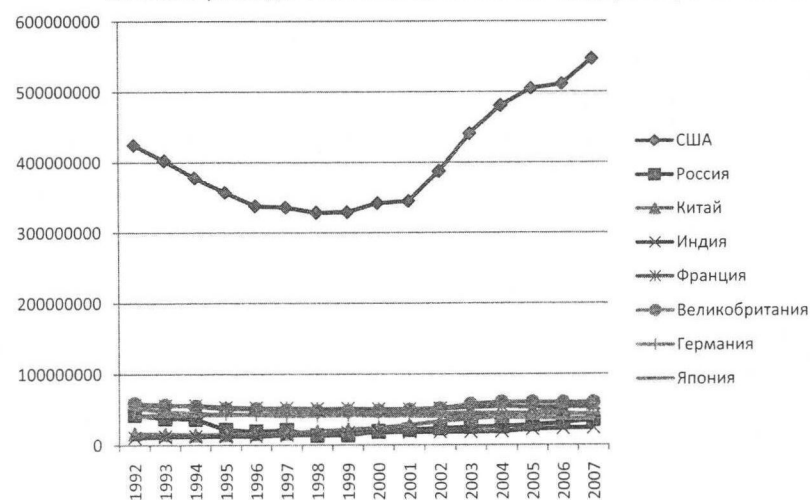

Рисунок 5

Таблица 1

Военные расходы Германии (1900-1914 гг.)

Расходы на оборону	Расчетная емкость ниши	"a"	"ω"	годы
39681				1900
42008				1901
42770	43050	0,749	0,993	1902
42263	42469	1,672	0,995	1903
42420	42384	1,302	1,001	1904
46167	42256	-22,774	1,093	1905
48721	52447	0,462	0,929	1906
51965	33622	-0,148	1,546	1907
57865	44121	-0,639	1,312	1908
58567	58571	1,007	1,000	1909
60416	57427	-1,590	1,052	1910
61652	63820	0,384	0,966	1911
63926	58877	-0,782	1,086	1912
88418	61410	-9,350	1,440	1913
1785000	63427	-48,700	28,143	1914

Таблица 2

Военные расходы Франции (1900-1914 гг.)

Расходы на оборону	Расчетная емкость ниши	"a"	"ω"	годы
40569				1900
41993				1901
40335	41239	2,160	0,978	1902
39552	38731	0,469	1,021	1903
38956	36836	0,204	1,058	1904
41947	39454	6,080	1,063	1905
45662	19470	-0,077	2,345	1906
44152	44652	1,462	0,989	1907
45054	44729	1,585	1,007	1908
47412	43574	-1,541	1,088	1909
49539	61564	0,195	0,805	1910
55441	46127	-1,611	1,202	1911
61367	106939	0,222	0,574	1912
66706	87292	0,293	0,764	1913
1235000	61340	-200,222	20,134	1914

Таблица 3

Военные расходы России (1900-1914 гг.)

Расходы на оборону	Расчетная емкость ниши	"a"	"ω"	годы
43104				1900
44270				1901
46085	40843	-0,489	1,128	1902
48301	33770	-0,132	1,430	1903
50305	62242	0,185	0,808	1904
170006	48265	-56,310	3,522	1905
90733	150393	3,575	0,603	1906
68797	5376	0,015	12,798	1907
58887	36461	0,162	1,615	1908
60029	60063	0,991	0,999	1909
62099	57419	-0,759	1,081	1910
64291	-27539	0,011	-2,335	1911
73512	61383	-3,028	1,198	1912
85391	-8509	0,017	-10,036	1913
857000	73296	-54,758	11,692	1914

Таблица 4

Военные расходы Австро-Венгрии (1900-1914 гг.)

Расходы на оборону	Расчетная емкость ниши	"a"	"ω"	годы
16242				1900
16948				1901
17147	17209	0,773	0,996	1902
17630	16806	-1,387	1,049	1903
19241	16932	-2,216	1,136	1904
20591	24569	0,324	0,838	1905
20252	20334	1,305	0,996	1906
20297	20292	1,119	1,000	1907
22296	20251	-43,322	1,101	1908
26217	17753	-0,687	1,477	1909
23208	24669	1,828	0,941	1910
22227	21454	0,517	1,036	1911
27376	23057	6,438	1,187	1912
37513	13623	-0,367	2,754	1913
1042000	27234	-70,944	38,261	1914

Таблица 5

Военные расходы Великобритании (1900-1914 гг.)

Расходы на оборону	Расчетная емкость ниши	"a"	"ω"	годы
119587				1900
116896				1901
93419	119927	-7,948	0,779	1902
66400	170241	-0,641	0,390	1903
59715	51973	0,363	1,149	1904
55604	45258	0,216	1,229	1905
53899	52302	0,486	1,031	1906
53207	52671	0,551	1,010	1907
51755	54514	-1,138	0,949	1908
56532	52876	4,355	1,069	1909
61417	126626	0,156	0,485	1910
65309	74852	0,353	0,873	1911
67957	72223	0,424	0,941	1912
67734	67759	1,121	1,000	1913
1678843	67957	7249,487	24,705	1914

Таблица 6

Военные расходы США (1900-1914 гг.)

Расходы на оборону	Расчетная емкость ниши	"a"	"ω"	годы
41481				1900
36087				1901
39722	38441	1,645	1,033	1902
43814	-124002	0,078	-0,353	1903
47918	84820	0,194	0,565	1904
45098	46334	1,722	0,973	1905
43602	41455	0,377	1,052	1906
58725	44967	11,423	1,306	1907
54189	55971	1,570	0,968	1908
56177	55650	1,398	1,009	1909
55880	55927	1,181	0,999	1910
57157	56121	5,317	1,018	1911
58992	52726	-0,382	1,119	1912
62825	55365	-0,992	1,135	1913
253205	58908	-45,573	4,298	1914

Таблица 7

Военные расходы Германии (1928-1941 гг.)				
Расходы на оборону	Расчетная емкость ниши	"а"	"ω"	годы
183045				1928
164457				1929
162783	162386	0,798	1,002	1930
146845	164651	-8,629	0,892	1931
149553	149371	1,090	1,001	1932
452198	146820	-108,717	3,080	1933
709088	570317	2,743	1,243	1934
1607587	243426	-0,662	6,604	1935
2332782	2104296	1,911	1,109	1936
3298869	10455782	0,533	0,316	1937
7415163	1852858	-1,599	4,002	1938
12000000	11458361	1,752	1,047	1939
21200000	-11692485	0,378	-1,813	1940
28900000	29482151	1,293	0,980	1941

Таблица 8

Военные расходы СССР (1928-1941 гг.)				
Расходы на оборону	Расчетная емкость ниши	"а"	"ω"	годы
2372196				1928
2798721				1929
3519631	1386258	-0,253	2,539	1930
3509380	3511571	1,269	0,999	1931
2228018	3519713	-124,367	0,633	1932
2363450	2410894	0,801	0,980	1933
3479651	2208012	-6,709	1,576	1934
5517537	-2285920	0,232	-2,414	1935
2933657	4612050	2,385	0,636	1936
3446172	3635686	0,905	0,948	1937
5429984	2710347	-2,120	2,003	1938
5984123	5857453	1,398	1,022	1939
6145214	6182671	0,838	0,994	1940
6884227	5937663	-3,440	1,159	1941

Таблица 9

Военные расходы Великобритании (1928-1941 гг.)				
годы	Расходы на оборону	Расчетная емкость ниши	"а"	"ω"
1928	542969			
1929	534694			
1930	512181	547663	-1,778	0,935
1931	489350	918212	-0,101	0,533
1932	326642	515716	-6,504	0,633
1933	333267	335996	0,729	0,992
1934	540015	326418	-29,567	1,654
1935	646350	636155	1,303	1,016
1936	892341	426016	-0,736	2,095
1937	1245603	-5473645	0,340	-0,228
1938	1863997	-498106	0,142	-3,742
1939	7895671	1133532	-5,021	6,966
1940	9948329	8422592	4,156	1,181
1941	11280839	12129877	0,745	0,930

Таблица 10

Военные расходы Японии (1928-1941 гг.)				
Расходы на оборону	Расчетная емкость ниши	"а"	"ω"	годы
240349				1928
228010				1929
218639	178480	0,148	1,225	1930
222176	221286	1,353	1,004	1931
199238	219118	7,398	0,909	1932
220162	210805	1,914	1,044	1933
277949	185282	-1,394	1,500	1934
295113	295727	1,027	0,998	1935
279785	287272	1,903	0,974	1936
942416	294784	46,547	3,197	1937
1699210	1282357	3,029	1,325	1938
1699970	1699632	1,802	1,000	1939
1863181	1699206	-213,655	1,097	1940
2929917	1667087	-4,867	1,758	1941

Таблица 11

Военные расходы США (1928-1941 гг.)				
Расходы на оборону	Расчетная емкость ниши	"а"	"ω"	годы
678100				1928
701300				1929
699200	699433	1,122	1,000	1930
698900	698849	0,854	1,000	1931
641600	699202	-190,082	0,918	1932
570400	860968	-0,436	0,663	1933
803100	626374	4,565	1,282	1934
806400	805468	1,398	1,001	1935
932600	803011	-37,082	1,161	1936
1032900	1209880	0,469	0,854	1937
1131499	1824810	0,220	0,620	1938
980000	1073938	2,498	0,913	1939
1657000	1106903	6,026	1,497	1940
6301000	758542	-2,366	8,307	1941

Таблица 12

Военные расходы СССР (1946-1988 гг.)				
Расходы на оборону	Расчетная емкость ниши	"а"	"ω"	годы
8764724				1946
11583011				1947
13157894	13647781	0,899	0,964	1948
13964622	14451311	0,685	0,966	1949
15510433	12156312	-0,744	1,276	1950
20126000	13049007	-1,578	1,542	1951
21900448	22069260	1,001	0,992	1952
25527632	18106135	-0,790	1,410	1953
28064976	30971572	0,565	0,906	1954
29542096	30920727	0,570	0,955	1955
26749408	28593255	2,849	0,936	1956
27624304	27467272	1,251	1,006	1957
30241936	26288251	-1,864	1,150	1958
34498608	22231570	-0,391	1,552	1959
36960032	38874448	0,634	0,951	1960
43662960	32902183	-1,470	1,327	1961
49976192	70023638	0,384	0,714	1962
47000000	48134502	1,556	0,976	1963
47000000	н.д.	н.д.	н.д.	1964
46000000	н.д.	н.д.	н.д.	1965
48000000	46671429	3,022	1,028	1966
52000000	43818182	-0,873	1,187	1967
62622000	45243719	-1,368	1,384	1968
68053000	70459258	0,780	0,966	1969
77200000	52744047	-0,463	1,464	1970
82700000	87516628	0,604	0,945	1971
88900000	-27956578	0,019	-3,180	1972
96410000	33809261	-0,052	2,852	1973
109000000	75141473	-0,461	1,451	1974
128000000	58807965	-0,204	2,177	1975
138000000	143432191	0,726	0,962	1976
149000000	-364857143	0,058	-0,408	1977
163000000	76467577	-0,099	2,132	1978
180000000	21717131	-0,016	8,288	1979
201000000	19694215	-0,014	10,206	1980
221000000	322739130	0,264	0,685	1981
237000000	274421927	0,372	0,864	1982
250000000	287019587	0,315	0,871	1983
264000000	-384323529	0,034	-0,687	1984
275000000	304697674	0,312	0,903	1985
287600000	153598540	-0,058	1,872	1986
303000000	200300412	-0,123	1,513	1987
317900000	476227362	0,135	0,668	1988

Таблица 13

Военные расходы США (1946-1988 гг.)				
Расходы на оборону	Расчетная емкость ниши	"а"	"ω"	годы
45133984				1946
14315999				1947
10960998	-1788737	-0,026	-6,128	1948
13503000	12629720	1,755	1,069	1949
14559000	14796337	0,895	0,984	1950
33398000	13435072	-15,468	2,486	1951
47852000	42865243	1,960	1,116	1952
49621008	49201984	1,347	1,009	1953
42786000	48226313	4,763	0,887	1954
40518000	38510261	0,477	1,052	1955
41773008	41354479	1,531	1,010	1956
44548000	39421640	-1,114	1,130	1957
45503008	45870209	0,744	0,992	1958
46614000	37673327	-0,117	1,237	1959
45380000	46036051	2,109	0,986	1960
47808000	46205538	2,995	1,035	1961
52381008	42297971	-0,734	1,238	1962
52295008	52303841	1,113	1,000	1963
51213008	52388420	-11,604	0,978	1964
51827008	51609962	1,559	1,004	1965
67572000	51187782	-24,328	1,320	1966
75448000	77373183	0,920	0,975	1967
80732000	87304620	0,516	0,925	1968
81446000	81495710	0,944	0,999	1969
77827008	80850522	6,033	0,963	1970
74862000	56069415	0,098	1,335	1971
77639000	76324739	1,936	1,017	1972
78385000	78609773	0,778	0,997	1973
85906000	77555980	-8,976	1,108	1974
90948000	97753921	0,484	0,930	1975
91013000	91010153	1,047	1,000	1976
100925000	90947571	-151,383	1,110	1977
109247000	131825143	0,352	0,829	1978
122279000	82294230	-0,364	1,486	1979
143981000	82531466	-0,369	1,745	1980
169888000	-1447204348	0,164	-0,117	1981
196345000	336594909	0,314	0,583	1982
217198000	253080538	0,474	0,858	1983
237052000	346025809	0,246	0,685	1984
245154000	248908631	0,718	0,985	1985
265480000	231369784	-1,392	1,147	1986
273966000	278232918	0,697	0,985	1987
281935000	359756920	0,122	0,784	1988

Таблица 7

Военные расходы Германии (1928-1941 гг.)				
Расходы на оборону	Расчетная емкость ниши	"а"	"ω"	годы
183045				1928
164457				1929
162783	162386	0,798	1,002	1930
146845	16465	-8,629	0,892	1931
149553	14937	1,090	1,001	1932
452198	146820	-108,717	3,080	1933
709088	570317	2,743	1,243	1934
1607587	243426	-0,662	6,604	1935
2332782	210429	1,911	1,109	1936
3298869	1045572	0,533	0,316	1937
7415163	185285	-1,599	4,002	1938
12000000	1145836	1,752	1,047	1939
21200000	-11692405	0,378	-1,813	1940
28900000	2948215	1,293	0,980	1941

Таблица 8

Военные расходы СССР (1928-1941 гг.)				
Расходы на оборону	Расчетная емкость ниши	"а"	"ω"	годы
2372196				1928
2798721				1929
3519631	1335258	-0,253	2,539	1930
3509380	3511571	1,269	0,999	1931
2228018	3519713	-124,367	0,633	1932
2363450	2410894	0,801	0,980	1933
3479651	2793012	-6,709	1,576	1934
5517537	2285920	0,232	-2,414	1935
2933657	1812050	2,385	0,636	1936
3446172	3835686	0,905	0,948	1937
5429984	2793347	-2,120	2,003	1938
5984123	5897453	1,398	1,022	1939
6145214	5892671	0,838	0,994	1940
6884227	5897663	-3,440	1,159	1941

Таблица 9

Военные расходы Великобритании (1928-1941 гг.)				
годы	Расходы на оборону	Расчетная емкость ниши	"а"	"ω"
1928	542969			
1929	54694			
1930	512181	547663	1,778	0,935
1931	469350	918212	0,101	0,533
1932	326642	515716	6,504	0,633
1933	333267	335996	9,729	0,992
1934	540015	326418	-29,567	1,654
1935	646350	636155	1,303	1,016
1936	852341	426016	-0,736	2,095
1937	1215603	-5473645	0,340	-0,228
1938	1813997	-498106	0,142	-3,742
1939	7815671	1133532	5,021	6,966
1940	9918329	8422592	1,156	1,181
1941	11280839	12129877	0,745	0,930

Таблица 10

Военные расходы Японии (1928-1941 гг.)				
Расходы на оборону	Расчетная емкость ниши	"а"	"ω"	годы
240349				1928
228010				1929
218639	17848	0,148	1,225	1930
222176	22128	1,353	1,004	1931
199238	21911	7,398	0,909	1932
220162	21080	1,914	1,044	1933
277949	18528	-1,394	1,500	1934
295113	29572	1,027	0,998	1935
279785	28727	1,903	0,974	1936
942416	29478	46,547	3,197	1937
1699210	128237	3,029	1,325	1938
1699970	169962	1,802	1,000	1939
1863181	169926	-213,655	1,097	1940
2929917	166707	-4,867	1,758	1941

Таблица 11

Военные расходы США (1928-1941 гг.)				
Расходы на оборону	Расчетная емкость ниши	"а"	"ω"	годы
678100				1928
701300				1929
699200	689433	1,122	1,000	1930
698900	688849	0,854	1,000	1931
641600	689202	-190,082	0,918	1932
570400	689968	-0,436	0,663	1933
803100	803374	4,565	1,282	1934
806400	804468	1,398	1,001	1935
932600	803011	-37,082	1,161	1936
1032900	103880	0,469	0,854	1937
1131499	1132810	0,220	0,620	1938
980000	99338	2,498	0,913	1939
1657000	165903	6,026	1,497	1940
6301000	759542	-2,366	8,307	1941

Таблица 12

Военные расходы СССР (1946-1988 гг.)				
Расходы на оборону	Расчетная емкость ниши	"а"	"ω"	годы
8764724				1946
11583011				1947
13157894	13647781	0,899	0,964	1948
13964622	14451311	0,685	0,966	1949
15510433	12156312	-0,744	1,276	1950
20126000	13049007	-1,578	1,542	1951
21900448	22069260	1,001	0,992	1952
25527632	18106135	-0,790	1,410	1953
28064976	30971572	0,565	0,906	1954
29542096	30920727	0,570	0,955	1955
26749408	28593255	2,849	0,936	1956
27624304	27467272	1,251	1,006	1957
30241936	26288251	-1,864	1,150	1958
34498608	22231570	-0,391	1,552	1959
36960032	38874448	0,634	0,951	1960
43662960	32902183	-1,470	1,327	1961
49976192	70023638	0,384	0,714	1962
47000000	48134502	1,556	0,976	1963
47000000	н.д.	н.д.	н.д.	1964
46000000	н.д.	н.д.	н.д.	1965
48000000	46671429	3,022	1,028	1966
52000000	43818182	-0,873	1,187	1967
62622000	45243719	-1,368	1,384	1968
68053000	70459258	0,780	0,966	1969
77200000	52744047	-0,463	1,464	1970
82700000	87516628	0,604	0,945	1971
88900000	-27956578	0,019	-3,180	1972
96410000	33809261	-0,052	2,852	1973
109000000	75141473	-0,461	1,451	1974
128000000	58807965	-0,204	2,177	1975
138000000	143432191	0,726	0,962	1976
149000000	-364857143	0,058	-0,408	1977
163000000	76467577	-0,099	2,132	1978
180000000	21717131	-0,016	8,288	1979
201000000	19694215	-0,014	10,206	1980
221000000	322739130	0,264	0,685	1981
237000000	274421927	0,372	0,864	1982
250000000	287019587	0,315	0,871	1983
264000000	-384323529	0,034	-0,687	1984
275000000	304697674	0,312	0,903	1985
287600000	153598540	-0,058	1,872	1986
303000000	200300412	-0,123	1,513	1987
317900000	476227362	0,135	0,668	1988

Таблица 13

Военные расходы США (1946-1988 гг.)				
Расходы на оборону	Расчетная емкость ниши	"а"	"ω"	годы
45133984				1946
14315999				1947
10960998	-1788737	-0,026	-6,128	1948
13503000	12629720	1,755	1,069	1949
14559000	14796337	0,895	0,984	1950
33398000	13435072	-15,468	2,486	1951
47852000	42865243	1,960	1,116	1952
49621008	49201984	1,347	1,009	1953
42786000	48226313	4,763	0,887	1954
40518000	38510261	0,477	1,052	1955
41773008	41354479	1,531	1,010	1956
44548000	39421640	-1,114	1,130	1957
45503008	45870209	0,744	0,992	1958
46614000	37673327	-0,117	1,237	1959
45380000	46036051	2,109	0,986	1960
47808000	46205538	2,995	1,035	1961
52381008	42297971	-0,734	1,238	1962
52295008	52303841	1,113	1,000	1963
51213008	52388420	-11,604	0,978	1964
51827008	51609962	1,559	1,004	1965
67572000	51187782	-24,328	1,320	1966
75448000	77373183	0,920	0,975	1967
80732000	87304620	0,516	0,925	1968
81446000	81495710	0,944	0,999	1969
77827008	80850522	6,033	0,963	1970
74862000	56069415	0,098	1,335	1971
77639000	76324739	1,936	1,017	1972
78385000	78609773	0,778	0,997	1973
85906000	77555980	-8,976	1,108	1974
90948000	97753921	0,484	0,930	1975
91013000	91010153	1,047	1,000	1976
100925000	90947571	-151,383	1,110	1977
109247000	131825143	0,352	0,829	1978
122279000	82294230	-0,364	1,486	1979
143981000	82531466	-0,369	1,745	1980
169888000	-1447204348	0,164	-0,117	1981
196345000	336594909	0,314	0,583	1982
217198000	253080538	0,474	0,858	1983
237052000	346025809	0,246	0,685	1984
245154000	248908631	0,718	0,985	1985
265480000	231369784	-1,392	1,147	1986
273966000	278232918	0,697	0,985	1987
281935000	359756920	0,122	0,784	1988

Таблица 14

Военные расходы США (1989-2007 гг.)				годы
Расходы на оборону	Расчетная емкость ниши	"а"	"ω"	
479060000				1989
457648000				1990
401949000	491487123	-1,768	0,818	1991
424705000	419632545	1,343	1,012	1992
402375000	413747609	1,985	0,973	1993
377867000	565636916	-0,211	0,668	1994
357382000	179449929	0,049	1,992	1995
337946000	682743216	-0,057	0,049	1996
336000000	335644382	0,840	1,001	1997
328611000	338636313	-2,825	0,970	1998
329421000	329356738	1,090	1,000	1999
342172000	328556910	-14,701	1,041	2000
344932000	34552628	0,830	0,998	2001
387303000	341976030	-14,221	1,133	2002
440813000	5234659	-0,002	84,215	2003
480451000	540556874	0,487	0,889	2004
504638000	530866686	0,530	0,951	2005
511187000	513036710	0,793	0,996	2006
546786000	503136052	-4,353	1,087	2007

Таблица 15

Военные расходы России (1989-2007 гг.)				годы
Расходы на оборону	Расчетная емкость ниши	"а"	"ω"	
203000000				1989
171000000				1990
133700000	286386828	-0,541	0,467	1991
425000000	6535081	-2,345	0,225	1992
376000000	3949777	0,149	1,570	1993
366000000	130761	0,654	1,013	1994
217000000	569895	-14,334	0,576	1995
192000000	319182	0,310	1,214	1996
213000000	417538	1,834	1,043	1997
136000000	587786	4,415	0,691	1998
140000000	179336	0,720	0,987	1999
191000000	564868	-11,356	1,408	2000
213000000	158204	1,048	0,993	2001
236000000	284983	0,178	0,435	2002
251000000	390864	0,519	0,933	2003
261000000	519573	0,437	0,945	2004
284920000	330978	-1,261	1,171	2005
311810000	204808	0,062	-0,575	2006
353690000	137185	-0,329	1,598	2007

Таблица 16

Военные расходы Китая (1989-2007 гг.)				годы
Расходы на оборону	Расчетная емкость ниши	"а"	"ω"	
123000000				1989
132000000				1990
137000000	1416569	0,555	0,967	1991
165000000	1308650	-4,358	1,261	1992
153000000	1576534	1,560	0,970	1993
146000000	1326458	0,298	1,101	1994
150000000	1486279	1,553	1,009	1995
166000000	1446151	-2,866	1,148	1996
168000000	1680335	0,994	1,000	1997
193000000	1658281	-11,339	1,164	1998
216000000	2935229	0,348	0,736	1999
238000000	3512639	0,265	0,678	2000
280000000	1859780	-0,631	1,506	2001
331000000	-10686667	0,144	-0,310	2002
366000000	4015825	0,602	0,911	2003
403000000	11273579	0,150	0,357	2004
443000000	24018119	0,119	0,184	2005
518640000	34746412	-0,621	1,493	2006
582650000	71589759	0,448	0,814	2007

Таблица 17

Военные расходы Индии (1989-2007 гг.)				годы
Расходы на оборону	Расчетная емкость ниши	"а"	"ω"	
122190000				1989
120360000				1990
112380000	12272400	-3,442	0,916	1991
107400000	9629674	0,265	1,115	1992
121310000	11111046	3,878	1,092	1993
121850000	12180510	1,095	1,000	1994
125500000	12121575	-5,725	1,035	1995
127780000	13112550	0,423	0,974	1996
141000000	12501435	-4,677	1,128	1997
147570000	15183292	0,653	0,972	1998
171500000	13835097	-2,434	1,240	1999
176970000	17735918	0,965	0,998	2000
183130000	1161021	-0,059	1,641	2001
182560000	12262439	1,124	1,000	2002
186640000	18306032	8,177	1,020	2003
192040000	16871056	-0,272	1,138	2004
222730000	13544624	-4,495	1,201	2005
236150000	1130351	0,783	0,979	2006
242490000	1693556	0,615	0,982	2007

Таблица 18

Военные расходы Великобритании (1989-2007 гг.)				годы
Расходы на оборону	Расчетная емкость ниши	"а"	"ω"	
620270000				1989
606960000				1990
623480000	61440240	2,247	1,015	1991
585600000	61207103	3,259	0,957	1992
563930000	52658175	0,330	1,071	1993
545790000	41983965	0,094	1,300	1994
508180000	57981124	-1,174	0,876	1995
505540000	50511343	0,856	1,001	1996
483000000	50852817	-7,588	0,950	1997
476910000	47411244	0,673	1,006	1998
475290000	47466431	0,718	1,001	1999
477780000	47627278	2,539	1,003	2000
487600000	47443820	-2,918	1,028	2001
509490000	46948770	-1,164	1,085	2002
574520000	47572343	-1,798	1,208	2003
602340000	61427223	0,748	0,981	2004
600760000	60091042	1,103	1,000	2005
595950000	60310986	-2,055	0,988	2006
597050000	59685113	1,223	1,000	2007

Таблица 19

Военные расходы Франции (1989-2007 гг.)				годы
Расходы на оборону	Расчетная емкость ниши	"а"	"ω"	
578120000				1989
575560000				1990
579310000	57708413	2,467	1,004	1991
561080000	57620324	5,836	0,974	1992
554870000	55118964	0,617	1,007	1993
557720000	55683841	1,453	1,002	1994
530010000	55513703	10,678	0,955	1995
517380000	50447026	0,471	1,026	1996
519000000	51884681	1,108	1,000	1997
505350000	51755235	9,403	0,976	1998
509790000	50876808	1,308	1,002	1999
503950000	50727720	2,313	0,993	2000
502250000	50151254	0,694	1,001	2001
512570000	50371026	7,088	1,018	2002
526430000	46959002	-0,295	1,121	2003
540180000	91954866	0,061	0,587	2004
529170000	53415322	1,806	0,991	2005
531990000	53145202	1,241	1,001	2006
535790000	52088501	-0,335	1,029	2007

Таблица 20

Военные расходы Германии (1989-2007 гг.)				годы
Расходы на оборону	Расчетная емкость ниши	"а"	"ω"	
554750000				1989
584640000				1990
551340000	56927997	2,111	0,968	1991
524360000	34822578	0,084	1,506	1992
471390000	57668941	-1,113	0,817	1993
439620000	36520974	0,232	1,204	1994
432380000	42934635	0,688	1,007	1995
423950000	47899749	-0,200	0,885	1996
409000000	44280424	-0,828	0,924	1997
409930000	40990560	1,029	1,000	1998
418220000	40888219	-7,891	1,023	1999
411470000	41454044	1,818	0,993	2000
404740000	92221353	-0,030	0,439	2001
406040000	40584468	1,180	1,000	2002
400440000	40498557	5,297	0,989	2003
388160000	41061695	-1,237	0,945	2004
380600000	36678587	0,334	1,038	2005
371330000	41833401	-0,270	0,888	2006
369290000	36863008	0,750	1,002	2007

Таблица 21

Военные расходы Японии (1989-2007 гг.)				годы
Расходы на оборону	Расчетная емкость ниши	"а"	"ω"	
383950000				1989
395130000				1990
404100000	43468152	0,249	0,930	1991
413900000	26375770	-0,046	1,569	1992
418490000	42215712	0,567	0,991	1993
420510000	42202764	0,576	0,996	1994
424710000	41660077	-1,064	1,019	1995
433280000	41639355	-1,010	1,041	1996
435000000	43537890	0,823	0,999	1997
434050000	43438958	1,554	0,999	1998
434830000	43447884	1,821	1,001	1999
438020000	43379695	-3,081	1,010	2000
442750000	42807095	-0,465	1,034	2001
447250000	51847649	0,070	0,863	2002
448140000	44834554	0,814	1,000	2003
444730000	44743450	4,826	0,994	2004
441650000	41018728	0,082	1,077	2005
436660000	44960783	-0,638	0,971	2006
435570000	43524490	0,768	1,001	2007

УСТРОЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО МИРА. ЧТО МЫ УЗНАЛИ И ЧТО ХОТЕЛИ БЫ УЗНАТЬ В ЭПОХУ КРИЗИСА

По страницам одной книги

С.В. Патрушев

Ключевые слова: политические системы и режимы, сравнительные исследования, статистический анализ, кластеризация, модернизация, национальное государство.

Появление “Политического атласа современности”¹ стало событием в отечественной политической науке. В России впервые реализуется столь крупный исследовательский политологический проект, во многих отношениях пионерский для нашей страны. Работа была начата в 2005 г. и, насколько нам известно, продолжается по сей день². Изданием 2007 г. отмечено завершение одного из этапов.

Уникален объект изучения – мир середины 2000-х годов, представленный политическими системами и режимами 192 стран.

Необычны постановка и масштаб целей и задач. Авторы открыто провозгласили не только политологический – научный и научно-прикладной, но и политический характер работы. Научная цель проекта – глобальное сравнение политических систем и режимов мира, построение многомерных типологий. Практические задачи – разработка инструментария для внешнеполитического и страноведческого анализа любого государства мира, для оценки и прогнозирования политических процессов разного рода и масштаба, создание новых технологий для политического и делового консалтинга. Политическая цель исследования – дать политикам аргументы для оценки роли отдельных государств и их объединений в мировой политике, для коррекции подходов, оптимизации профессиональной деятельности и персонального взаимодействия. Предполагается, что получив новые, более точные данные и аргументы для позиционирования России в мировом контексте, отечественные политики могут основательнее разработать и обосновать политические приоритеты развития страны.

Впечатляет эмпирическое основание исследования. Первичная база данных включает свыше 100 групп исходных переменных, в расчеты вовлечены 70 переменных и более 13000 единиц информации. Стремясь максимально охватить объекты сравнения – суверенные государства, исследователи пожертвовали параметрами, значения которых имелись не по всему кругу стран. Схема описания каждой из 192 политий включает данные по экономике (основные макроэкономические показатели), политике (государственное устройство, основные политические инсти-

ПАТРУШЕВ Сергей Викторович, кандидат исторических наук, зав. отделом сравнительных политических исследований Центра политологии и политической социологии ИС РАН.

Для связи с автором: svp@comtv.ru

¹ Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических

туты, избирательный процесс, внутренние и международные конфликты и т.п.), социальной сфере, истории и т.д. Вся эта информация является основой подготавливаемой “Энциклопедии политических систем современных государств”.

Оригинален используемый инструментарий. Методы политической компаративистики сопряжены с методами многомерного статистического анализа, анализ статистических баз данных – с экспертными оценками. В работе реализован многоэтапный алгоритм: на основе переменных конструируются комплексные индексы-критерии, ранжированные индексы по 192 странам сворачиваются в пространство главных компонент, на их основе создаются новые классификации, формируются кластеры стран и осуществляется концептуальное картирование. Адекватность предложенной стратегии, ее плюсы и минусы требуют отдельного серьезного обсуждения. Здесь лишь отметим, что, например, по мнению авторов, разнородность показателей побуждает использовать статистический метод главных компонент применительно к сконструированным исследователями комплексам переменных – индексам (рейтингам), а не ко всему набору переменных исходной базы данных проекта, хотя последняя возможность авторами допускается и обсуждается. Конечно, при избранном варианте процедура последующей политологической трактовки упрощается. Но и обоснованность конкретного состава индексов становится, на наш взгляд, менее очевидной. Результаты были бы надежнее, если бы формирование индексов шло и в обратном направлении: от главных компонент к комплексам переменных или при помощи предварительной кластеризации показателей. Тогда, по крайней мере, не было бы казусов, скажем, с Барбадосом, формально обогнавшим по влиянию Японию, Францию, Великобританию...

При внешней простоте (и необходимости) количественный анализ в политической науке чреват многими рисками – и прежде всего исчезновением собственно политического смысла. Предотвратить подобную опасность, полагают участники проекта, позволяет изучение политических институтов и структур в контексте исторических, культурных и иных традиций, внутренних и внешних влияний и воздействий, структурных траекторий и пределов режимных изменений, а также внимание к индивидуальным особенностям и специфическим характеристикам стран, темпов политических изменений и развития, уровней “эволюционной зрелости”, развитости, нелинейных траекторий политической эволюции и точек эволюционных сдвигов.

Проект опирается и ориентируется на достижения мировой политической науки. В отличие от нередких отечественных публикаций, возникающих *ex nihilo*, создатели Атласа приложили немало усилий для изучения методов и результатов работы своих предшественников – отечественных, благо такие есть, и зарубежных, чтобы выстроить свой оригинальный подход. Заметим, что некоторые компаративные проекты длятся (и должны длиться!) десятилетиями и дают обильный информационный, теоретический и методологический материал. Например, проект “Полития” был начат Т.Гурром в 1970-е годы и продолжается по сей день М.Маршаллом и его коллегами; “демократические” проекты Хельсинкского университета под руководством Т.Ванханена реализуются с 1980-х годов. Книги по результатам этих и других крупных сравнительных исследований составляют целую библиотеку.

нию, не свободны от субъективизма и предвзятости, политического манипулирования, конъюнктурных политических мотивов. Это индексы политических прав и гражданских свобод (“*Freedom House*”), восприятия коррупции (“*Transparency International*”), свободы прессы (“Репортеры без границ”), экономической свободы (“Институт Катона”), глобализации (журнал “*Foreign Affairs*” и консалтинговая компания “*A. T. Kearney*”) и т.д. Впрочем, это не помешало авторам проверить и обнаружить сопоставимость одного из индексов Атласа — институциональных основ демократии и индексов Гурра, Ванханена, “*Freedom House*”.

Более благосклонны авторские оценки исследования “Типология несоциалистических стран (опыт многомерно-статистического анализа народных хозяйств)”, выполненного на рубеже 1960-1970-х годов в ИМЭМО АН СССР под руководством Л.А.Гордона, В.Л.Тягуненко и Л.И.Фридмана, как в значительной мере сходного с Атласом по задачам и методологии.

Проект отмечен открытостью. Замысел, текущие результаты, перспективы исследования обсуждались в разных профессиональных средах, на многих научных встречах — конгрессах, конференциях, семинарах в России и за рубежом, включая Четвертый Всероссийский конгресс политологов в Москве, 20-й Конгресс Международной ассоциации политической науки в Фукуоке (Япония), конвенты Ассоциации международных исследований в Сан-Диего и Чикаго, в Гарвардском университете и др. Следуя современной мировой практике, книга и связанные с ней материалы размещены в открытом доступе на специальном Интернет-сайте.

Беспрецедентно количество участников. Формально в работе участвуют 40-50 специалистов, аспирантов, студентов МГИМО(У) МИД России³, фактически на орбиту проекта так или иначе вовлечены многие политологи России и мира⁴.

Иначе говоря, в России едва ли не впервые появился политологический продукт, предполагающий и достойно выдерживающий прямое сравнение с мировыми аналогами (такого рода книги надо, конечно, сразу издавать и на английском). Поэтому вряд ли продуктивно обсуждать значение отдельных переменных, целесообразность того или иного индекса, другие детали столь фундаментальной работы. Неприемлем и привычный в таких случаях прием — изложить собствен-

³ Руководитель проекта — заслуженный деятель науки России, проректор МГИМО проф. А.Ю.Мельвиль, заместитель — зам. декана факультета политологии, к.полит.н. М.Г.Миронюк, соруководитель проекта по математическим методам анализа, к.техн.н., главный аналитик журнала “Эксперт”, проф. кафедры сравнительной политологии Ю.А.Полунин, заместитель — преподаватель кафедры политической теории, к.полит.н. И.Н.Тимофеев, главные научные консультанты проекта: зав. кафедрой сравнительной политологии, д.полит.н., проф. М.В.Ильин и зав. отделом ИНИОН РАН, доцент кафедры сравнительной политологии, к.полит.н. Е.Ю.Мелешкина при участии зав. кафедрой политической теории, д.филос.н. Т.А.Алексеевой, директора Центра глобальных проблем, д.ист.н. В.М.Сергеева и доцента кафедры сравнительной политологии, к.полит.н. О.Г.Харитоновой.

⁴ Среди них — академик РАН, ректор МГИМО А.В.Торкунов, директор Института общественного проектирования, главный редактор журнала “Эксперт” В.А.Фадеев, А.С.Ахременко (МГУ), Б.Бали (Парижский институт политических наук), О.Н.Барабанов (МГИМО), Д.Берг-Шлоссер (Университет Марбурга), А.Д.Богатуров (МГИМО), О.В.Буторина (МГИМО), Т.Ванханен (Университет Хельсинки), Т.Волджи (Университет Аризоны), О.В.Гаман-Голутвина (ГУ-ВШЭ), В.Я.Гельман (Европейский университет в Санкт-Петербурге), А.А.Коновалов (Институт стратегических оценок), В.М.Кулагин (МГИМО), Г.Лепидус (Стэнфордский университет), Б.И.Макаренко (Центр поли-

ные взгляды на предмет, обычно никак не связанные с позицией оппонентов (к сожалению, по этой схеме строятся многие “научные дискуссии” в России).

Попытаемся пойти вслед за авторами Атласа и представить их глазами устройство современного мира, основные тенденции его развития. В какой степени это видение подтверждено результатами исследования? Что может произойти с нынешней “моментальной фотографией” мира в эпоху кризиса, резкого перелома в развитии? И нельзя ли обнаружить признаки нынешнего кризиса в наблюдениях 2005-2007 гг.?

Современный мир, полагают авторы, системно организован. Для него характерны асимметрично-симметричная ячеистая структура, неоднородность взаимосвязанных элементов, органичность, непрерывная “системная наследственность”, моменты инерционности отдельных частей и множественность векторов политического развития (или, другими словами, — отсутствие пригодных для всех универсальных моделей).

Пространство политического расширилось и продолжает расширяться в различных измерениях — национальном, транснациональном и субнациональном, сетевом и внесистемном. Складываются новые измерения — прогностика и планирование, кратко-, средне- и долгосрочные политические стратегии, обеспечение интегральной безопасности (совокупных условий существования государств и их граждан), универсальная реализация суверенности государств и прав человека, управление демографическими и миграционными процессами, информационно-коммуникативное и научно-техническое обеспечение политики и т.д. Меняется традиционная внутренняя и внешняя политика стран мира, формируются новые варианты и типы политического устройства, политические модели.

Национальные государства (или сообщества государств) остаются основой политических процессов, живут в своем пространстве и времени, имеют свой “эволюционный возраст”, логику и приоритеты развития. Конкретные траектории национальной и глобальной политической эволюции определяются как структурами, так и самими акторами — государствами.

В этом контексте, по мнению авторов Атласа, ключевыми факторами, обуславливающими положение отдельных политий, выступают: качество государственности — суверенность и эффективность; масштаб угроз и вызовов, исходящих из внешней и внутренней среды; мировое влияние — совокупные ресурсы воздействия на международную среду; качество реализации государством социальных функций — уровень жизнеобеспечения населения; институциональные основы демократии.

Какие наиболее общие характеристики устройства мира обнаружило исследование?

Во-первых, центром мировой системы является ограниченно-плюралистическое “ядро”⁵ — несколько стран, которые способны реально воздействовать на мировую динамику и даже играть организующую мировые структуры роль. Лидером ядра являются, несомненно, США, недалеко от которых по разным траекториям перемещаются (сближаясь?) Россия, Китай и Индия, несколько дальше — Германия и Япония, еще дальше Франция и Великобритания (страны по оцен-

Германия)⁶. Именно эти страны, вместе с другими крупными державами формируют международные “правила игры”⁷ (и, добавим, первыми могут их нарушить). Остальные способны оказывать только частичное – региональное или “отраслевое” (финансовое, политическое и/или идеологическое) – воздействие. Фактор лидерства и уровень государственности – то немногое, что объединяет “страны влияния”. Для одних из них остро стоят проблемы безопасности. Другие смогли обеспечить баланс влияния и качества жизни, демократии и государственности. Третьи делают выбор в пользу государственного величия ценою качества жизни. По мнению авторов Атласа, США, Россия и Китай – совсем особые, отличные от других стран мира. Если исходить из потенциала мирового влияния, то первую тридцатку образует неоднородная группа стран, имеющих достаточно высокий уровень государственности, но разные типы политического устройства и разное качество жизни, и принадлежащие ко всем географическим регионам и мировым религиям. На наш взгляд, чрезвычайно характерно, что страны влияния и даже ядра представляют совершенно разные социокультурные типы, или, как сейчас принято говорить, цивилизации. Это побуждает задуматься о стандартных делениях Запад-Восток, о формах “столкновения цивилизаций”, не говоря уже о самой такого рода возможности.

Во-вторых, место большинства стран в мире и структура их взаимосвязей напрямую зависят от степени угроз и вызовов, на которые они вынуждены отвечать. Успешность стратегии противодействия внешним и внутренним угрозам определяет и качество жизни, и государственность, и уровень демократии.

В-третьих, вынужденное решение задач обеспечения собственного существования не отменяет необходимость политического выбора национальной стратегии. Стратегический выбор осуществляется в рамках оппозиций: “внешние и внутренние угрозы” vs “государственность” (или “демократия”, или “качество жизни”, или “мировое влияние”). Похоже, что следствием выбора оказывается “множественный дуализм” мировой системы. Формируются полюса мирового развития: 1) “угрозы” и “качество жизни”; 2) “государственность без демократии” и “демократия без государственности”; 3) “мировое влияние” и “качество жизни”; 4) “государственность” и “демократия”; 5) “государственность” и “качество жизни”; 6) “государственность” и “мировое влияние”.

Движение государств между этими полюсами отражает этапы и сложность выбора и потому имеет принципиально нелинейный характер, образуя дуги развития экономики (качества жизни), государственности, демократии или же дуги угроз.

Многие современные угрозы связаны с модернизацией, которая на рубеже веков достигла, по определению авторов, “высшей на сегодня фазы” – глобализации, сопровождалась разворачиванием процессов локализации, транснационализации, демократизации и др. Противоречивость этих процессов, их своеобразная взаимозаменяемость (возможность “подмены”) порождают дополнительные внут-

ренние напряжения. Так, втягивание в процесс демократизации имеет глубинные последствия и должно сопрягаться с исторической динамикой. Конструирование весьма изощренного, “отвечающего мировым стандартам демократии”, но исторически преждевременного институционального дизайна ставит проблему его конгруэнтности наличным институтам и может выхолостить демократический смысл нововведений, обернуться демодернизацией, ретрадиционализацией и даже привести к *модернизационному срыву*.

Мир находится на разных этапах развития национальной государственности. Хотя большинство государств уже прошло достаточно долгий путь становления, остается немало – несколько десятков – стран, которые испытывают трудности с выбором и осуществлением самостоятельной стратегии национального развития. “Традиционные” угрозы не исчезают, а это означает, что многие структурные свойства нынешнего мирового устройства имеют все шансы на воспроизводство.

Современный кризис, на глазах приобретающий затяжной и всеобщий характер, оказывается той новой мощной внутренней/внешней угрозой, которая требует координированного ответа и потому несет в себе соблазн унификации мирового развития. Но сочетание универсальных и партикулярных трендов, ситуаций и свойств является проблемой сугубо конкретной, требующей штучного анализа.

Сложившая “многополюсная” структура мира не является образцом устойчивости. Возможная консолидация/консервация, в рамках функциональных структур мировой системы, например, “полюсов” низкого качества жизни или жесткого государственного контроля, чревата конфликтами, борьбой, прежде всего со “странами влияния”.

Когда “восьмерка” или “двадцатка” (точнее, 19 стран + ЕС) предлагают меры преодоления кризиса, предполагается, что за их решениями последуют региональные и международные объединения, структуры ООН, словом, еще полторы сотни государств, для многих из которых проблемы мирового кризиса – не столь близкая реальность. Не стоит ли подумать о специальных мерах по снижению уровня традиционных опасностей, чтобы национальный выбор был менее принудительным и не подпитывал “больших” угроз?

Насколько готовы сегодняшние “лидеры влияния” обновить правила игры и предложить новые, более свободные и приемлемые для всех, но и более ответственные для самих себя нормы мирового порядка и новые, более эффективные международные институты? Или глубокая трансформация институциональной структуры мирового порядка станет проблемой новых “смотрителей мира”?

Позволю предположить, что задачи проекта МГИМО, по крайней мере, его данного этапа, были во многом экспериментальными. Основные цели оказались достигнуты, многие трудности преодолены. В заключительном разделе книги намечены направления дальнейшей реализации проекта: обновление базы данных, создание длинных временных рядов, изучение политических объединений, расширение числа переменных и прочее, и прочее.

Судя по всему, работа только начинается...

⁶ Нельзя не напомнить позицию В.Б. Тихомирова, обосновавшего принципиальную bipolarность мировой системы государств [Тихомиров 1997: 54-55]. Пока ход кризиса указывает на будущее укрепление скорее Китая и Индии, чем России или Германии (по оценкам в 2009 г. российский ВВП снизится на 2% при инфляции в 17,5%, в 2010 г. вырастет на 2,3%; реальный ВВП Китая вырастет в 2009 г. на 7,2%, Индии на 6,8%, Бразилии на 2,5%). Преимущество Китая – закрытость финансовой систе-